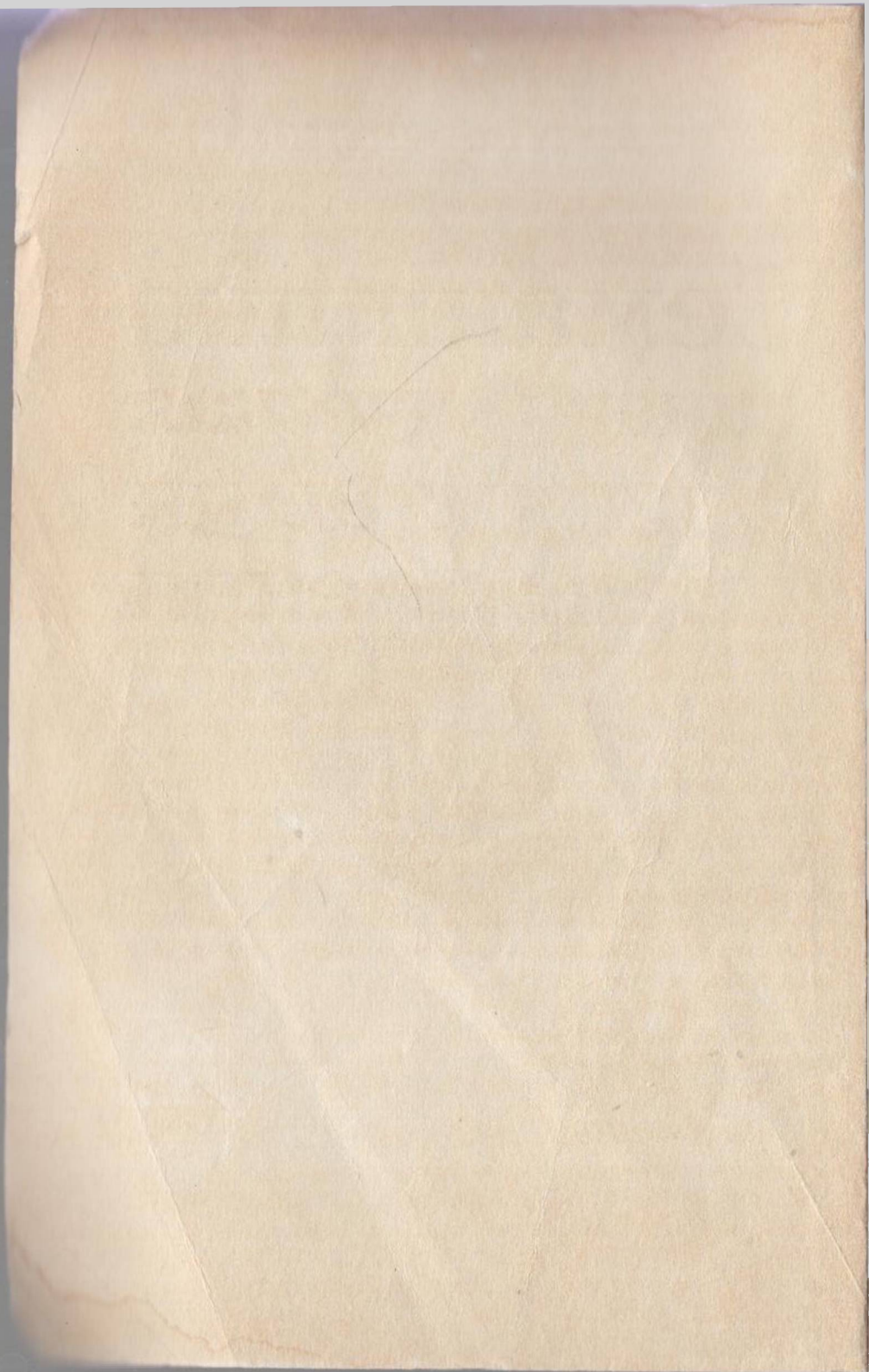

В. В. БОГДАНОВ

Семантико- синтаксическая организация предложения

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. В. БОГДАНОВ

СЕМАНТИКО-
СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1977

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии дано комплексное описание смысловой и синтаксической структуры предложения и его частей. Анализ синтаксических явлений в значительной степени базируется на принципе транспозиции. Исследование выполнено в контексте фундаментальных понятий современной семантики и синтаксиса с разграничением глубинной и поверхностной сфер изучаемого объекта. В книге использованы материалы русского и других языков самой различной типологии.

Монография рассчитана на лингвистов разных специальностей, студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов.

Р е ц е н з е н т ы: канд. филол. наук М.И.Откупщикова (ЛГУ им. А.А.Жданова), канд. филол. наук И.Б.Долинина (Ин-т языкознания АН СССР)

Б 70102-002 147-77 (С) Издательство Ленинградского
076(02) - 77 университета, 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смысловая сторона предложения привлекает в последние годы пристальное внимание лингвистов. Интерес к семантике предложения обусловлен тем, что именно в предложении заключен тот объект, раскрытием природы которого заняты в настоящее время многие науки, связанные с изучением процессов коммуникации. Этим объектом является мысль. Мысль, содержащаяся в предложении, обычно рассматривается как его смысл. В отличие от других наук лингвистическую семантику интересует главным образом способ организации этого смысла и процесс его созидания в языковой сфере. Смысл предложения имеет сложную организацию. Для обозначения ее в семантике используют такие термины, как "семантическая структура", "базовая структура", "внутренняя структура", "глубинная структура" и др. Все эти термины отражают организованный характер смысла и его глубинный статус по отношению к реально наблюдаемым высказываниям, которые именуются терминами "синтаксическая структура", "внешняя структура", "поверхностная структура" и т.д. Связь между семантическими и синтаксическими структурами осуществляется посредством трансформаций.

Своеобразие концепции, развиваемой в настоящей книге, заключается в том, что смысл любого предложения рассматривается как более или менее сложным образом организованная совокупность предикатных выражений. Простейший вид предикатного выражения представляет собой комбинацию предикатного и непредикатных знаков. В более сложных случаях в состав такого выражения может входить несколько предикатных знаков. Соответственно этому в гл. I—IV книги детально анализируется строение предикатных выражений различного типа, рассматриваются семиотические и семантические свойства образующих их компонентов и механизм взаимодействия предикатных выражений в составе многопредикатных структур. Глава V посвящена преимущественно анализу аппарата транспозиции, обеспечивающего высокую степень регулярности преобразования предикатных выражений в синтаксические конструкции.

Обсуждение каждой из рассматриваемых в книге проблем сопровождается критическим разбором и оценкой взглядов, существующих по данному поводу в отечественной и зарубежной литературе. Это дает возможность определить место и значимость формулируемых в книге положений.

В качестве иллюстративного материала используются в основном факты русского языка, однако в необходимых случаях привлекаются также данные других языков.

Важнейшие положения формулируемой нами концепции в течение многих лет излагались в виде спецкурсов, обсуждались на спецсеминарах и нашли отражение в публикациях автора и в его выступлениях на научных конференциях.

Автор выражает искреннюю благодарность проф. А.С.Герду, проф. Ю.С.Маслову, докт.филолог.наук Г.Н.Акимовой, доц.Б.М.Лейкиной, кандидатам филологических наук П.М.Алексееву, Е.А.Белоусовой, И.Б.Доллиной, Н.Н.Матвеевой, М.И.Откупщиковой, С.Я.Фитиалову, ассистентам В.Д.Буторову и Т.И.Зубковой, которые ознакомились с рукописью настоящей книги и сделали целый ряд ценных критических замечаний и конструктивных предложений, способствовавших уточнению многих положений. Автор глубоко признателен также слушателям его спецкурсов и участникам спецсеминаров по лингвистической семантике и структурному синтаксису — преподавателям, аспирантам и студентам филологического факультета ЛГУ им.А.А.Жданова, активное участие которых в дискуссиях содействовало более глубокому осмыслению автором многих спорных положений современной семантики и синтаксиса.

Г л а в а I. ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ

§ 1. Знак: его план выражения и план содержания

Лингвистический анализ, не ограничивающийся чисто формальной стороной языка, неизбежно апеллирует к тому, что принято называть значением. Но обращение к значению ставит исследователя перед проблемой знака. Именно поэтому обсуждение основных понятий семантики приходится начинать с семиотики. В этом нет ничего необычного. Напротив, такой ход исследования представляется вполне логичным, а сама связь этих наук подтверждается и этимологией их названий, в основе которой лежит греческое слово *σημεῖον* 'знак'. Подобное направление анализа прослеживается практически в большинстве работ, посвященных знаку и значению (см., например, [3; 4; 63; 85; 218; 233; 234; 331; 332]¹).

В настоящее время существует большое количество определений знака, учитывающих его различные типы и аспекты. Если попытаться выявить то общее, что характерно для любого объекта, который мы имеем право назвать "знаком", то это общее можно было бы представить в виде следующего определения: знак — это нечто воспринимаемое, что способно информировать воспринимающего как о себе самом, так и о чем-то другом, что находится за пределами самого знака (ср. [157, 284]).

Это определение включает в себя несколько компонентов, которые важно проанализировать. Прежде всего в нем отмечено, что знак — это "нечто воспринимаемое". Поскольку объектом восприятия может быть только материальный объект, то отсюда и любой знак должен иметь материальное воплощение. Оно необходимо для того, чтобы знак мог воздействовать на органы чувств воспринимающего человека. Знак может иметь различное материальное воплощение. Он может быть акустическим по своей природе, если воздействует на органы слуха, оптическим, если воспринимается органом зрения, тактильным, т.е. воздействующим на орган осязания, ольфакторным, если воспринимающим рецептором является орган обоняния, и густаторным, если знак

¹ Цифры в квадратных скобках означают номера источников в списке литературы, приведенном в конце настоящей работы; цифры, подчеркнутые волнистой чертой, — страницы.

воздействует на орган вкуса. Языковые знаки в отличие от всех прочих видов знаков имеют обычно акустическое и (на письме) оптическое воплощение. Материальную сторону знака будем называть термином "экспонент" [156; 157]. Этот термин своей мотивировкой отражает только тот весьма существенный для любого знака факт, что знак "экспонирован" к тому или иному органу чувств воспринимающего человека. Конкретный же вид материального экспонирования в данном термине не отражен.

Вторую часть определения, т.е. выражение "знак информирует о себе самом", следует понимать в том смысле, что знак сообщает воспринимающему о своем присутствии. Эта способность знака роднит его с другими объектами материального мира. С точки зрения этого свойства знак ничем не отличается от любой вещи. Чтобы такая вещь стала подлинным знаком, она должна информировать не только о себе, но и о чем-то другом, внеположенном этой вещи, или отчужденном от нее. Это вненаходящееся "что-то другое" само может быть вещью, или любым иным объектом действительности, к которому первая вещь (экспонент знака) отсылает воспринимающего.

Таким образом, в общем случае налицо две вещи (вторая вещь, вообще говоря, может быть также свойством или отношением), а именно: та, которая информирует воспринимающего, или знак, и та, о которой знак информирует, или объект реальной действительности.

Эти две вещи могут быть связаны причинной связью. Возникающий при этом знак можно назвать причинным. Типичными знаками подобного рода может служить дым как знак (оптический или ольфакторный) огня, гром как знак (акустический) приближающейся грозы, туча как знак (оптический) дождя и т.д. Причинное, или причинно-следственное, отношение, существующее между одним объектом, например дымом, и другим объектом, а именно огнем, задано самой природой и существует независимо от человека.

Все знаки, которые не удовлетворяют сформулированному выше условию, можно было бы назвать непричинными. Они являются по своему характеру конвенциональными. В качестве примера таких знаков можно назвать дорожную,² морскую, военную и прочие сигнализации, различные виды символик. Отношение между непричинным знаком и замещаемым им объектом не задано самой природой, а создается чело-

---

² Знаки общения животных занимают промежуточное положение между причинными и непричинными знаками.

веком. В связи с этим необходимо остановиться на субъективном факторе, а именно на роли человека в знаковой ситуации.

Важно подчеркнуть, что не всякое отношение, существующее между одним объектом и другим, делает один из них знаком другого, а только такое, при котором один объект регулярно замечает другой и которое (что особенно важно) фиксируется в сознании человека. В самом деле, дым может служить знаком огня. Однако знаковый характер дыма объясняется стидь не отношением, существующим между дымом и огнем, потому что это отношение, как уже было указано, задано самой природой как причинно-следственное отношение. Если бы только на основании существования этого отношения между дымом и огнем было сделано заключение о знаковом характере дыма, то пришлось бы признать, что неорганическая природа сама для себя творит знаки. Следовательно, при всяком рассуждении о знаке и знаковости должен быть признан приоритет человеческого. Это означает, что дым является знаком только для воспринимающего, только для человека, т.е. только тогда, когда существующее в природе отношение между дымом и огнем отражено в сознании. Если же такого природного отношения между двумя объектами не существует (что, собственно, и наблюдается в случае языковых знаков), то связь между ними должна быть сконструирована в мозгу человека в процессе его обучения языку.

Итак, при использовании причинных знаков человек просто фиксирует, т.е. отражает в сознании существующую в природе причинно-следственную связь, в случае же не причинных знаков он конструирует связь между экспонентом и объектом искусственно в процессе овладения системой таких знаков.³ Эта субъективно отражаемая или конструируемая связь⁴ представляет собой не что иное, как значение знака. Отношения между экспонентом, замечаемым объектом и зна-

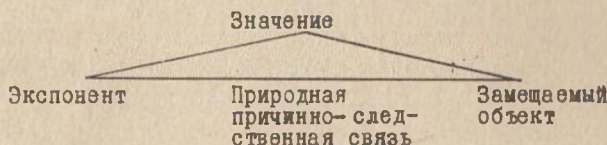
---

³ Вопросы, связанные с генезисом знаковых систем, здесь не рассматриваются.

⁴ Ясно, что в сознании эта связь устанавливается между идеальным отражением экспонента (акустический, оптический, тактильный образ и пр.) и идеальным отражением внеязыкового объекта (мысленный образ объекта, представления о нем).

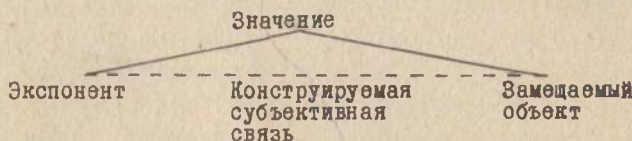
чением могут быть представлены для причинных знаков в виде следующего треугольника:

С х е м а 1

Отношения между тремя названными компонентами в случае не-причинных знаков примут вид следующего треугольника:

С х е м а 2

Знаки естественного человеческого языка (морфемы, слова) даже в том случае, когда они являются мотивированными, не могут рассматриваться как строго причинные. Это выражается, во-первых, в том, что не существует единого типа мотивировки (мотивировка может быть фонетической, морфологической, семантической), а во-вторых, в том, что все мотивировки условны (см. [156, 120-122]). Видимо, именно это дало Ф. де Соссюру основание утверждать, что языковой знак произведен [216, 127-129]. О причинных же знаках нельзя сказать, что они условны или тем более произвольны. Все причинные знаки имеют строго закономерный характер.

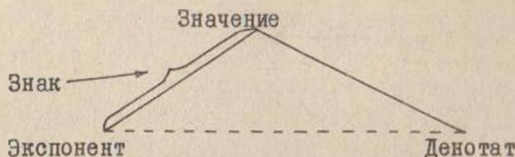
Таким образом, применительно к языковым знакам, которые будут в дальнейшем основным объектом исследования, справедлива схема 2. В этой схеме термин "замещаемый объект" можно заменить широко используемым в семантике и семиотике термином "денотат". Полученная в результате этого схема представляет собой один из возможных вариантов известного треугольника отнесенности (см. [22; 94; 248; 333]).

При интерпретации рассмотренной схемы термины "знак" и "значение" могут пониматься по-разному. Нередко с термином "знак" связывается представление только об экспоненте, в то время как значе-

ние из сферы знака исключается. Эта концепция получила довольно широкое распространение среди логиков и лингвистов и известна в науке под названием "унилатерализм" (см. [22; 62; 63; 99; 118; 123; 197; 199; 223; 262; 263; 330]). Значение в этой концепции рассматривается как отношение. Например, А.А.Реформатский в одной из своих последних работ пишет: "«Значение» — прежде всего не вещь, не субстанция, а отношение, и, главным образом, отношение фактов языка (словоформ) к «инофактам» понятийного и онтологического порядка, т.е. отношение языка к внеязыковым явлениям (к понятиям, к вещам — к денотатам)" [199, 270]. На самом деле значение — не столько отношение, сколько отражение, отпечаток этого отношения в мозгу человека. Тот факт, что дым может служить знаком огня, обусловлен не только наличием отношения между ними, но прежде всего отражением этого отношения в сознании. Поэтому в рассмотренных выше треугольниках (схемы 1 и 2) значению соответствует не линия (сплошная или пунктирная), соединяющая непосредственно экспонент с замещаемым объектом, а вершина, указывающая на то, что отношение между ними опосредовано сознанием.

Следует напомнить, что в свое время Ф.де Соссюр [216, 112] предостерегал лингвистов от прямой связи экспонента знака с замещаемым им объектом реальной действительности, минуя сознание. Отсюда известная соссюровская концепция знака как единства акустического образа и концепта (понятия). Поскольку же акустический образ и концепт возможны только в сознании, то тем самым подчеркивалось важное значение мыслительной сферы для существования знака. Таким образом, Ф.де Соссюр правильно акцентировал внимание на том факте, что имя (экспонент) и вещь (денотат) связаны не напрямую, а через человеческую голову. Этот чрезвычайно важный момент знаковой ситуации в унилатералистской концепции постоянно упускается из виду.

Точка зрения, в соответствии с которой знак считается двусторонней сущностью, состоящей из означающего (экспонента) и означаемого (значения), принято называть "билатералистской". Эта концепция также имеет большое число сторонников (см. [36; 72; 115; 120; 156; 157; 208; 209; 216]). В соответствии с билатералистскими взглядами треугольник отнесенности может быть представлен следующим образом:

Значение в этой концепции рассматривается как объект той же природы, что и концепт (понятие). Оно отличается от понятия тем, что включает в себя не все его компоненты, однако в его структуру могут входить и не концептуальные компоненты: экспрессивные, оценочные (так называемая коннотация), структурные и пр. Таким образом, значение, с одной стороны, менее емко, чем понятие, а с другой — емче его (см. [115, 9-25]). Разумеется, отграничение значения от понятия не является достаточно простой процедурой, поэтому у билатералистской концепции есть свои затруднения. Однако важная черта билатерализма заключается в том, что он интерпретирует язык не как бессодержательную форму, а как такую форму, которая наполнена реальным мыслительным содержанием.

Помимо рассмотренных здесь концепций значения существуют и другие определения этого важнейшего понятия семиотики, которые не основываются на треугольнике соотношенности, а учитывают иные факторы. Мы не будем анализировать все точки зрения, так как в настоящее время имеется достаточное число обзорных работ, где этот вопрос рассмотрен в деталях (см., например, [22; 123; 333]).

§ 2. Структура значения и его аспекты

При унилатералистском взгляде на значение последнее нередко подразделяется на несколько видов и теряет свой целостный характер. Говорят обычно не о значении вообще, а о денотативном, сигнификативном, прагматическом и прочих значениях. Однако чтобы целостный объект семантики, каковым является значение, не растворился во множестве его частных видов, число которых имеет тенденцию к постоянному увеличению, разумнее, пожалуй, считать, что значение представляет собой единую характеристику знака. Но эта единая характеристика может рассматриваться с разных сторон, обнаруживая тем самым различные аспекты своего содержания, которые можно интерпретировать как аспекты значения. Так, например, аспектом

значения можно считать его денотативную ориентацию, т.е. отражение в значении особенностей денотата. Аспектом значения выступает и его концептуальная ориентация, т.е. отражение в значении характерных особенностей концепта (понятия, сигнификата, десигната). Здесь целесообразно подчеркнуть, что, хотя значение и понятие не тождественны, они — явления одной природы. Будучи отражением или построением (в мозгу человека) связи между экспонентом и денотатом, значение создает основу для формирования понятия, которое в дальнейшем "обрастает" дополнительной информацией и противопоставляется как логическое языковому.⁵

Аспекты значения не исчерпываются денотацией и сигнификацией. Не менее существенную роль играет нетождество одного значения другому. Оно обусловлено множеством значений, которое в конечном счете зависит от множества знаков. Этот аспект иногда называют структурным значением или вслед за Ф. де Соссюром [216, 112-120] именуют "значимостью", "ценностью" или "валёром" [208; 232]. О том, что значимость способна проявиться только в составе инвентаря, в системе, хорошо сказано у А.А.Реформатского, который пишет: "Изолированные явления не обладают значимостью, так как значимость возникает у однородных членов системы вследствие соотносительности этих членов в целом... Значимость — порождение системы, и вне системы она не существует; в системе же значимость — обязательна" [199, 274] (см. также [43; 198; 231; 232]).

Однако дифференциальное свойство значения может обнаружиться не только в составе целого, т.е. инвентаря, но и в том случае, когда некоторые знаки извлечены из него, развернуты в линейную цепь и оказываются в положении синтагматического взаимодействия. В результате они приобретают особое свойство, именуемое иногда семантической валентностью, в тесной связи с которой находится синтаксическая валентность.

Рассмотренные выше аспекты значения обусловлены онтологией реальной действительности, характером человеческого мышления и устройством самой системы языка. Хотя все эти аспекты имеют отношение к человеку (в той мере, в какой имеют отношение к человеку реальный мир, человеческое мышление и система языка), они в явном виде не отражают отношения самого человека к знакам языка. Это отношение может проявляться в форме особого экспрессивно-оценочного

---

⁵ В задачу настоящей работы не входит детальный анализ всех характерных особенностей понятия.

аспекта значения, именуемого термином "коннотация", и в виде индивидуальной реакции человека на различные знаки и значения, которую называют термином "прагматическое значение".

Приведенный выше краткий обзор основных представлений, связанных со знаком и значением, показывает, что перечисленные аспекты являются основными конститuentами значения. Природа любого объекта исчерпывается совокупностью всех его свойств. Если таким объектом является значение, то его природу также можно описать перечислением его свойств. Однако, указывая на рассмотренные аспекты значения, нельзя быть уверенным в том, что они полностью исчерпаны. Возможно, что значение обладает целым рядом других свойств, которые в настоящее время не известны. То же в общем справедливо для любого объекта реальной действительности и сознания (см. [2, 277-278]).

Наконец, следует коснуться вопроса о традиционно разграничиваемых лексическом и грамматическом значениях. Необходимо сразу же отметить, что это разграничение достаточно обоснованно, потому что лексическое и грамматическое значения — это не аспекты одного и того же значения, а разные значения.

Принципиальное различие между лексическим и грамматическим значениями лежит не столько в плане их сигнификативных, денотативных или коннотативных свойств, которые могут иметь много общего, сколько в сфере их структурных, скорее даже структурно-функциональных характеристик. Лексические значения, присущие знаменательным словам, составляют их основное семантическое содержание, в то время как грамматические значения, независимо от того, выражаются ли они в составе знаменательных слов или представлены служебными словами, всего лишь сопровождают лексические значения, играя роль их структурных и функциональных оформителей. Оформляющая роль грамматических значений особенно весомо проявляется в рамках предложения, смысл которого остается неполным, пока лексические значения входящих в предложение слов не имеют всех необходимых сопроводительных грамматических значений.

Это основное различие между лексическими и грамматическими значениями проявляется в некоторых их частных свойствах. Например, список грамматических значений в любом языке ограничен сотней или немногим более единиц, т.е. является закрытым и практически непополняемым (исторический процесс изменения списка грамматических значений протекает крайне медленно). Список же лексических значений исчисляется сотнями тысяч единиц и непрерывно пополняется, т.е.

фактически представляет собой открытый список.

Ограниченность списка грамматических значений, естественно, приводит к тому, что они не могут быть конкретными по своей природе, т.е. не могут характеризовать индивидуальные слова. Они всегда носят абстрактный характер, так как распространяются на классы слов. В отличие от этого лексические значения могут быть как абстрактными, так и конкретными.

Имеются существенные различия и в способах выражения лексических и грамматических значений. Грамматические значения выражаются обычно некорневыми морфемами, служебными словами, итерацией морфем, порядком, просодией, в то время как лексические значения названными средствами не выражаются.

Грамматические и лексические значения, а также смыслы предложений характеризуются не только теми общими свойствами, о которых речь шла выше, но и своей индивидуальной организацией в языке, к рассмотрению которой теперь целесообразно перейти.

§ 3. Парадигматика в семантике

В "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра указывал, что при рассмотрении любого лингвистического явления надо уметь все свести к парадигматическим (у Ф. де Соссюра — "ассоциативным") и синтагматическим отношениям [216, 131]. Лингвистика последних лет убедительно свидетельствует о все более планомерном и последовательном воплощении этого принципа в жизнь. В настоящее время под парадигматическим и синтагматическим углами зрения изучаются единицы всех уровней языка. Парадигматическая концепция распространилась даже на предложение (простое и сложное) — единицу, за которой в течение многих десятилетий признавался только синтагматический статус. Этот подход не оставил в стороне и семантику с ее объектами, на которые также распространилось понятие парадигмы. Чтобы идея парадигмы в семантике стала очевиднее и чтобы отчетливее проявилось ее своеобразие, семантическую парадигму необходимо сопоставить с традиционной словоизменительной парадигмой. Парадигма в словоизменении определяется, например, следующим образом: "Совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы... с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение, называется п а р а д и г м о й данной лексемы. Таким

образом, парадигма ставит в соответствие друг другу грамматические значения и словоформы" [33, 30].

Отдельное грамматическое значение часто называют граммемой (например, ед.ч., дат.п., сов.вид, страд.залог и т.д.), а совокупность всех однотипных граммем именуют грамматической категорией (падеж, число, лицо, залог и др.). Таким образом, парадигма ограничивается грамматической категорией, в пределах которой отдельные граммемы, реализованные в словоформах, противопоставлены друг другу. Именно поэтому парадигмы называются так же, как и грамматические категории, а именно парадигмой падежа, парадигмой лица и т.д.

В случае словоизменительных парадигм признак лексического значения оказывается нерелевантным, так как он не дифференцирует члены данных парадигм (словоформы). Таким дифференцирующим признаком является здесь граммема. Кроме того, словоизменительные парадигмы строгие и регулярны, поскольку лакуны, или пустые клетки (см. [93, 29-30]), встречаются в парадигмах лишь сравнительно немногих лексем (ср. отсутствие формы род.п. мн.ч. у лексемы мечта, формы I л. ед.ч. наст.вр. у лексемы победить, очутиться, ряда формы у латинского глагола *ais* 'говорить', у французских глаголов *faillir*, *gésir*, *luire* и др.).

Картина меняется, когда от грамматических значений мы переходим к лексическим. Лексические значения весьма многочисленны, а это в высшей степени осложняет вопрос об их парадигматической организации. Действительно, при словоизменении любое количество парадигм для конкретных лексем (например, конкретных падежных парадигм) выявляет, по сути дела, один и тот же состав граммем в пределах определенного языка. В этом и состоит регулярность словоизменения.

В составе лексики такой регулярности не обнаруживается. Это выражается, например, в том, что заранее, до тщательного и скрупулезного анализа различных пластов лексики невозможно с уверенностью сказать, существуют ли лексические парадигмы, члены которых различались бы однотипным набором дифференцирующих значений (аналогом набора граммем в составе словоизменительной парадигмы). Поэтому лексика в отличие от грамматики, по-видимому, характеризуется большим разнообразием парадигм, меньшей их регулярностью.

Несмотря на столь значительные отличия лексики от грамматики термин "парадигма" применим как ко второй, так и к первой. Это объясняется тем, что в любой парадигме, если рассматривать ее под

семантическим углом зрения, можно выделить инвариантную часть и варьирующую, которая обеспечивает дифференциацию. Построение парадигмы словоизменения для лексемы не вызывает затруднений, потому что вся процедура сводится к перебору определенного числа словоформ лексемы, имеющих внешнее сходство за исключением редких случаев супплетивизма. При формировании же лексических парадигм в них приходится включать разные слова, причем заранее неизвестно, сколько членов должно входить в состав той или иной лексической парадигмы и как они должны противопоставляться друг другу. Поэтому обычно нащупывают какую-нибудь рабочую процедуру, отталкиваясь от которой постепенно набирают необходимую лексику и строят лексическую парадигму. В современной семантике наиболее распространены две такие процедуры, или методики: методика лексических (или лексико-семантических) полей и тезаурусная⁶ методика.

Построение лексического поля сводится к выбору семантической зоны (своего рода *Sinnbezirk* или *Begriffsfeld*, по Й. Триру [348]), обозначаемой обычно словом с достаточно широким лексическим значением, и к последующему заполнению этой зоны конкретной лексикой с более специфическими значениями. Слово с широким лексическим значением, которое намечает смысловую зону и на основе которого формируется лексическое поле (*Wortfeld*), обычно называют доминантой, или идентификатором [35]. Значение доминанты является тем семантическим инвариантом, который остается постоянным для всего поля и для каждого его члена. Все, что в значении каждого члена поля остается сверх значения доминанты, относится к дифференцирующей части поля. Эти дифференцирующие компоненты содержатся в значениях слов, заполняющих лексическое поле, и образуют основу семантических противопоставлений слов внутри поля.

Впервые метод поля был продемонстрирован К. Хейзе [299] еще в 1856 г. на примере лексического поля с доминантой *Schall*, причем полевой анализ был дополнен компонентным.

В дальнейшем проблемам поля много внимания уделял Й. Трир [348], разработавший целый ряд важных теоретических положений. Он поставил значение отдельного слова в полную зависимость от лексического поля как некоторой целостности. "Слово имеет значение только в составе целого и только в силу этого целого" [348, 5].

---

⁶ Термин "тезаурус" используется здесь в смысле "идеографический словарь".

Идеи Й.Трира были развиты в дальнейшем Л.Вайсгербером, который задался целью сформулировать основной закон поля. Сущность этого закона, по его мнению, заключается в том, что для вынесения суждения о значении некоторого элемента (например, слова) в составе целого (т.е. поля) "необходимо знать структуру целого и место отдельного элемента в нем" [352, 98].

В настоящее время теория поля интенсивно разрабатывается в применении к самой различной лексике и часто с использованием той или иной дополнительной методики, например, статистической (ср.[18; 80; 81; 112; 130; 202; 231; 232; 245; 252; 253]). Сформулированы основные принципы теории поля [291]. Появились и работы обзорного характера (см. [60; 138; 252]). Все это свидетельствует о неослабевающем интересе к теории поля.

Любое лексическое поле формируется на основе значения доминанты. Это, казалось бы, должно во всех случаях приводить к получению поля единообразной структуры. Однако реальный опыт полевых исследований показывает, что существуют по крайней мере два основных типа полей:⁷ 1) синонимические поля, 2) гипонимические поля.

Синонимическое поле (иногда его называют "рядом" или "гнездом") может быть определено, например, следующим образом: "Синонимический ряд есть множество элементов (в данном случае слов), которому приписывается имя доминанты. Доминанта входит в число элементов этого множества" [112, 59]. Например, если имеется поле существительных со значением страха, а именно: страх, боязнь, опасение, робость, испуг, оторопь, ужас, жуть, трепет, то значение доминанты страх будет выступать как семантический инвариант в значении каждого из слов этого поля, а само слово страх будет одним из элементов поля.

В случае гипонимического поля, которое строится на принципе родо-видовых отношений между образующими его словами, значение доминанты присутствует в качестве семантического инварианта в значении каждого слова, формирующего поле, но сама доминанта не входит в поле как равноправный элемент. В качестве примеров таких полей можно привести поле слов со значением родства (доминанта родственник), цветное поле (доминанта цвет), поле слов со значением жилища (доминанта жилище), мебели (доминанта мебель) и др.

---

⁷ В работе [115] выделены также бинарные антонимические поля.

Доминанта в таком поле как бы стоит на ступень выше, являясь гиперонимом, и только объединяет вокруг себя все свои гипонимы. Например, слово родственник не входит в поле, образованное словами мать, отец, брат, сестра, сын, дочь, внук, внучка, дядя, тетя, племянник, племянница и др., а как бы возвышается над ними.

Некоторые лингвисты (например, Дж.Лайонз), изучавшие вопрос о сходстве и различии синонимии и гипонимии, определяли гипонимию как "одностороннюю импликацию" (*unilateral implication*), а синонимию — как симметричную гипонимию (*symmetrical hyponymy*) [324, 455]. Синонимия, по словам Дж.Лайонза, характеризуется свойствами транзитивности, симметричности и рефлексивности, т.е. представляет собой отношение эквивалентности.

Рассмотренная здесь синонимия относится к типу концептуальной. Помимо нее существует еще стилистическая синонимия, базирующаяся на коннотации. В стилистико-синонимическом поле семантический инвариант образуется концептуальным аспектом значения (концептуальный аспект включает в себя сигнификативный и денотативный аспекты значения), а дифференцирующую функцию выполняет коннотация. При этом отношения между элементами поля и доминантой остаются здесь принципиально теми же, что и в концептуально-синонимическом поле.

Помимо синонимических и гипонимических, существуют парциальные поля различных типов, в которых отношения между словами строятся по принципу целое — часть. В одних полях этого класса указанные отношения имеют место между доминантой и любым другим словом поля. Например, д е р е в о⁸ ствол, корень, крона. В других полях они обнаруживаются только между словами поля, тогда как доминанта выступает как гипероним. Например, е д и н и ц а в р е м е н и : год, месяц, неделя, сутки, час, минута, секунда.

В лингвистической литературе описаны также различные виды смешанных семантических полей, например, так называемые грамматико-лексические поля [76]. Отличие смешанных полей от обычных заключается в том, что последние образованы единицами, одинаковыми по своей природе. Смешанные поля содержат в своем составе единицы разных уровней и разных частей речи.

Полевому анализу в последние годы подвергалось и словообразование [196; 212; 352].

---

⁸ Здесь разрядкой выделены доминанты.

Особый вид сложных смешанных полей образуют так называемые тезаурусные поля, представленные в существующих многочисленных идеографических словарях, или тезаурусах [271; 281; 327; 336; 337; 340]. Тезаурусы весьма разнообразны по своей структуре (см. [167]), однако каждый из них является моделью парадигматической организации лексики. Тезаурусная парадигматика складывается из сложного переплетения и взаимодействия множества разнообразных полей. В качестве базового поля выступает тематический класс со всеми входящими в него словами. Он обычно обозначается словом, выполняющим функцию доминанты.

Темы образуют макрополе, которое строится по гипонимическому принципу. В свою очередь, в составе темы имеются более мелкие объединения слов, которые можно рассматривать как микрополя по отношению к теме.

В существующей лингвистической литературе наблюдается различное отношение к тезаурусам. Некоторые лингвисты считают, что тезаурусы не имеют никакого отношения к семантике [198, 110]. Л. Вайсгербер рассматривает составление тезауруса как претенциозную попытку построения "каталога мира" [352, 194], полагая, что тезаурус может обеспечить лишь предварительный материал для более углубленного и тонкого парадигматического анализа лексики.

В суждениях о тезаурусах часто много верного, однако эти правильные замечания не привели к отказу от создания новых тезаурусов. Напротив, если раньше тезаурусы составлялись преимущественно с утилитарной целью, то сейчас принципы их построения приобрели важную теоретическую направленность.

В последние годы расширились также области практического применения тезаурусов. Они широко используются в автоматическом переводе [160; 184], в информационном поиске [57; 164; 224; 247]. Принципы тезауруса оказались плодотворными также в теории информации [249; 250] и обучения [228].

Принято считать, что лексико-семантическое поле представляет собой лексическую парадигму. Например, Э. Косериу в этой связи писал: "Лексическое поле можно, собственно, определить как лексическую парадигму, т.е. лексемную оппозитивную структуру" [276, 489]. Сходные мысли высказывались и в отношении тезаурусных полей, которые рассматриваются как сложная иерархия суперпарадигмы (исходное членение лексики до уровня темы), множества тематических парадигм и внутритематических субпарадигм различных ступеней членения [42]. В семантическом поле любого типа смысловые различия ме-

жду словами не всегда выявлены, так что поле выступает как наметка для парадигмы, своего рода предпарадигма.

Средством предварительного выявления свойств дифференцирующей части поля является упорядочение поля, т.е. указание конкретной позиции для каждого слова. Но упорядочение поля возможно только на базе компонентного анализа, с помощью которого предпарадигма переводится в подлинную парадигму.

§ 4. Компонентная организация значения

В основе идеи компонентной организации значения лежит представление о том, что значение слова — это упорядоченная структура множества элементарных единиц. Эта идея находится в самой непосредственной связи с концепцией поля. Действительно, наличие дифференцирующей части в поле предполагает существование системы оппозиций, или противопоставлений, в которых находится любая пара входящих в него слов. В результате такого противопоставления выделяется дифференциальный признак [267, 1]. Процедура выделения такого признака во многом напоминает методику установления фонологических различительных признаков в артикуляционном или акустического типа. Принципиальное различие при этом заключается в том, что дифференциальные признаки фоном относятся к плану выражения, в то время как семантические дифференциальные признаки принадлежат плану содержания.

Идея о наличии дифференциальных семантических признаков в лексике впервые в достаточно кратком, но систематизированном виде была высказана Ф.де Соссюром [216, 112-120]. Он называл такие семантические различия термином "значимость" (фр. *vaieur*). Ф.де Соссюр писал о значимости вообще, не разграничивая ее по степени. Для него была важна сама идея о концептуальных (семантических) или материальных (фонологических) различиях в знаках. Однако вопрос о степени этих различий весьма важен. В самом деле, даже на интуитивном уровне очевидно, что в русском языке фонологическое различие между фонемами /d/ и /t/ меньше, чем между фонемами /d/ и /k/ или фонемами /d/ и /o/. Точно так же интуитивно очевидно, что семантическое различие между значениями слов отец и мать меньше, чем между значениями слов отец и племянница или отец и дом. Минимальное семантическое различие между словами некоторого языка, образующими поле, будем называть термином "сема". Следовательно, сема — это предел значимости и семантический признак, репрезентирующий такую значимость.

Вместо термина "сема" иногда пользуются терминами "компонент значения", "семантический множитель", "атом смысла", "фигура плана содержания" и т.д. Эквивалентом термина "сема" в плане выражения является введенный Э.Бенвенистом термин "мерисм" [37, 131]. В последнее время этот термин стал использоваться также применительно к плану содержания, т.е. в смысле термина "сема" [199].

Методику выделения сем и представления значений слов в терминах семных наборов или структур принято называть в семантике компонентным анализом. Значение же слова, выраженное в виде набора или структуры сем, называют обычно семантемой (иногда — семемой [294]).

Основой для выделения сем является доминанта. В лексико-семантическом поле доминанте обычно приписывается одна сема. Доминанта задает точку семного отсчета в поле. Рассматривая семантические оппозиции типа *blanc - noir, grand - petit*, А.Греймас указывал, что в первой паре в качестве основы противопоставления можно выделить значение *couleur* (цвет), во второй паре — *mesure* (размер). Этот общий знаменатель он предложил назвать семантической осью (*axe sémantique*) [294, 21]. В некоторых работах вместо термина "семантическая ось" используются термины "архисема" [70, 370] или "измерение" (*Dimension*) [291, 246]. Все эти термины, как и термин Ш.Балли "идентификация" [35, 129-130], означает, по сути дела, одно и то же, а именно выбор доминанты и установление ее значения. Это значение удобно считать состоящим из одной семы, потому что, как писал Ш.Балли, "идентифицирующее слово (т.е. фактически доминанта. — В.Б.) всегда соответствует неразложимой единице мысли — конкретному представлению или абстрактному понятию" [35, 130].

Дифференциальные значения всех единиц поля, кроме доминанты, можно выявлять либо путем их противопоставления значению доминанты, либо посредством их семантического противопоставления друг другу, либо же с помощью того и другого метода. В результате такого анализа будет получена компонентная структура поля. С точки зрения этой структуры все поля подразделяются на три основных типа, которые удобно представить в виде следующих схем (узлам на схемах соответствуют слова):⁹

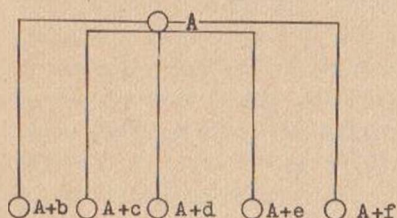
---

⁹ В схемах 4-6 А — сема доминанты (она присутствует в качестве основной в семантемах всех слов поля); малые буквы (b, c, d e, f и др.) — индивидуальные семы слов.

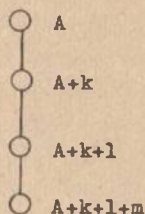
1. Разветвленное поле.

2. Линейное поле.

С х е м а 4

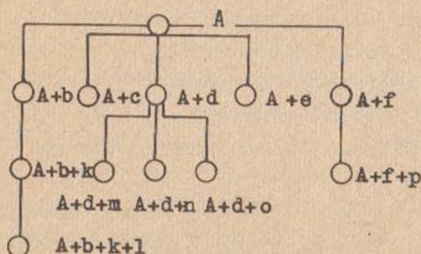

С х е м а 5

3. Смешанное поле.

С х е м а 6

В лингвистической литературе описано много способов выделения сем. Однако все они в конечном счете сводятся к двум основным методикам. Одна из методик может быть названа дефиниционной. Суть ее заключается в том, что дифференциальный признак значения слова устанавливается на основе дефиниций или толкований слова, содержащихся соответственно в терминологических или толковых словарях. Принципы этой методики изложены в некоторых работах Ю.Д. Апресяна [24; 25], а также косвенно в целом ряде других работ [44; 84; 167; 351]. Основанием для выделения той или иной семы в данном случае служат несовпадающие части сравниваемых дефиниций или толкований слов. Разумеется, эффективность этой методики в существенной степени зависит от качества терминологических и толковых словарей.

При компонентном анализе лексики того или иного поля в родном языке дефиниционный метод сплошь и рядом дополняется лингвистической интуицией исследователя, что, как показывает опыт, является неизбежным при такого рода работе.

Методика компонентного анализа в описанном здесь варианте впервые была применена для изучения поля терминов родства [133; 136;

[37; 293; 323]. В дальнейшем она была распространена и на другие лексические пласты. В частности, с помощью этой методики исследовались глагольные подсистемы [24; 165; 267], а также был описан целый ряд индивидуальных полей, таких, как поле глаголов, обозначающих способы приготовления пищи [319], поле существительных, обозначающих единицы времени [67], поле архитектурных терминов [285], поле существительных, обозначающих звук [276], поле пространственных прилагательных [294, 32], поле имен лиц, определяемых по их отношению к материальным благам [148] и др.

Второй методикой компонентного анализа является перефразирование. Это средство мы понимаем как разновидность внутриязыкового перевода, при котором целостная структура одного типа (например, одно предложение) заменяется семантически эквивалентной структурой иного типа (другим предложением).¹⁰ Методика перефразирования, привлекающая в последние годы все большее внимание лингвистов [201; 317], используется обычно для семантического анализа слов, значение которых либо не может быть выражено дефиниционно, либо же может быть выражено дефиницией, но неудовлетворительно. К числу таких слов относятся многие абстрактные слова-предикаты, частицы типа только, лишь, именно, кроме и др.

Компонентный анализ дает возможность представить значение слова в виде совокупности сем. В некоторых работах [316] наблюдается тенденция рассматривать эту совокупность как неупорядоченное множество. Однако в настоящее время все чаще подчеркивается момент системной организации сем в семантеме, причем одни авторы [25, 12] понимают эту системность как линейную упорядоченность сем, тогда как другие [294, 36] отмечают прежде всего иерархический характер их организации.

Семы любой логической природы есть результат атомизации значений [269]. Естественно, что в этой связи может возникнуть вопрос о том, являются ли семы универсальными единицами. Некоторые лингвисты относятся к такому допущению резко отрицательно. Например, Дж. Лайонз считает, что тезис об универсальности сем никогда не был достаточно обоснован, хотя и выдвигался рядом философов и лингвистов в качестве предположения, полученного "на основе их анекдотических рассуждений по поводу нескольких хорошо подобранных примеров из "горстки" языков мира (from a handful of the

---

¹⁰ К перефразированию иногда относят также дефиниционную методику.

world's languages)" [324, 473]. Поэтому универсальный список сем так и не удалось установить.

Выражались опасения, что на существующие неполные списки сем нельзя положиться, потому что составлены они в значительной степени субъективно и произвольно. На самом деле субъективизма и произвола в данном случае не больше, нежели при любой семантической или лексикографической работе. В качестве примера можно было бы сослаться на любой толковый словарь, который отражает не только объективно существующие факты языка, но и субъективный подход составившего его коллектива.

Теория и практика компонентного анализа находится пока в начальной стадии своего развития, хотя опубликованы уже учебные пособия по этой методике [33] и обзорные работы [205].

§ 5. Комбинаторика значений

Лексико-семантические поля и компонентная организация значения в том виде, в каком они были описаны выше, отражают парадигматическую структуру лексики, т.е. всецело относятся к языку как системе. Чисто языковыми являются также понятия семы и семантемы. Однако поскольку языковые единицы используются для построения речевых произведений, существенно выяснить некоторые особенности синтагматического взаимодействия значений.

Семантема, под которой принято понимать структурированное множество сем, полученное в результате серии операций семантического противопоставления, представляет собой языковую единицу, которой в речевом плане соответствует реализованное лексическое значение.

Синтагматическая ось принадлежит не только речи, но и языку. Это значит, что в принципе возможно рассмотрение синтагматической комбинаторики семантем, которая будет отражать речевую синтагматику лексических значений. Между речью и языком существует соотнесенность, однако отсутствует тождество, так как речь всегда богаче языка и может включать в состав лексического значения акциональные элементы, не предусмотренные языком. В определенных условиях некоторые семы при переводе семантемы на уровень лексического значения или при переходе с плана языка в плоскость речи становятся семантически нерелевантными, работают, так сказать, вхолостую, т.е. гасятся. В этом также проявляется различие между планом языка и планом речи. Поэтому целесообразно учитывать как

чисто языковые процессы в семантической синтагматике, так и процессы речевые. Разумно, однако, сосредоточить внимание главным образом на первых.

В настоящее время описано четыре основных вида комбинаций семантем [62; 351]: 1) сцепление (Linking), 2) включение (Nesting), 3) отграничение (Delimitation), 4) модализация (Modalization). По мнению У. Вайнрайха, исследовавшего эти типы семантемных комбинаций, их можно разделить на две группы: 1) конструкции типа сцепления (Linking constructions) и 2) несцепляемые конструкции (Non-linking constructions).¹¹

Принципиальное различие между двумя этими типами конструкций заключается в том, что в первом случае комбинация семантем дает произведение их сем, причем порядок сем в этом произведении не существен. В случае несцепляемых конструкций в составе комбинируемых семантем обычно содержатся семы типа двуместных предикатов, определяющие порядок непредикатных сем.

Важно подчеркнуть, что все рассмотренные типы комбинаций справедливы только для свободных сочетаний. Во фразеологических сочетаниях действуют другие правила комбинаторики, которые должны исследоваться с помощью особой методики. В настоящее время сделаны первые шаги в этом направлении. Прежде всего необходимо отметить так называемые семантические параметры, или функции [24; 29; 91]. Семантический параметр соотносит комбинации семантем с комбинациями слов, т.е. связывает план содержания с планом выражения.

В настоящее время описано около сотни таких параметров, причем наибольший интерес среди них представляют предикатные параметры, такие, как, например, $Oper_1$, $Oper_2$, $Func_1$, $Func_2$, $Func_0$, $Labor$, $Liqu$, $Incep$, Fin , $Fact$, $Real$, $Caus$, $Perm$, $Perf$ и др.

В содержательном отношении каждый параметр есть не что иное, как одна или несколько сем предикатного, операторного или иного характера. Данные семы отличаются высокой регулярностью в составе синтагматических образований, так как они работают на синтагматику (см. подробное описание параметра $Magp$ в [229]).

Однако сфера синтагматики обслуживается не только параметрами. В этой функции способны выступать и семы другой природы. По мнению А. Греймаса [294, 44-45], семантемы (которые он называет

---

¹¹ К этой группе относятся включение, отграничение и модализация.

семемами) должны обладать потенциальной способностью к сочетаемости, для того чтобы они могли обеспечить получение осмысленного текста. Эта способность создается благодаря тому, что каждая семантема складывается из семного ядра (*noyau sémique*) и контекстуальной семы (*sème contextuel*), в результате чего формула любой семантемы имеет вид $S_m = N_s + C_s$, где S_m — семантема, N_s — семное ядро, C_s — контекстуальная сема, называемая также классемой. В парадигматическом плане каждая классема разбивает часть речи, например существительное, на два подкласса, например: одушевленные — неодушевленные, счисляемые — несчисляемые и т.д. Таким образом, в парадигматике классема выполняет классифицирующую функцию, а в синтагматике — связующую, комбинационную. Однако, как показали новейшие исследования, связующую функцию способны выполнять не только классемы, но и самые различные семы иной, не классифицирующей, природы. Такую сему В.Г. Гак предлагает называть термином "синтагмема" [70, 376]. Итеративность, или повторяемость, сем в предложении является важной чертой его семантической организации.

Существенным свойством семантической синтагматики Ю.Д. Апресян считает свойство "неаддитивности сложения значений в свободном словосочетании" [27 443]. Это свойство проявляется в том, что при связывании некоторых семантем повторяющиеся семы иногда зачеркиваются.

Семантические отношения на уровне сем и семантем могут иметь значительно более сложный характер в языке художественной литературы и особенно в поэтическом языке. Об этом свидетельствуют наблюдения М.В. Никитина [173], которые показывают, что сочетаться могут дублирующие семы, логически противоречивые семы, вероятно обусловленные семы и т.д. Нестандартный материал поэзии значительно расширяет диапазон семантико-синтагматических закономерностей.

Анализ основных принципов синтагматической организации смысла показывает, что между семантической синтагматикой и семантической парадигматикой наблюдается тесное взаимодействие и закономерная связь. Действительно, синтагматическое связывание значений возможно благодаря их соответствующей компонентной структуре, в терминах которой такое связывание только и становится объяснимым. В то же время компонентный, или семный, состав значений есть результат полевой организации лексики. Поэтому синтагматика смысла в конечном счете базируется на взаимодействии семантических полей самого различного типа.

Г л а в а П. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕПРЕДИКАТНЫХ ЗНАКОВ

§ 1. Различие между предикатными и непредикатными знаками

При рассмотрении вопроса о знаках человеческого языка, в качестве которых обычно выступают слова, необходимо проводить различие между предикатными и непредикатными знаками. Это различие пронизывает всю систему языка и находит свое отражение как в особенностях семантического поведения этих знаков, так и в характере их синтаксического функционирования. В конечном счете это различие связано с онтологией реальной действительности и поэтому носит не только лингвистический, но логический и общепhilosophический характер. В этой связи становится очевидной необходимость обращения к анализу некоторых философских категорий.

В современной философии широкое распространение получили две концепции реальной действительности. Одна из них связана с именем австрийского философа-неопозитивиста Л.Витгенштейна и сформулирована в его работе "Логико-философский трактат" [65] и в других его произведениях. Эта концепция в ряде положений была поддержана Б.Расселом, Р.Карнапом и другими учеными и в настоящее время получила широкое распространение на Западе.¹

Сущность этой концепции в ее исходных тезисах заключается в том, что реальный мир рассматривается не как совокупность материальных вещей, а как совокупность фактов. Формулировками такого рода, собственно, и открывается "Логико-философский трактат", в котором утверждается, что "1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей", "1.2. Мир распадается на факты" [65, 31]. При этом факт определяется как то, что имеет место.

Все факты Л.Витгенштейн делит на элементарные, или атомарные (*Sachverhalte*), и сложные, или молекулярные (*Tatsache*). Атомарным считается такой факт, который невозможно представить как совокупность более простых фактов. "2.01. Атомарный факт, — пишет Л.Витгенштейн, — есть соединение объектов (вещей, предметов)" [65, 31]. Такой факт может быть выражен в языке любым из следующих предложе-

---

¹ О популярности идей Л.Витгенштейна на Западе см. [121; 122; 188].

ний: Сократ был мудр, Сократ был афинянин и др. Простого понятия вещи оказывается недостаточно. "Мир, — писал Б. Рассел в предисловии к рассматриваемой книге Л. Витгенштейна, — не описывается простым наименованием всех объектов, входящих в него; необходимо также знать атомарные факты, составляющими которых являются эти объекты" [195, 16].

Сходные суждения высказывал позже известный логик Г. Рейхенбах. "Физические объекты, — писал он, — подразделяются на вещи, например, индивидуальные человеческие существа, столы, атомы, и на ситуации, называемые также фактами (states of affairs), которые образуют денотаты предложений" [335, 14-15].

Помимо атомарных фактов Л. Витгенштейн выделял также молекулярные факты, причем считал, что первые выступают как конstituенты вторых. Например, приведенные выше предложения, каждое из которых описывает атомарный факт, являются составными частями предложения Сократ был мудрый афинянин, описывающего молекулярный факт.

В советской философской литературе ситуативная, или фактологическая, концепция мира, выдвинутая Л. Витгенштейном, была подвергнута развернутой и аргументированной критике (ср. [21, 34-41: 122]). Некоторые положения Л. Витгенштейна, относящиеся преимущественно к логическому анализу языка, были признаны правильными и заслуживающими дальнейшего развития. В то же время советской наукой были отвергнуты многие философские тезисы Л. Витгенштейна, которые привели его фактически к солипсизму [122, 128-135].

В отличие от витгенштейновского фактологизма в советской философской литературе была предложена А. И. Уемовым² концепция "вещей, свойств и отношений" [230]. Сущность этой концепции заключается в том, что основными категориями реальной действительности считаются вещи, свойства и отношения. А. И. Уемов подчеркивает, что "объективно существуют как вещи, так и свойства и отношения" [230, 72] и что "все эти категории определяются друг через друга, причем центральной, основной категорией среди них является категория вещей" [230, 52]. Особое положение вещей он видит в том, что "вещи обладают большей относительной самостоятельностью, чем свойства и отношения" [230, 84]. В связи с особым положением данных категорий

---

² Сам А. И. Уемов не противопоставлял свою концепцию витгенштейновской, однако сравнение показывает, что фактически они противоположны.

А.И.Уемов считает, что при определении их нельзя применять правило о запрещении круга [230, 52].

Изучение этих концепций показывает, что Л.Витгенштейн не отрицал существования вещей, однако отказывал им в приоритете перед фактами, в то время как А.И.Уемов считает свойства и отношения, на основе которых и формируются факты, производными от вещей. Точка зрения А.И.Уеова представляется более правильной.³ Действительно, факт — это всего лишь проявление вещи в ее свойствах или отношениях. Но всякие свойства и отношения вторичны по отношению к вещи, так как они являются признаками вещи. Следовательно, для того чтобы можно было говорить о признаке, должно существовать то, к чему данный признак относится, т.е. в конечном счете вещь.⁴

Интересно, что Л.Витгенштейн, отстаивавший тезис о приоритете фактов над вещами, иногда противоречит себе. Так, например, в одном месте "Трактата" он пишет: "2.0124. Если даны все объекты, то этим самым даны также и все возможные атомарные факты" [65, 32]. Из этого тезиса как будто должно следовать, что фактам предшествуют объекты: в самом деле, чтобы получить атомарные факты, необходимо вначале задать объекты. Однако этого очевидного вывода Л.Витгенштейн не делает.

Реальная действительность находит свое отражение в мышлении, а следовательно, в логических категориях и в языке. Л.Витгенштейн в этой связи пишет о логических образах, или пропозициях, и рассматривает предложение как пропозициональный знак [65, 37], причем предложение, описывающее атомарный факт, он называет "элементарным предложением" [65, 55]. Элементарные предложения, по мнению Л.Витгенштейна, логически независимы друг от друга, отражая тем самым онтологическую независимость атомарных фактов.⁵ Однако элементарные предложения могут быть поставлены в ту или иную зависимость друг от друга с помощью пропозициональных связей, в результате чего будут получены комплексные предложения, описывающие молекулярные факты.

---

³ Концепция А.И.Уеова получила в целом положительную оценку в советской философской литературе (см. [21, 43]).

⁴ Ср. высказывание А.А.Зиновьева: "Признак существует, если и только если существует какой-то предмет" [100, 64].

⁵ См. критические замечания по поводу концепции независимости атомарных фактов в [116, 142].

Что касается А.И.Уемова, то он, согласно своей концепции, ставит в соответствие вещи субъект, а свойству и отношению — предикаты. К сожалению, он не учитывает существенной разницы между элементарным и комплексным предложениями. Дело в том, что аргументами элементарного предложения являются имена, представляющие собой знаки вещей, в то время как аргументами комплексного предложения могут быть как имена вещей, так и имена предикатов. В элементарном предложении налицо два вида имен: имя, выражающее свойство другого имени или связь между другими именами, и сами связываемые имена. Первые разумно назвать предикатными знаками, а вторые — непредикатными знаками. Теперь целесообразно остановиться на особенностях тех и других более детально.⁶

§ 2. Семантические особенности непредикатных знаков

Непредикатные знаки — это знаки, являющиеся аргументными именами элементарных предложений. Такие имена соответствуют вещам, которые участвуют в конкретных ситуациях, развертывающихся в реальной действительности. Семантические признаки этих имен, или знаков, определяются вещьностью обозначаемых ими объектов. К сожалению, проблема вещи, равно как и связанная с ней проблема физической реальности, не относится в современной философии к числу простых. Эта проблема с разных позиций рассматривается и философами, и логиками, и единого решения ее не существует.

В настоящей работе не ставится задача предложить новое решение проблемы вещи. Единственная цель, которая преследуется здесь, заключается в том, чтобы использовать некоторые важные положения философии, логики и лингвистики для более или менее четкого разграничения понятий предиката и непредиката, что необходимо будет для дальнейшего чисто лингвистического анализа.

Как уже отмечалось выше, в работе А.И.Уемова вещь определяется как "система качеств" [230, 21]. Однако поскольку вещи в элементарном предложении соответствует имя аргумента (или просто аргумент), а качеству — имя предиката (или просто предикат), то неиз-

---

⁶ С течением времени философские взгляды Л.Витгенштейна существенно изменились, в результате чего он отказался от многих положений "Логико-философского трактата", хотя первоначально считал истинность изложенных в нем мыслей "неопровержимой и окончательной" [65, 30]. В настоящей работе вопросы, связанные с эволюцией философских воззрений Л.Витгенштейна, не рассматриваются (см. об этом [122, 148-236]).

бежно напрашивается вывод о том, что аргумент — это всего лишь множество или система предикатов. Кстати, на такой вывод наталкивается и тезис А.И.Умова о том, что вещь может быть определена в терминах свойств и отношений.⁷ Однако в этом случае чрезвычайно затруднительно разграничить понятия предикатного и непредикатного знаков.

На неудовлетворительность предложенного А.И.Умовым определения вещи уже указывалось в литературе. Этот недостаток, по мнению Л.Г.Антипенко [21, 101], можно преодолеть, если определить вещь как такой объект, который характеризуется целостностью и неисчерпаемостью свойств. Ленинская идея неисчерпаемости означает, что вещь богаче любого ее свойства (или качества) и любого конечного множества ее свойств [2, 277-278]. Вещь не может быть определена перечислением ее свойств, потому что список таких свойств потенциально бесконечен. Это и создает тот качественный рубеж, который позволяет отграничить вещь от свойства. Целостность вещи собственно и определяется потенциально бесконечным числом ее свойств.

Важной характеристикой многих, но далеко не всех вещей является возможность дать им остенсивное определение [184]. При определении вещи не следует пренебрегать и соображениями здравого смысла. Хотя они не считаются важным философским основанием, тем не менее рассматриваются как вполне допустимые в научных рассуждениях [21, 65].

Различие между вещью, с одной стороны, и свойством и отношением — с другой, служит базой для разграничения непредикатных и предикатных знаков. Любому слову, являющемуся знаком вещи, должен быть приписан в семантической структуре, или семанте, семантический признак, или сема "вещность". В дальнейшем будет показано, что этот признак не имеет ничего общего с грамматической предметностью. Этот особый характер вещных значений неоднократно отмечался в литературе. Например, С.Д.Кацнельсон в этой связи писал: "Предметные значения, или понятия, характеризуются прежде всего тем, что они отображают материальные предметы и содержат в силу этого в себе общий категориальный признак предметности (не "грамматической" или "фиктивной", а "реальной")" [116, 135]. При этом

---

⁷ О различии между терминами "свойство" и "качество" см. [230, 35].

он указывал на независимость предметного значения (т.е. семы "вещность") от возможных предикатных признаков, заключенных в мотивировке или в значении слова. Приводя в качестве примера слово отец, которое в логике часто рассматривается не как имя вещи (в данном случае — лица), а как имя отношения, и которое приравнивается к словам типа любовь, добрососедство, неприятнь и т.д., С.Д.Кацнельсон отмечает: "Обозначение отношений и обозначение предметов по их отношениям — не одно и то же. Слово отец непосредственным образом выражает не отношение, а лицо, характеризующее по его отношению к ближайшему потомству... Отношения в таких словах — не объект именования, а признаки, по которым выделяются определенные предметы" [116, 135].

Таким образом, тот или иной предикатный признак, лежащий в основе наименования, не превращает слово из знака вещи в знак признака, т.е. непредикатного знака в предикатный.

Отсюда видно, что свойства и отношения принципиально отличаются от вещей, а это приводит к существенному отличию предикатных знаков от непредикатных. В семантической структуре предикатного знака всегда будут присутствовать в качестве конституирующих семы "свойство" или "отношение". Эти семы в том или ином виде обычно обнаруживаются в толкованиях значений предикатных знаков. Ср. белизна — "качество белого", оледенение — "процесс постепенного покрытия поверхности предмета льдом под действием низкой температуры", испарение — "процесс превращения воды в пар", деревянный — "сделанный из дерева", и т.д.

§ 3. Соотношение категориальных и семантических характеристик в непредикатном языковом знаке

Тот факт, что все непредикатные знаки получают в качестве конституирующей сему "вещность", определяет категориальный статус этих знаков. Он выражается в том, что к числу таких знаков могут относиться только существительные и субстантивные местоимения, поскольку только они могут обозначать вещи. Возникает, однако, вопрос: все ли существительные обладают качествами, необходимыми и достаточными для того, чтобы их можно было признать непредикатными знаками? Непредикатным знакам приписывается признак "вещность". Однако сходным признаком "предметность" в грамматиках обычно характеризуется любое существительное. "Существительное называет предмет в широком смысле этого слова, т.е. вещь, лица, веще-

предметы, организмы, живые существа, свойства в отвлечении от их носителей, войнотии и состояния в отвлечении от их производителя, например: камень, мальчик, учитель, чугун, вино, вирус, собака, бадипп, доброта, ловкость, бег, работа, толкотня, движение" [74, 305].

Хотя в этом определении ничего не сказано о грамматическом характере такой предметности, это и так ясно, поскольку вещи, лица, вещества, организмы, живые существа, с одной стороны, и свойства, действия, состояния – с другой, не образуют класса однородных объектов. Первые представляют собой предметы в собственном смысле слова, вторые являются признаками [см. 217, 24]. Грамматический характер предметности в этом определении очевиден также из того факта, что "предмет" здесь понимается "в широком смысле этого слова". Аналогичные определения можно встретить в других грамматиках.

Если в определении существительного, приводимом в новой грамматике русского языка, ничего не говорится о статусе предметности, то в некоторых работах авторы специально сосредоточивают внимание на этой проблеме, причем наблюдается два противоположных подхода к ее решению. Так, некоторые исследователи считают, что предметность любого существительного является семантической по своей природе. Например, У.Вайнрайх [351], выделявший четыре главных класса (major classes) морфем или слов – существительные, глаголы, прилагательные и наречия, полагал, что для всех слов каждого главного класса характерен "различительный семантический признак" (a distinguishing semantic feature). Для существительного это будет [+ Noun], т.е. [+ существительность], для глагола – [+ Verb] или [+ глагольность], и т.д. Эти признаки в общем не содержат никакой полезной информации о смысловой структуре классов и лишь дублируют их названия. Но У.Вайнрайх считает их "семантическими в полном смысле этого слова" [351, 432-433]. Сходные взгляды высказывает и Дж.Миллер, полагая "что большинство людей думает и говорит о «добродетели», «зуде», «бережливости»... как если бы они были предметами" [329, 217]. Аналогичный подход предлагает также И.П.Сусов [223]. Однако с такой трактовкой предметности согласны далеко не все исследователи. Можно, например, сослаться на целый ряд высказываний Дж.Катца, в частности в связи с его оценкой вайнрайховской концепции предметности. Анализируя слова добродетель, истина, нуль, боль, зуд, образ, теорема, пространство, время, бережливость и пр., Дж.Катц отказывает им в какой бы то ни было

предметности и делает вывод о том, что "не существует чего-либо семантически общего значению каждого существительного (или именной составляющей)" [306, 233].

С высказываниями Дж.Катца перекликаются суждения С.Д.Кацнельсона. "Под предметными значениями, — пишет он, — мы понимаем лексические значения, отображающие материальные предметы, физические тела, как например, камни, деревья, звезды, лошади, карандаши, мозг, вода, и т.д." [116, 133]. Указывая на то, что традиционная грамматика понимает предметность значительно шире и относит к числу предметов события, пространственные и временные отношения, качества, состояния, действия и пр., С.Д.Кацнельсон не без основания добавляет: "Рассматривая столь разнородные объекты именования как предметы, традиционная грамматика не могла не ощущать некоторой неловкости. Особенно остро сознавала она несообразность включения абстрактных существительных, как белизна или бег, в разряд предметных слов. Многие исследователи, определяя существительные, делали поэтому оговорку относительно того, что существительные обозначают не только предметы, но и «предметы мысли», все то, что «мыслится как предмет». При этом, как правило, читателям предоставлялось лишь догадываться о том, что такое «предмет мысли» и почему, понимая, что качества, состояния и действия не являются предметами, люди сплошь и рядом «мыслят их как предметы»" [116, 134].

Действительно, когда утверждают, что говорящие способны мыслить свойства и отношения как предметы, на самом деле это означает всего лишь только то, что говорящие могут выразить свойства и отношения формой имени существительного. Никаких иных свидетельств в пользу того, что говорящий способен думать о зуде как о вещи, а не о состоянии, не существует.

Отвергая концепцию предметности, якобы свойственной всем существительным без исключения, разные авторы предлагали различные решения этой сложной проблемы. Так, например, Г.Рейхенбах, как и многие другие логики, предпочитал говорить о существовании индивидов (*individuals*), которые, по его мнению, бывают двух типов: вещного и событийного. Понятие события (*event*) Г.Рейхенбах считал важнее понятия вещи (*thing*) особенно для физики, а вещь интерпретировал как класс событий [335, 267]. С.Д.Кацнельсон помимо событий и вещей (предметов) выделяет еще в качестве объектов реальной действительности признаки. Среди лексических значений, отражающих

эти объекты онтологии, он отдает приоритет событийным значениям, которые, по его словам, занимают "ключевое место в иерархии логических значений" [116, 143], поскольку они "наиболее конкретно, и в этом смысле непосредственно и прямо выражают действительность" [116, 143]. Что касается предметных значений, то они в иерархии расположены ниже событийных и являются языковым отражением онтологических предметов (физических тел).

Трактовка событийных существительных как в основе своей признающих показывает, что не существует достаточно веских оснований для того, чтобы выделять событийные существительные в особый класс. События, факты или ситуации не образуют особой субстанции мира, якобы занимающей главенствующее положение в реальной действительности. События — это всего лишь отражение того факта, что любая вещь существует в совокупности своих свойств и отношений к другим предметам. Свойства и отношения вещей и являются онтологической предпосылкой для существования ситуаций, или событий, выражаемых в языке предикатными словами или целыми предложениями.

Разумеется, не все слова поддаются достаточно простому семантическому анализу в терминах описанной выше "онтологической тройцы". В языке имеются слова, денотаты которых трудно подвести под категорию вещи, свойства или отношения. К числу таких слов можно, например, отнести слова наука, искусство, социализм, цивилизация и др. В подобных случаях целесообразно исходить из наиболее удобного способа представления этих слов в семантической структуре предложения. В рамках развиваемой нами концепции слова наука (Наука стала материальной силой общества), искусство (Искусство принадлежит народу), цивилизация (инопланетная), социализм, капитализм и т.д., а также метазнаки типа фонема, морфема, слово и др. удобно рассматривать как непредикаты, а слова искусство (Он обладает искусством создавать шедевры), цивилизация (в смысле процесса), а также слова типа температура, характер, способ, форма, род, вид, вкус, запах, возраст, жажда, аппетит, инициатива, гипотеза, идея, цель и т.д. разумнее рассматривать как предикаты, ибо по своим смысловым характеристикам они близки к подлинным предикатным словам — таким, как глаголы, прилагательные, наречия и пр. (см. [254]).

Итак, все вещные существительные независимо от того, являются ли они таковыми по онтологии денотата или по соглашению, имеют

в составе своих семантем сему [+ ведность].⁸ В семантемах данных существительных эта сема совпадает с их категориальным значением, поскольку такие существительные никогда не выступают в качестве бессвязочных предикатов. Те же существительные, которые в своих семантемах не имеют семы [+ ведность] в качестве основной, являются предикатными, а их категориальный статус определяется не семантическими, а функционально-синтаксическими причинами.

§ 4. Роль непредикатных знаков в формировании предложения

Непредикатные знаки играют важную роль в формировании предложения: они выступают как аргументы.

Поведение непредикатных знаков в семантической структуре предложения в значительной степени зависит от их характеристик, в частности от того, обозначают они индивидуальные вещи или классы вещей. Первые знаки традиционно принято называть именами собственными, вторые — именами нарицательными. Важно установить, как влияет это различие знаков на семантическую структуру предложения.

Назначение имени собственного заключается в том, чтобы выделить индивидуальный объект в пределах некоторого класса [222, 98]. Теоретически всякая вещь любого класса могла бы быть обозначена именем собственным, однако в процессе коммуникации в этом не возникает практической потребности. Поэтому имена собственные фактически присваиваются обычно только людям, некоторым видам животных (например, собакам), городам и населенным пунктам, странам, рекам, озерам, морям, пароходам, торговым фирмам и т.д. Присвоение имени собственного некоторой вещи не является единственным способом ее индивидуализации. Для этой цели широко используется также дескрипция. Дескрипция представляет собой использование такого предиката или такой комбинации предикатов, для которых имеется только один аргумент. Например, дескрипция "человек, который изобрел фонограф", или "изобретатель фонографа", включающая в себя предикат "изобретать", выделяет только одного человека среди множества людей, а именно Т.А.Эдисона. В отличие от имени собственного дескрипция сообщает больше информации о вещи,

---

⁸ В дальнейшем семы будут обозначаться в квадратных скобках, как это принято в большинстве работ по семантике. При этом знаком "+" будет отмечаться наличие соответствующей семы в семантеме, а знаком "-" — ее отсутствие.

раскрывая ее индивидуальные свойства. Что касается имени собственного, то оно является только меткой на том или ином экземпляре данного класса и информирует, как правило, только о классе и подклассе, к которому принадлежит выделяемый экземпляр. Ср. Иван. Федор, Василий – человек (мужчина); Татьяна, Марина, Ольга – человек (женщина); Хучка, Шарик, Рекс – собака; Байкал, Иссык-Куль – озеро и т.д. (ср. [43, 125]). На это свойство имен собственных указывал К.Маркс, который писал: "Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом" [1, 110].

Имена собственные очень часто выступают в комбинации с именами нарицательными, обозначающими соответствующий класс, ср. река Рио-Гранде, город Сан-Паулу, гора Джомолунгма и т.д. Аналогичные комбинации возможны и в случае дескрипции. Но особенно сложный способ индивидуализации представляет собой комплексная дескрипция, основанная на одновременном использовании имен собственных, имен нарицательных и различного рода числовых индексов. Типичным примером такой дескрипции является адресная индивидуализация, сводящаяся в конечном счете к выделению индивидуальных квартир.

Некоторые логики, например Б.Рассел [338], считали, что имена собственные вообще не нужны, так как удовлетворительной индивидуализации объектов можно добиться посредством координатной дескрипции, которая заключается в том, что для каждого индивидуального объекта указываются пространственно-временные координаты. Такой способ индивидуализации, быть может и удобный в научных целях, оказывается мало приемлемым для естественного языка, поскольку его носителям удобнее иметь постоянную метку в виде имени собственного для индивидуальной вещи, нежели оперировать пространственно-временными координатами, которые при индивидуализации движущихся вещей к тому же постоянно меняются.

Несмотря на наличие дескрипций, базу индивидуализации в естественном языке образуют тем не менее имена собственные. Неслучайно А.Чёрч называет их "исходными собственными именами" [242, 17] в отличие от дескрипций, которые он также рассматривает как разновидность собственных имен. В лингвистике дескрипция шире известна под названием актуализации [34, 87–106], которая часто рассматривается как способ перевода языкового, или виртуального, знака в речевой, или актуальный, знак.

Целесообразно остановиться на некоторых аспектах семантики имен собственных. По поводу значения этих имен существуют самые разноречивые суждения – от полного отрицания такого значения до

признания его максимальной содержательности [222, 45-91, особенно 88]. Пожалуй, А.Чёрч был в общем прав, когда писал, что "до сих пор нет общепризнанной теории содержания «meaning» собственных имен" [242, 17].⁹

Самая важная особенность имен собственных состоит в том, что они обозначают вещи и довольно редко используются для наименования свойств и отношений. Это объясняется, видимо, не тем, что вещей в природе больше, чем свойств и отношений, а тем, что свойства в отличие от вещей имеют универсальный характер. Например, свойство "быть белым", или "белизна", не характеризуют именем собственным потому, что это свойство едино по своей природе. Если же возникает необходимость в его детализации, то для этого обычно указывают на носитель свойства; ср. белизна снега, белый как снег, белизна сахара, белизна бумаги, и т.д. Возможность характеризовать свойства и отношения по вещам и делает ненужным присвоение им наименований типа имен собственных. Тем не менее именами собственными могут обозначаться отдельные проявления свойств и отношений. Здесь имеются в виду собственные имена, обозначающие войны, кампании, праздники, а также такие физические явления, как ветры, циклоны, тайфуны и т.д. Все такие слова предикатные.

Для отграничения имен собственных от имен нарицательных в дальнейшем будут использоваться семы [- нарицательность]¹⁰ и [+ нарицательность]. Те и другие имена могут обладать свойством счисляемости, однако в сфере имен собственных это свойство реализуется редко ввиду малой распространенности ситуаций, когда можно сказать три Волги, два Кавказа, пять Иванов и т.д. Поэтому сема [+ счисляемость] будет приписываться тем именам нарицательным, у которых свойство считаемости является основной характеристикой. Эти слова могут находиться в единственном или неединственном числе, т.е. они могут характеризоваться семой [+ единственность]. Существительные, не способные поддаваться счету, получают сему [- счисляемость].

В семантике вещных существительных можно выделить и другие важные семы, которые, как будет показано ниже, определяют поведение непредикатных знаков в семантической и синтаксической

⁹ В настоящее время можно считать, что предварительные наметки такой теории содержатся в работах [222, 250-323] и [295].

¹⁰ Здесь и в дальнейшем используется тот способ обозначения сем, который принят в большинстве работ по семантике.

структуре предложения. К числу этих сем можно отнести [$\pm$ одушевленность], [$\pm$ человечность],¹¹ [$\pm$ женскость]. Первая сема ограничивает все вещные существительные на одушевленные и неодушевленные, вторая - на обозначающие и не обозначающие людей, третья разделяет все одушевленные существительные по признаку пола.¹²

Все названные семантические признаки относятся только к не-предикатным знакам (вещным существительным). Поэтому данные знаки нет необходимости характеризовать общей семой [$+$ вещьность], поскольку она всегда будет конкретизирована специфическими семами, и предикатные знаки этих сем никогда не получают. Все перечисленные здесь семы будут сопровождать непредикатные знаки в семантических структурах предложений.

---

¹¹ Этот необычный и несколько неуклюжий термин является переводом английского [$\pm$ human]. Термин [$\pm$ лицо], встречающийся в некоторых работах на русском языке, неудачен, так как совпадает с аналогичным термином в значении грамматической категории.

¹² К анализу природы и способов выражения некоторых из этих сем мы еще вернемся в гл. IV.

Глава III. СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТНЫХ ЗНАКОВ

§ 1. Предикатный знак как центр предикатного выражения

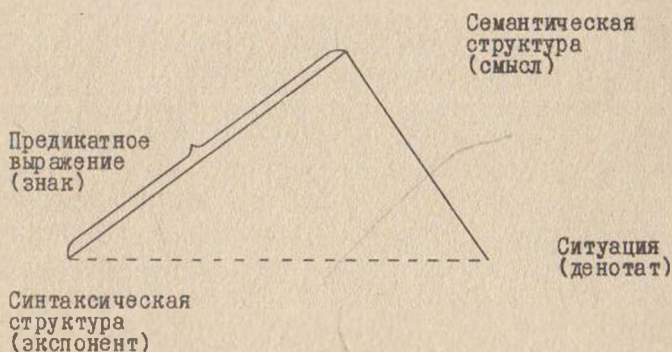
Особенности предикатных знаков могут быть правильно поняты только в составе целостного предикатного выражения. Предикатное выражение (ПВ) включает в себя один предикатный знак плюс нуль, один или несколько соединяемых им непередикатных знаков. Такое ПВ можно назвать простым. ПВ может также включать в себя несколько предикатных знаков, сопровождаемых или не сопровождаемых непередикатными знаками. Такое ПВ можно назвать сложным, или многопредикатным. Простые ПВ соответствуют предложениям типа «Светает», «Студент умен», «Студент купил книгу», «Ученики преподнесли спортсмену цветы».

Сложные ПВ выражены предложениями «Студент умен, но недисциплинирован», «Это происшествие вызвало волнение среди матросов», «Командир приказал солдатам перейти в наступление», «Говорят, что началась демонстрация фильма».

Хотя свойства и отношения производны от вещей, тем не менее знаки первых играют в составе ПВ большую роль, нежели знаки вторых. Приписывая те или иные свойства непередикатным знакам или устанавливая отношения между ними, предикатный знак тем самым выполняет организующую функцию в ПВ, в существенной степени определяя его структуру. Именно поэтому имеются все основания считать его подлинным центром ПВ.

ПВ представляет собой сложный знак. Роль экстралингвистического денотата данного знака выполняет описываемая им ситуация, событие или факт реальной действительности, обычно включающий в себя действие, состояние или отношение и участников, называемых участниками. Экспонентом ("синтаксической структурой") такого знака являются реально наблюдаемые речевые единицы: предложения, обороты, словосочетания и т.д. В плане содержания экспоненту должен соответствовать некоторый смысл. В лингвистической литературе смысл ПВ называют различными терминами, например, "семантическая структура", "семантическое представление", "глубинная структура", "внутренняя структура" и т.д. В настоящей работе будет использоваться термин "семантическая структура" (СемС).

Таким образом, отношения между введенными ранее понятиями и терминами могут быть представлены несколько видоизмененным тре-

В дальнейшем наибольшее внимание будет сосредоточено на анализе СемС. Суждения многих исследователей, занимающихся этим вопросом, свидетельствуют о том, что СемС имеет сложное внутреннее строение. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению деталей внутренней организации СемС, целесообразно остановиться на самых важных моментах существующих концепций.

§ 2. Семантическая структура и ее интерпретация в различных лингвистических теориях

Идеям, связанным с понятием СемС, предшествовали исследования Н.Хомского в области трансформационной порождающей грамматики. В разработанной им модели [289; 278; 274] база синтаксического компонента порождает ограниченное множество базовых цепочек, каждая из которых снабжается структурной характеристикой, называемой базовым показателем НС-структуры (или базовым С-показателем). В основе предложения может лежать либо один такой показатель, либо некоторая их последовательность, называемая базисом. С помощью серии трансформаций, именуемой трансформационным показателем (или Т-показателем), базис может быть преобразован в структуру реального предложения. Базис вместе с его Т-показателем Н.Хомский называет глубинной структурой (ГС). Ее нельзя отождествлять с СемС, потому что в основе своей она является синтаксическим, а не семантическим объектом. Вместе с тем глубинной структуре нельзя полностью от-

казать в семантической, поскольку базовые С-показатели, образующие базис, содержат не только категориальные (типа частей речи), но и субкатегориальные признаки типа [$\pm$ нарицательность], [$\pm$ числительность], [$\pm$ одушевленность], [$\pm$ человечность], которые можно считать семантическими признаками. В известной мере семантически релевантным следует считать и Т-показатель. Правда, его семантическая действенность существенно снижается оттого, что Н.Хомский не проводит различия между предикатными и непредикатными знаками.¹

В семантическом компоненте, описанном в работах Дж.Катца, Дж.Фодора и П.Постала [307; 308], ГС с введенными в нее конкретными лексемами подвергается семантической интерпретации, сущность которой заключается в том, что каждому слову ГС ставится в соответствие вся его информация, извлекаемая из словаря. Затем осуществляется последовательное склеивание семантики тех слов, которые на данном уровне дерева являются непосредственно составляющими. Операция склеивания производится по всему дереву снизу вверх, с учетом селекционных ограничений (т.е. ограничений на семантическую сочетаемость), до тех пор, пока всей ГС не будет приписан суммарный смысл, именуемый термином "прочтение". ГС, получившая однозначное прочтение, называется сентоидом. Таким образом, назначение семантической интерпретации состоит в том, чтобы разграничивать отмеченные и неотмеченные ГС. Вместе с тем в процессе такой интерпретации в ГС вносится из словаря большее количество структурированной смысловой информации в форме семантических маркеров, нежели их содержится в ГС, порожденных базой. Это значит, что сентоиды в большей степени отражают семантику соответствующих предложений, чем ГС Н.Хомского, и, следовательно, имеют большее право называться семантическими структурами. При этом, конечно, не следует упускать из виду, что сентоидам в общем присущи те же недостатки, что и неинтерпретированным ГС.

Направление, сделавшее своей главной задачей разработку процедур интерпретации ГС, получило название интерпретирующей семантики.

Промежуточное положение между интерпретирующей и порождающей семантикой занимает концепция У.Вайнрайха. Он вводит некоторые ус-

---

¹ Упрощенную и полную схему ГС для предложения *Sincerity may frighten the boy* см. в [273, 86 и 108-109] или [239, 81 и 104-105].

ложения в правила связывания семантем в ГС, отличные от простого склеивания значений, предложенного Дж.Фодором, Дж.Катцем и П.Посталом (см. § 5 гл. I). Однако в ГС эти детально описанные различия, к сожалению, не находят отражения. Но зато в нее вводится некоторая дополнительная грамматическая и семантическая информация, не предусмотренная Н.Хомским и его последователями. Так, например, слово *boy* 'мальчик' получает в словаре и в ГС набор следующих признаков (сем): [+ субстантивность], [+ числительность], [+ конкретность], [+ одушевленность], [+ человечность], [+ мужскость], [- взрослость]. Естественно, что эти признаки практически полностью исчерпывают семантику слова *boy*.²

Порождение ГС начинается с построения синтаксического каркаса — дерева, включающего в себя именную составляющую, глагольную составляющую, обстоятельство, в которых затем выделяются более дробные синтаксические элементы.

Конечной фазой синтаксического порождения являются фиктивные символы, где происходит "стыковка" семантики конкретных лексем, содержащихся в словаре, с порожденной синтаксической структурой.

Общие основания интерпретирующей семантики были в последние годы подвергнуты развернутой критике со стороны представителей генеративной, или порождающей, семантики (Дж.Макколи, Дж.Лакоффа и др.). Основной тезис их сводится к тому, что порождение предложения должно начинаться с формирования не синтаксической, а семантической структуры. С этой целью базовый компонент включает в себя правила образования семантических представлений (*semantic representations*), а также совокупность циклически действующих трансформационных правил, преобразующих семантические представления в синтаксические (*syntactic representations*) (см. [325, 165]). Модель содержит словарь, заменяющий комбинации семантических признаков (сем) лексемами, т.е. словарь, словарная статья в котором выглядит, например, следующим образом: *cause-become-not-alive → kill* (см. [326, 295]).

Семантическое представление, называемое иногда термином ГС, отождествляется с логической записью (см. [326, 290; 298, 285; 312]). В нем находят отражение переменные, кванторная и перформативная информации (см. [325, 138, 152-156; 302]), сведения о ре-

² ГС предложения *These boys found a car somewhere* см. в [351, 456].

ферентах (см. [300, 202]), различия темы и ремы (см. [301, 12-14]), сведения о пресуппозиции (см. [314]) и т.д. Таким образом семантическое представление является структурой, содержащей всю существенную информацию, характеризующую смысл предложения.³

В рамках порождающей семантики на сегодняшний день не выработано единого способа записи семантического представления. Помимо формул математической логики для этой цели используются деревья и иные графы, причем у разных авторов они существенно отличаются друг от друга.

Существенный вклад в разработку теории семантических структур внес Ч.Филлмор [288; 289]. В качестве основы для СемС (которую он называет ГС) он использовал не грамматику непосредственно составляющих, а предикатно-аргументный принцип символической логики.

ГС он представляет формулой $S \longrightarrow M + P$, где S — предложение, M — модальный показатель, P — пропозиция. Последняя может быть развернута в формулу $P \longrightarrow V + C_1 + \dots + C_n$, где V — глагол, $C_1 + \dots + C_n$ — так называемые глубинные падежи, под которыми понимается семантическое отношение аргумента к глаголу (предикату).⁴

Ч.Филлмор в работе [288] предлагает список из следующих семи глубинных падежей: агентив — одушевленный производитель действия, датив — одушевленный объект, подвергающийся действию, инструменталис — инструмент, фактитив — неодушевленный предмет, возникающий в результате действия, обозначаемого глаголом, объектив — неодушевленный объект, подвергающийся действию, локатив — место, темпоратив — время. В качестве глубинного падежа используется также включенное предложение (S).

Падеж при таком понимании рассматривается как универсальное явление, присущее всем языкам независимо от того, имеется в них падеж в традиционном смысле или нет.

Глубинно-падежная концепция Ч.Филлмора за последние годы претерпела существенные изменения. Менялось число падежей и их характер (см. [31]). Уточнялись исходные теоретические принципы. Однако и в настоящее время эта концепция не представляется вполне удов-

---

³ Образцы СемС для различных предложений см. в работах [325, 153; 326, 295; 329, 232; 311; 316, 23-24].

⁴ ГС предложения *John gave my brother the books* см. в [288, 35].

летворительной во всех своих деталях. Действительно, Ч.Филлмор ввел в свою систему в качестве глубинного падежа включенное предложение, но оставил без ответа вопрос о том, как интерпретировать имена действия или состояния, герундий и инфинитив: приписывать ли им индекс S, приравнивая их к свернутым предложениям, или же характеризовать их глубинными падежами.

Требование недопустимости в ГС двух тождественных падежей, выдвигаемое Ч.Филлмором, также подверглось критике (см. [28, 300; 328]).

ГС в варианте Ч.Филлмора при всех недостатках представляет собой существенное приближение к адекватному описанию смысла предложения.

К Филлморовской глубинно-падежной теории тесно примыкает концепция В.Г.Гака [69]. В.Г.Гак пользуется термином ГС и определяет ее как "лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации" [69, 78]. В связи с этим ГС интерпретируется как прямая номинация ситуации, а ПС (поверхностная структура) – как косвенная номинация [69, 80]. Указывается пять основных признаков ГС: 1) использование синтаксических категорий в их первичной функции; 2) одушевленность подлежащего при переходном глаголе; 3) простое обозначение процесса; 4) центробежная ориентация предиката при одушевленном субъекте (актив); 5) прямое обозначение субъекта и предиката.

Помимо предиката, ГС может включать в себя следующие семь реальных актантов: 1) субъект (отправитель); 2) объект; 3) адресат; 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); 5) пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения); 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект или объект [69, 80].

Нетрудно видеть, что реальные актанты напоминают глубинные падежи Ч.Филлмора и что под ГС В.Г.Гак понимает ядерное предложение.

Оригинальная концепция семантической структуры предложения выдвинута И.П.Сусовым [223]. Согласно его взглядам, реальная действительность складывается из множества ситуаций. Человеческое сознание отражает конкретные ситуации, обобщает их и сводит в классы. В мозгу человека абстрактной ситуации или ее классу ставится в соответствие глубинное языковое образование. Процесс его

порождения включает в себя три ступени: реляционную, которая порождает структуру, изоморфную абстрактной ситуации; предикационную, которая накладывает на реляционную структуру субъектно-предикатное отношение; модификационную, где осуществляется модальная, темпоральная, персональная и прочие модификации предикационной структуры.

Реляционная структура, напоминающая СемС в концепции Ч.Филлмора, складывается из релятем. Различается восемь релятем: агентивная, неагентивная, пациентивная, атрактивная, локативная, директивная, аблативная и инструментальная. Релятема в общем соответствует глубинному падежу Ч.Филлмора. Однако в отличие от него И.П.Сусов различает предметные и признаковые релятемы, позволяющие учитывать более сложные типы предложений.

При движении от реляционного уровня к модификационному СемС наполняется более конкретной семантикой и постепенно выводится на поверхность. СемС выражаются в виде формул.

В русле изложенных выше идей находится и концепция Т.Б.Алисовой [16], отражающая особенности семантической и синтаксической структуры простого предложения в итальянском языке. Т.Б.Алисова выделяет пять соотносительных дифференциальных семантических признаков, из которых может складываться семантика предиката: 1) нерасчлененность понятий о субъекте и его признаке, 2) абсолютность - относительность, 3) статичность - динамичность, 4) активность - неактивность, 5) локальность - нелокальность контакта [16, 37]. Различные комбинации этих признаков дают в итальянском языке 9 типов предикатов простых конструкций, к которым добавляются еще 15 типов предикатов.

В рамках выделенных простых конструкций анализируются 14 семантических функций актантов [16, 53-54]. Для каждой из семантических функций указаны выражающие их синтаксические актанты (члены предложения).

Интересные варианты семантики предложения описаны в работах У.Чейфа [241; 272] и У.Хатчинза [301].

Согласно У.Чейфу ядром семантической структуры является предикатный элемент, обычно сопровождаемый именными элементами. Первый он называет термином "глагол", или "предикат", вторые - терминами "имена", или "аргументы" [272, 96]. Глаголы обозначают состояния и события, классифицируемые на процессы, действия и т.д., имена являются обозначением вещей и опредмеченных

абстракций, характеризующих семантическими отношениями к глаголу типа глубинных падежей Ч.Филлмора и семантическими признаками, напоминающими субкатегории Н.Хомского. В семантической структуре соблюдается определенный порядок отношений.⁵

У.Хатчинз оперирует понятиями семы, семемы и семемной формулы. Последняя соответствует смыслу предложения. Она имеет вид графа, в котором узлам и ветвям соответствуют семемы, реализующиеся то как лексемы, то как грамматические категории [301, 11]. Уровень сем У.Хатчинз детально не анализирует.

К основным идеям У.Хатчинза близка концепция Ф.Саусворса [201], в соответствии с которой в системе описания языка выделяются семологический (т.е. семантический) и грамматический уровни. Первый "состоит из единиц, организованных в многомерные структуры; из этих единиц могут быть построены рудиментарные «предложения»" [201, 16].

Семологические структуры имеют вид блок-схем [201, 30], причем в каждом блоке, соответствующем определенной лексеме, приведены все ее синонимы, позволяющие получить различные перифразы для каждой семологической структуры.

Своеобразное понимание семантики предложения описано в модели "смысл - текст" [29; 91]. Модель оперирует понятиями трех уровней лингвистического описания - семантического представления (СП), глубинно-синтаксической структуры (ГСС) и поверхностно-синтаксического представления (ПСП).

При движении в направлении от смысла к тексту исходным пунктом является СП, а конечным - ПСП. При движении в обратном направлении порядок меняется. В том и в другом случае ГС (=ГСС) занимает промежуточное положение, связывая СП с ПСП.

СП состоит из двух компонентов: семантического графа и сведений о коммуникативной организации смысла. Семантический граф представляет собой структуру, вершинами которой являются семы, а дугами - связи, соединяющие семы-предикаты с семами-аргументами.

Уровень СП является долексемным, поскольку в семантическом графе смысловые аналоги лексем конкретного языка не используются. Эта часть модели в настоящее время разработана недостаточно. В ГСС предусмотрено шесть глубинно-синтаксических отношений: субъектное, три объектных, атрибутивное и сочинительное.

⁵ Образцы СемС по У.Чейфу см. [241, 122-123, 150-151, 170-191, 250-262, 271-295, 310-380].

Глубинная лексика делится на классы: предикаты, имена и адъюнкты, причем каждый такой класс образован самостоятельными лексемами, выступающими в качестве таковых на глубинном и поверхностном уровнях, и лексическими функциями, которые существуют в качестве лексем только в ПСП. Имеются также правила связи глубинных лексем глубинными отношениями.

ГСС преобразуются в ПСП с помощью четырех механизмов, представляющих собой разновидность трансформаций. При этом число поверхностно-синтаксических отношений значительно возрастает.

ГСС в модели "смысл $\longleftrightarrow$ текст" в основном синтаксична, но более обща, нежели ПСП, так как "каждая глубинная лексема и каждое глубинное отношение являются обобщениями соответствующих единиц поверхностного уровня" [90, 429].

Существенным развитием модели "смысл $\longleftrightarrow$ текст" является концепция Ю.Д.Апресяна [28]. Автор различает семантические валентности и грамматические зависимости предикатов. Выделяется 25 видов валентностей и зависимостей, в терминах которых описывается семантика предложения. Детальный анализ смысловых отношений между предикатом и его аргументами выгодно отличает концепцию Ю.Д.Апресяна от стандартного варианта модели "смысл $\longleftrightarrow$ текст" с ее шестью недостаточно дифференцированными глубинными отношениями.

В концепции Е.В.Падучевой [182] помимо уровней семантических представлений и глубинных структур выделяются еще уровни синтаксических и поверхностно-синтаксических представлений. Семантическое представление рассматривается как инвариант относительно класса всех синонимичных предложений, а ГС инвариантна только относительно синонимичных синтаксических трансформов. ГС формируются на основе языка исчисления предикатов. Детально описываются свойства лексики и синтаксиса этого языка. Уровни синтаксических и поверхностно-синтаксических представлений различаются тем, что на первом фигурируют только знаменательные слова со своими синтаксическими связями, а на втором появляются также и служебные. Концепция отличается строгим использованием аппарата математической логики.

В модели "запрос-ответ", разрабатываемой в Лаборатории математической лингвистики Ленинградского университета, описание семантики подчинено задаче обслуживания информационной системы [105; 106; 107; 109; 145; 174]. Авторы излагают двухуровневую концепцию текста, в которой различаются внутренняя и внешняя структуры. Внутренняя структура складывается из функторов (предикатов и коннек-

торов) и объектов, между которыми определены все необходимые отношения. Функтор с заполненными местами именуется ситуацией. Во внутренней структуре содержится также указание на модальность. Внутренней структуре не изоморфна внешняя структура, представленная в тексте в явном виде в отличие от внутренней структуры, имеющей имплицитный характер.

Двухуровневый подход является важным достоинством данной концепции.

В концепции Н.Д.Арутюновой [32] предложение характеризуется четырьмя логико-грамматическими началами, которым соответствуют отношения экзистенции, идентификации, номинации и характеристики (предикации). Входящие в состав предложения слова приспособляются к условиям выражения этих отношений. Например, функцию идентификации выполняют имена собственные и нарицательные и местоимения, функцию предикации – прилагательные и глаголы. Первые связаны с денотатом, вторые – с сигнификатом.

Фундаментальное различие между предикатными и идентифицирующими (непредикатными) словами проявляется и в рамках существительных, где разграничиваются конкретные и отвлеченные (пропозитивные) слова. Первые могут быть дополнениями глаголов физического действия, вторые – глаголов, обозначающих ментальные акты.

В концепции Н.Д.Арутюновой находит свое отражение детальный анализ пропозиции, а также рассматриваются проблемы референции, коммуникативной перспективы, тождества и т.д. Для этой концепции характерно понимание семантического и синтаксического аспектов предложения не как автономных данностей, а как соотносительных рядов явлений, вследствие чего эти аспекты описываются иногда контаминированной семантико-синтаксической терминологией.

Все рассмотренные выше концепции можно сопоставить по некоторым фундаментальным характеристикам, положенным в основу их построения. В качестве таких характеристик мы используем следующие признаки.

1. Концептуальная база, под которой понимается некоторая теория, лежащая в основе концепции смысла предложения. С точки зрения этого признака все концепции можно разделить на три группы: а) концепции, в которых глубинные структуры формируются на базе грамматики НС (Н.Хомский, сторонники интерпретационной семантики, У.Вайнрайх); б) концепции, базирующиеся на основных понятиях математической логики (сторонники порождающей семантики, Ч.Филлмор,

У.Чейф, В.Г.Гак, И.П.Сусов, Т.Б.Алисова, Е.В.Падучева, Н.Д.Арутюнова, модель "смысл—текст", система "запрос-ответ"); в) концепции с иной базой (У.Хатчинз, Ф.Саусворс).

2. Ч и с л о у р о в н е й, используемых для описания семантических и синтаксических явлений. По этому признаку все концепции можно разделить на две группы: а) двухуровневые концепции, т.е. такие, в которых выделяется уровень смысла, называемый различными терминами, и уровень синтаксического оформления смысла (Ч.Филлмор, У.Вайнрайх, У.Чейф, В.Г.Гак, Т.Б.Алисова, Н.Д.Арутюнова, Ф.Саусворс, модель порождающей семантики, модель "запрос-ответ"; сюда же можно отнести также концепции Н.Хомского и представителей интерпретирующей семантики, если под уровнем смысла понимать семантически интерпретированные глубинные структуры); б) многоуровневые концепции, т.е. такие, которые включают в себя более двух уровней (у У.Хатчинза — три уровня в модели "смысл—текст" — три уровня, в концепции Е.В.Падучевой — четыре уровня, у И.П.Сусова — четыре уровня).⁶

3. С п о с о б х а р а к т е р и с т и к и а р г у м е н т о в, под которыми понимается либо обращение к способу нумерации различных аргументов, иногда одновременно с их субъектно-объектной характеристикой, либо использование для этой цели набора глубинных падежей, или семантических ролей. К первой группе относятся концепции Е.В.Падучевой, авторов модели "смысл—текст", создателей системы "запрос-ответ", а также основных представителей генеративной семантики, например Дж.Макколи и Дж.Лакоффа. Вторую группу образуют концепции Ч.Филлмора, У.Чейфа, В.Г.Гака, И.П.Сусова, Т.Б.Алисовой, отчасти У.Хатчинза, а также Апресяновский вариант модели "смысл—текст". Однако этот признак неприменим к концепциям Н.Хомского и его последователей по интерпретирующей семантике, поскольку эти концепции построены не на логической основе. Он не используется также в концепциях Н.Д.Арутюновой и Ф.Саусворса.

Между рассмотренными концепциями имеются и другие, более частные различия, которых мы не будем касаться здесь, но которые неоднократно будем затрагивать при рассмотрении более конкретных вопросов.

---

⁶ Четвертым в концепции И.П.Сусова является уровень поверхностных структур.

§ 3. Проблема реальности семантических структур

Разнообразие рассмотренных выше концепций СемС свидетельствует о том, что единое представление об отличительных особенностях СемС в настоящее время в лингвистике отсутствует. В этой связи может сложиться впечатление, что понятие СемС не вносит чего-либо существенно нового в наше понимание семантики предложения или любого другого вида ПВ, или что оно является лингвистической фикцией. На самом деле это не так. Многообразие интерпретаций СемС является не опровержением ее реальности и не утверждением ее фиктивности, а всего лишь следствием чрезвычайной сложности ее строения. Факты различной интерпретации какого-либо языкового явления широко известны в лингвистике, причем касаются зачастую довольно простых языковых единиц плана выражения, например, фонем. Возможность множественного описания, естественно, в значительной степени возрастает по мере усложнения описываемого объекта. Но именно к числу таких сложных объектов и относится СемС.

В гл. I уже отмечалось, что значение слова имеет достаточно сложную организацию. Ясно, что смысл предложения тоже как-то организован. Эта организация и образует то, что здесь предлагается назвать СемС. Разумеется, с таким же основанием можно было бы говорить и о СемС слова, имея в виду, например, компонентную организацию его значения. Таким образом, для отрицания реальности СемС существует не более оснований, чем для отрицания значения слова или смысла предложения.

Термин "семантическая структура" — это всего лишь другое название для смысла предложения и эквивалентных ему ПВ. Этот термин можно считать более удобным и адекватным по сравнению с терминами "смысл предложения" или "пропозиция", потому что в нем содержится указание на организованность, упорядоченность элементов смысла ("структура"). Термин "семантическая структура" в сходном значении используется, например, У.Чейфом [241; 272].

Иногда в лингвистической литературе можно встретить утверждение вроде следующего: "Глубинная структура — не лингвистическая и не психическая реальность. Это — операционный прием, которому в теории приписывается выполнение определенных функций" [96, 197]. Следует отметить, во-первых, что В.А.Звегинцев имеет здесь в виду ГС только в понимании Н.Хомского, Дж.Катца и П.Поста и не рассматривает других интерпретаций этого термина, что, конечно, в значительной степени сглаживает действенность его кри-

тического утверждения. Во-вторых, если ГС понимать как организованный смысл предложения, т.е. как СемС, то отрицать ее реальность так же трудно, как реальность смысла предложения.

Говоря о ГС, правильно было бы называть ее не "операционным приемом", а экспликацией (и даже визуализацией - в случае графического представления) тех или иных характеристик смысла, отобранных из бесконечного их числа, реально содержащегося в предложении.

В этой связи чрезвычайно важно рассмотреть основные характеристики СемС - так, как она понимается в настоящей работе.

§ 4. Общая организация семантической структуры

СемС ПВ включает в себя в качестве основных компонентов семантемы предиката (или предикатного знака) и аргументов (или не-предикатных знаков). Каждый из этих компонентов характеризуется собственными свойствами. Важнейшей особенностью предикатной семантемы является ее способность взаимодействовать с определенным числом аргументных семантем. Эта способность, называемая "местностью", или "семантической валентностью", образует исходную базу для классификации предикатов, дающую возможность выделить нуль-местные, одностепенные и многостепенные предикаты. Уже это членение семантически релевантно. Так, нуль-местные предикаты обычно описывают атмосферные состояния природы. Одностепенные предикаты могут выражать действия, состояния и свойства, но не могут выражать отношений. Многостепенным предикатам дополнительно присуща способность выражать отношения. Эта общая система предикатных классов может быть уточнена их более детальной семантической классификацией. В лингвистической литературе описано несколько попыток такой классификации предикатов, в основном глаголов. Можно указать, например, на работы Ю.Д.Апресяна [23], Ж.Дюбуа [284], Ф.Данеша [278], Г.Г.Сильницкого [206], У.Чейфа [241], М.Коспартовой [127], Дж.Миллера [329] и др. Классификации, предложенные в этих работах, чрезвычайно интересны, но имеют различные основания деления, часто не сопоставимые друг с другом. Поэтому опираться на них трудно. Можно было бы, разумеется, предложить собственный вариант классификации предикатов, однако это только увеличило бы число существующих классификаций. Разумнее, пожалуй, основываться на системе общепризнанных исходных классов, разграничивающих действия, состояния, свойства и отношения.

При этом в тех случаях, когда этой грубой схемы окажется недостаточно, будут учитываться все необходимые дополнительные признаки предикатов.

Вторым компонентом СемС является одна или несколько аргументных семантем (в частном случае — ни одной). Каждая из них может характеризоваться как автономно, так и в связи с предикатной семантемой. В первом случае аргументная семантема описывается набором образующих ее сем типа тех, которые были рассмотрены в главе II. Во втором случае ей приписывается та или иная семантическая функция в СемС.

В аргументной позиции могут находиться семантемы как непредикатных, так и предикатных знаков. В последнем случае имеют место сложные многопредикатные выражения, которые будут анализироваться в главе IV. Здесь же внимание будет сосредоточено на тех ПВ, в аргументных позициях которых отсутствуют другие предикаты: мы назвали их простыми ПВ (см. § 3). Отметим, что система семантических функций может использоваться в полной мере только для характеристики СемС простых ПВ.

Предлагаемая система, полученная методом обследования текстов на четырех языках, включает в себя следующие семантические функции:

1. А г е н т и в (сокр. аг.) характеризует семантему активного одушевленного производителя действия. Например, «Старуха положила руку на плечо сына» (Шолох. Поднятая целина). «Георгий Гараев помчался к реке разыскивать науганную им Ольгу» (Гайд. Тимур и его команда). «Валя поспешно открыла сумочку» (А.Чак. Невеста). «Stirred and moved, Ashurst squeezed the hand, and went downstairs» (J.G. The Apple Tree). «Puis Rivière poussa la porte qui donnait sur la salle des secrétaires» (A. de S.-Ex. Vol de nuit). «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?» (J.G. Erlkönig).

2. П а ц и е н т и в (пац.) характеризует семантему одушевленного аргумента как объект действия, состояния или отношения. Например: «Марусю Тыбурций держал на руках» (Корол. Дети подземелья). «Играя, дети гнали Ассоль» (Грин. Алые паруса). «В жизнь свои он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим» (Гог. Шинель). «He took Jennie to a watering-place for ten days to help her recover her spirits» (Th.D. Jennie Gerhardt). «Il a été assassiné dans une maison de la rue Chaptal» (G.Sim. La première enquête de Maigret).

3. Б е н е ф и ц и а т и в (бен.) относится к семанте одушевленного аргумента, выступающего в функции адресата, получателя или вообще того, в пользу или в ущерб кому совершается действие. Например: «Вечером пришла прислуга Олимпиады и принесла Илье записку» (М.Г. Жизнь Матвея Кожемякина). «У меня есть сын» (А.Чак. Невеста). «Robert had things very much in his own hands now» (Th.D. Jennie Gerhardt). «Un homme d'apparence modeste l'aborda et lui dit en pingouin» (A. Fr. L'île des pingouins). «Dann gebe ich Ihnen ein Kännchen, es ist billiger» (H. Böll. Und sagte kein einziges Wort).

4. Э к с п е р и е н с и в (экс.) описывает семанте одушевленного аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом. Например: «С трудом различал Кузьма темные, туманные фигуры мужиков» (Бун. Деревня). «Но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело» (Гог. Тарас Бульба). «Because he wanted to fall into their clutches, they seemed to regard him as a king who could do no wrong» (O.Hen. The Cop and the Anthem). «Quant à Simon, il aimait beaucoup son nouveau papa» (G. de M. Le papa de Simon). «Haben Sie den Gendarm gesehen?» (A.S. Das siebte Kreuz).

5. О б ъ е к т и в (об.) квалифицирует семанте неодушевленного аргумента как объект действия, состояния или отношения. Например: «Сергей, усталый и взвинченный, отворял калитку» (Грин. Карантин). «Я вынул из кармана складной нож» (Гайд. Судьба барабанщика). «When he started to collect dry moss he found he could not rise to his feet» (J. L. Love of Life). «Sur quoi le petit monsieur salua, ferma la portière, et s'en alla en riant» (A.D. Tartarin de Tarascon). «Da öffnet sich behend ein zweites Tor» (F. Sch. Der Handschuh).

6. П е р ц е п т и в (перц.) описывает семанте одушевленного или неодушевленного аргумента, являющегося объектом физиологического или психического действия или состояния. Например: «Закрывая глаза, я видел его» (Сережу Ивина. - В.Б.) перед собой (Л.Т. Детство, отрочество, юность). «Я еще, как сквозь сон, помню следы пожара» (Герц. Былое и думы). «Он вспомнил Лизу Рыбалкову, какой она была в те годы» (А.Ф. Молодая гвардия). «Can't you imagine the regulation house-holder - Lover of Justice?» (R.K. The Light that Failed). «Elle l'aimait de toute sa chair» (A.F. Les dieux ont soif).

7. К о м п о з и т и в (ком.) характеризует семантему аргумента как материал, вещество, состав или содержимое какого-либо предмета, выступающего в роли другого аргумента. Например: «На дво-ро караульщик стучал в чугунную доску» (Л.Т. Детство, отрочество, юность). «Солдаты сгрузили у военкомата несколько ящиков с патронами и гранатами» (С.С. Брестская крепость). «In a vacant chair beside him he placed a little black leather bag» (К.М. The Baron). «Il (le portefeuille. - В.Б.) contenait trois billets de mille francs et quelques billets de cent, ainsi qu'une carte d'identité au nom de Louis Thouret» (G. Sim. La première enquête de Maigret).

8. И н с т р у м е н т а т и в (ин.) характеризует семантему аргумента как орудие или инструмент. Например: «Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьею ножкой, третий ключом» (Чех. Хи-рургия). «The old man was afraid he (the fish. - В.Б.) would cut the line with his tail» (Е. Hem. The Old Man and the Sea).

9. М е д и а т и в (мед.) квалифицирует семантему аргумента как средство. Например: «Это ты укрыл меня ночью простыней?» (Гайд. Тимур и его команда). «Bob Tidball replaced the spoil in the bag and tied the mouth of it tightly with a cord» (О. Hem. The Roads We Take). «Le toit est soutenu par une charpente qui porte sur quatre gros piliers en bois» (Sten. Le rouge et le noir).

10. Э л е м е н т и в (эл.) характеризует семантему активного неодушевленного (обычно природного, стихийного) производителя действия (см. [124]). Например: «Скривились домики, другие совсем обрушились, иные волнами сдвинуты» (Пушк. Медный всадник). «It was cold after the sun went down» (Е. Hem. The Old Man and the Sea). «La planète... traversait une épaisse couche de brume qui lui donnait une rougeur horrible» (V.H. Les Misérables).

11. О н о м а с и а т и в (оном.) квалифицирует семантему аргумента как название, прозвище или кличку одушевленного или неодушевленного объекта. Например: «Прозывают "Будильником" на деревне его» (Евтуш. Председателей сын). «It's father as calls me Sissy, sir, returned the young girl in a trembling voice» (C. Dick. Hard Times). «Il s'appelait Loulou» (G. F. Un coeur simple).

12. Л о к а т и в (лок.) характеризует семантему аргумента как место. Например: «Но внук учебы этой не постиг и, к горечи твоей, ушел в страну чужую» (Есен. Письмо деду). «In the Vale of Tawasentha, in the green and silent valley, by the pleasant water courses, dwelt the singer Nawadaha» (H. Long. The Song of

Нlawatha). «Retournez vite à Tarascon, monsieur Tartarin» (A.D. Tartarin de Tarascon).

13. Д е с к р и п т и в (дес.) характеризует семантему аргумента как носитель свойства, выражаемого предикатом. Например: «Окна в светлице были маленькие» (Гог. Тарас Бульба). «Его лошаденка тоже белая и неподвижна» (Чех. Тоска). «Вся она [Мальва] — круглая, мягкая и свежая, как всегда, в то же время была какая-то новая, чужая» (М.Г. Мальва). «The young girl with the party was very beautiful» (М. Tw. The Man that corrupted Hadleyburg). «L'homme était blond» (G. Sim. La première enquête de Maigret). «Ich war müde an diesem Montagmorgen» (H. Böll. Das Brot der frühen Jahre).

14. Р е з у л ь т а т и в (рез.) описывает семантему аргумента, выступающего как результат действия предиката. Например: «Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта» (Пушк. Капитанская дочка). «Who was Naomi Brocklehurst? — The lady who built the new part of this house» (C. Br. Jane Eyre).

Перечисленные здесь семантические функции распадаются на три группы с точки зрения их отношения к семантическому признаку одушевленность-неодушевленность. К первой группе относятся функции, характеризующие семантемы одушевленных аргументов, а именно агентив, пациентив, бенефициатив и экспериенсив; ко второй — функции для неодушевленных аргументов, т.е. обектив, инструментатив, медиатив, элементив; к третьей — функции, способные характеризовать как одушевленные, так и неодушевленные аргументы, а именно перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив и результатив. Это деление не случайно. Оно исходит из признания фундаментального различия между одушевленными и неодушевленными объектами, заключающегося в том, что первые обладают собственным поведением, чего в общем нельзя сказать о вторых. Это онтологическое различие должно найти семантическое отражение. Если, например, агентив соответствует одушевленному объекту, то это значит, что такой объект сам может быть источником своего действия, не нуждаясь при этом в каком-либо постороннем движущем факторе, т.е. он сам определяет свое поведение. Неодушевленные объекты таким свойством не обладают и нуждаются для выполнения того или иного действия во внешнем движущем факторе. Исключение составляют некоторые природные объекты, например, космические тела и пр., которые целесообразно рассматривать как обладающие собственным поведением.

То, что справедливо в этом смысле относительно агентива, действительно в общем и для пациентива, который отличается от объектива только признаком одушевленности. Сказанное здесь можно распространить также на бенефициатив и экспериенсив: можно сделать что-то в пользу или в ущерб одушевленному предмету, но такие действия лишены смысла в отношении неодушевленных объектов; наконец, физиологические и психологические состояния присущи только одушевленным объектам.

Различие между одушевленным и неодушевленным нейтрализуется в тех случаях, когда тот или иной предмет оказывается объектом чего-либо восприятия, местом действия другого предмета, когда ему приписывается какой-нибудь признак или когда этот предмет называется каким-нибудь именем.

Рассмотренная выше информация позволяет представить схемы СемС в предварительном варианте, не учитывающем грамматических данных, которые будут вводиться в дальнейшем.

Если оставить в стороне нуль-местные предикаты, не образующие комбинаций с непредикатными знаками в качестве их аргументов, то наиболее простую СемС имеют ПВ с одноместными предикатами. Затем следуют ПВ с двухместными и трехместными предикатами. Существование предикатов с большим числом мест кажется проблематичным.

Порождение СемС таких ПВ происходит по общему правилу:

$$ПВ_n \longrightarrow П_k(c) + A_1(r_1) + \dots + A_m(r_m),$$

где n — номер ПВ, $k \leq 3$ и означает число аргументов A предиката P , c — класс предиката (действие, состояние, отношение, свойство), r — семантическая функция аргумента, m — число таких функций. Это правило внешне напоминает исходное правило грамматики НС в модели Н.Хомского, имеющее вид

$$S \longrightarrow NP \text{ Predicate - Phrase}$$

(см. [273, 106] или [239, 101]). Отличия заключаются в том, что у Н.Хомского это правило описывает предложение, в то время как у нас оно характеризует ПВ, и в том, что в грамматике Н.Хомского за этим правилом следует несколько других правил категоризации и субкатегоризации, между тем как здесь — только правила субкатегоризации.

СемС ПВ в процессе порождения могут быть упорядочены по числу аргументов, по классу предиката и по семантической функции аргументов. Этот порядок является чисто внешним и выбран из соображений удобства. Он не отражает каких-либо лингвистических законов.

марностей и в принципе может быть изменен, если это окажется целесообразным по каким-либо иным соображениям. Каждое ПВ получает в списке соответствующий номер (табл. I).

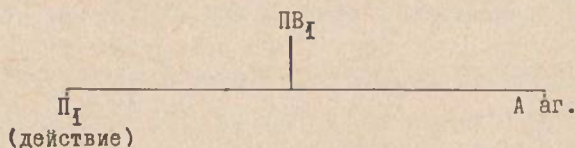
Т а б л и ц а I

№ ПВ	Правило	Пример
1	2	3
1	$PВ_1 \rightarrow P_1(\text{действие}) + A \text{ аг.}$	Мальчик бежит.
2	$PВ_2 \rightarrow P_1(\text{действие}) + A \text{ об.}$	Машина опрокинулась.
3	$PВ_3 \rightarrow P_1(\text{действие}) + A \text{ рез.}$	Строится дом.
4	$PВ_4 \rightarrow P_1(\text{состояние}) + A \text{ пац.}$	Сын наказан.
5	$PВ_5 \rightarrow P_1(\text{состояние}) + A \text{ бен.}$	Ивану везет.
6	$PВ_6 \rightarrow P_1(\text{состояние}) + A \text{ эксп.}$	Мальчик волнуется.
7	$PВ_7 \rightarrow P_1(\text{состояние}) + A \text{ об.}$	Окно закрыто.
8	$PВ_8 \rightarrow P_1(\text{свойство}) + A \text{ деск.}$	Парус алый. Иван сильный.
9	$PВ_9 \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ пац.} + A \text{ аг.}$	Отец наказывает сына.
10	$PВ_{10} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ об.} + A \text{ аг.}$	Мальчик читает книгу.
11	$PВ_{11} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ лок.} + A \text{ аг.}$	Мальчик сел на табуретку.
12	$PВ_{12} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ рез.} + A \text{ аг.}$	Иван строит дом.
13	$PВ_{13} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ об.} + A \text{ ин.}$	Нож режет хлеб.
14	$PВ_{14} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ об.} + A \text{ мед.}$	Занавеска закрыла окно.
15	$PВ_{15} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ об.} + A \text{ эл.}$	Вода дробит камень.
16	$PВ_{16} \rightarrow P_2(\text{действие}) + A \text{ пац.} + A \text{ эл.}$	Пулей убило человека.
17	$PВ_{17} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ перц.} + A \text{ эксп.}$	Иван любит Марию. Девочка видит куклу.
18	$PВ_{18} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ ком.} + A \text{ об.}$	Стол был сделан из бамбука. Машина состоит из тысячи деталей.
19	$PВ_{19} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ оном.} + A \text{ пац.}$	Мальчик назван Петей.
20	$PВ_{20} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ лок.} + A \text{ пац.}$	Мальчик посажен на диван.
21	$PВ_{21} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ пац.} + A \text{ об.}$	Мальчика беспокоит ухо.
22	$PВ_{22} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ лок.} + A \text{ об.}$	Книга лежит на столе.
23	$PВ_{23} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ бен.} + A \text{ об.}$	Книга дана ученику.
24	$PВ_{24} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ пац.} + A \text{ ин.}$	Мальчик наказан ремнем.
25	$PВ_{25} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ об.} + A \text{ ин.}$	Дверь заперта ключом.
26	$PВ_{26} \rightarrow P_2(\text{состояние}) + A \text{ об.} + A \text{ мед.}$	Окно закрыто занавеской.
27	$PВ_{27} \rightarrow P_2(\text{свойство}) + A \text{ бен.} + A \text{ об.}$	Табак вреден человеку.

1	2	3
28	ПВ ₂₈ → П ₂ (отношение) + А лок. + А об.	Избушка находится в лесу.
29	ПВ ₂₉ → П ₂ (отношение) + А пац. + А бен.	У Ивана есть сын.
30	ПВ ₃₀ → П ₂ (отношение) + А об. + А бен.	У Ивана есть магнитофон.
31	ПВ ₃₁ → П ₂ (отношение) + А пац. + А дес.	Сын выше отца.
32	ПВ ₃₂ → П ₂ (отношение) + А об. + А дес.	Тетрадь тоньше книги.
33	ПВ ₃₃ → П ₃ (действие) + А об. + А ин. + А аг.	Мальчик режет хлеб ножом.
34	ПВ ₃₄ → П ₃ (действие) + А об. + А мед. + А аг.	Мать закрыла окно занавеской.
35	ПВ ₃₅ → П ₃ (действие) + А об. + А бен. + А аг.	Учитель дал книгу ученику.
36	ПВ ₃₆ → П ₃ (действие) + А пац. + А ин. + А аг.	Отец порет сына ремнем.
37	ПВ ₃₇ → П ₃ (действие) + А пац. + А мед. + А аг.	Мать укутала мальчика одеялом.
38	ПВ ₃₈ → П ₃ (действие) + А оном. + А пац. + А аг.	Родители называли сына Петей.
39	ПВ ₃₉ → П ₃ (действие) + А лок. + А пац. + А аг.	Мать посадила сына на диван.
40	ПВ ₄₀ → П ₃ (действие) + А лок. + А об. + А аг.	Мальчик положил книгу на стол.
41	ПВ ₄₁ → П ₃ (действие) + А пац. + А пац. + А аг.	Иван познакомил Сергея с Наташей.
42	ПВ ₄₂ → П ₃ (действие) + А ком. + А рез. + А аг.	Рабочие построили дом из туфа.

Схема СемС, например, для ПВ₁ будет иметь следующий вид:

С х е м а 8

Эта схема является обобщением смысла не только предложения Мальчик бежит, но и любой другой формы реализации данного ПВ, т.е. она будет действительна для выражений бег мальчика, бегущий мальчик, бежавший мальчик, бежать мальчику (было трудно) и т.д.

Для того чтобы данная СемС могла характеризовать только предложение, в нее должна быть включена информация о грамматических категориях предиката и аргумента. Этот вопрос будет рассмотрен в гл. IV. Здесь же важно подчеркнуть, что эта СемС репрезентирует общий смысл не только рассмотренной реализации ПВ, но и огромного числа других реализаций, например в форме таких предложений, как Ребенок плачет, Девочка прыгает, Собака скулит, Бабочка летит и т.д. Входящие в эти предложения непредикатные знаки удовлетворяют требованиям агентивного аргумента, однако существенно различаются по субкатегориальным признакам. Это приводит к тому, что данная схема СемС оказывается слишком грубой, неспособной отразить более тонкую семантику, заключенную в приведенных предложениях.

Дело, однако, касается не только непредикатных знаков, но и самих предикатов. Выше уже отмечалось, что исходные классы предикатов могут разбиваться на более дробные семантические подклассы. Мы этого не делали, поскольку считаем, что субкатегоризация предикатов может производиться по семантическим признакам аргументов. Действительно, в пределах одноместных предикатов действия, сочетающихся с агентивным аргументом, можно выделить подкласс предикатов типа смеяться, улыбаться, плакать, рыдать и т.д., которые требуют, чтобы аргумент обладал дополнительной семой [+человечность]. Значит, для выделения этого подкласса необходимо указание на дополнительную сему. То же в принципе справедливо и для других подклассов предикатов.

Субкатегоризацию глагола (как одного из видов предиката) Н. Хомский называет "контекстно-связанной". В качестве контекстуальных признаков он использует "правила строгой субкатегоризации" и "правила селекции" [239, 89-90]. Первые отражают синтаксическую валентность глагола, вторые — его семантическую валентность.

Эта субкатегоризация неоднородна, так как в ней учитываются как семантические, так и синтаксические характеристики. Однако ее можно сделать более единообразной, если осуществлять по единому принципу, т.е. по семантическим свойствам аргументов. В качестве таких свойств на первом этапе субкатегоризации выступает число мест предиката и его семантический тип. На втором этапе вводятся семантические функции аргументов, на третьем — субкатегоризация аргументов, влияющая на субкатегоризацию предикатов. Таким образом, получаем трехступенчатую систему. Первые две ступени уже анализировались (см. с. 51-56). Остается рассмотреть третью.

Третья ступень основана на субкатегоризации слов, способных занимать позиции аргументов. У нас такими словами являются непредикатные знаки. Сходная субкатегоризация, без различения предикатных и непредикатных знаков, была предложена Н.Хомским [273, 79-83; 239, 74-78], который строил ее на контекстно-свободном принципе. В качестве доминантной он выбрал сему $[\pm \text{ нарицательность}]$, в которую затем вводились дополнительные семы [273, 83; 239, 78].

В нашей системе отсутствует полная контекстная независимость субкатегоризации аргументных слов. Это объясняется тем, что аргументы характеризуются семантическими функциями, большинство из которых, в свою очередь, зависит от семы $[\pm \text{ одушевленность}]$. Именно поэтому данная сема и выбирается в качестве доминантной. Все прочие семы упорядочиваются относительно ее. С учетом этого схема аргументной категоризации принимает следующий вид (см. с.61).

В схеме 9 отсутствует сема $[\pm \text{ абстрактность}]$, имеющаяся у Н.Хомского, поскольку абстрактные существительные представляют собой исключенные предикаты (ср. слово *virtue* - добродетель в [239, 78]). Но зато в ней присутствуют семы $[\pm \text{ женскость}]$ и $[\pm \text{ единичность}]$,⁷ которых нет у Н.Хомского, но которые должны быть в СемС. Более специфичные семы, образующие семантику слов, присутствуют в словаре.

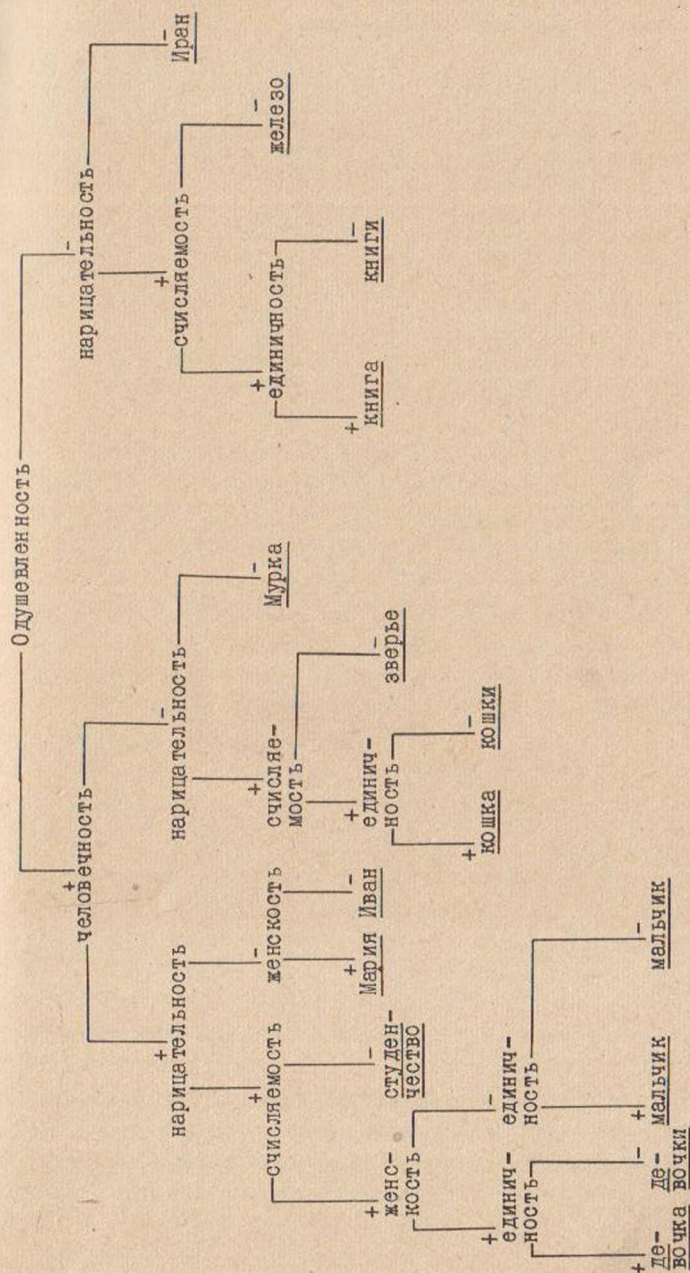
Применение аргументной субкатегоризации дает возможность снабдить аргументы дополнительным набором сем и тем самым получить более специфические СемС, отражающие семантические свойства более узкого круга ПВ. Общие правила, по которым аргументы получают субкатегориальные признаки используемых в их позициях слов, имеют следующий вид:

1. А аг., А экс., А пац., А бен. $\longrightarrow$ $[\pm \text{ одуш.}]$.
2. А об., А ин., А мед., А эл. $\longrightarrow$ $[- \text{ одуш.}]$.
3. А лок., А перц., А ком., А рез., А део., А оном. $\longrightarrow$ $[\pm \text{ одуш.}]$.

Дальнейший порядок правил определяется схемой 9. Например, для А аг. он будет иметь следующий вид:

1. $[\pm \text{ одуш.}] \longrightarrow [\pm \text{ челов.}]$	6. $[- \text{ женск.}] \longrightarrow [\pm \text{ един.}]$
2. $[\pm \text{ челов.}] \longrightarrow [\pm \text{ нариц.}]$	7. $[- \text{ нариц.}] \longrightarrow [\pm \text{ женск.}]$
3. $[\pm \text{ нариц.}] \longrightarrow [\pm \text{ счисл.}]$	8. $[- \text{ челов.}] \longrightarrow [\pm \text{ нариц.}]$
4. $[\pm \text{ счисл.}] \longrightarrow [\pm \text{ женск.}]$	9. $[\pm \text{ нариц.}] \longrightarrow [\pm \text{ счисл.}]$
5. $[\pm \text{ женск.}] \longrightarrow [\pm \text{ един.}]$	10. $[\pm \text{ счисл.}] \longrightarrow [\pm \text{ един.}]$

⁷ В дальнейшем для обозначения субкатегориальных сем приняты следующие сокращения: $[\pm \text{ одушевленность}] = [\pm \text{ одуш.}]$, $[\pm \text{ человечность}] = [\pm \text{ челов.}]$, $[\pm \text{ нарицательность}] = [\pm \text{ нариц.}]$, $[\pm \text{ счисляемость}] = [\pm \text{ счисл.}]$, $[\pm \text{ единичность}] = [\pm \text{ един.}]$, $[\pm \text{ женскость}] = [\pm \text{ женск.}]$.

Использование этих правил дает возможность приписать агентивному аргументу в схеме 8 следующие наборы сем:

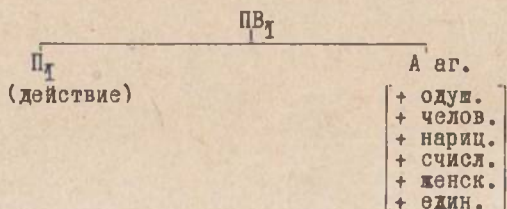
1. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ + \text{женск.} \\ + \text{един.} \end{bmatrix}$	2. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ + \text{женск.} \\ - \text{един.} \end{bmatrix}$	3. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ - \text{женск.} \\ + \text{един.} \end{bmatrix}$	4. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ - \text{женск.} \\ - \text{един.} \end{bmatrix}$
5. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ - \text{счисл.} \end{bmatrix}$	6. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ - \text{нариц.} \\ + \text{женск.} \end{bmatrix}$	7. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ + \text{челов.} \\ - \text{нариц.} \\ - \text{женск.} \end{bmatrix}$	8. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ - \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ + \text{един.} \end{bmatrix}$
9. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ - \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ + \text{счисл.} \\ - \text{един.} \end{bmatrix}$	10. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ - \text{челов.} \\ + \text{нариц.} \\ - \text{счисл.} \end{bmatrix}$	11. $\begin{bmatrix} + \text{одуш.} \\ - \text{челов.} \\ - \text{нариц.} \end{bmatrix}$	

Набору 1 соответствует ПВ типа Девочка бежит, набору 2 - Девочки бегут, набору 5 - Студенчество трудится, набору 7 - Иван работает, набору 10 - Зверье разбежалось, набору 11 - Мурка режется.

СемС на схеме 8, дополненная, например, набором 1, в соответствии со вторым правилом порождения типа:

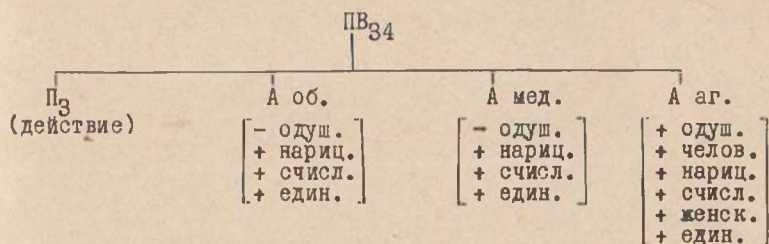
A аг. → I. A аг. [+одуш.] [+челов.] [+нариц.] [+счисл.] [+женск.] [+един.] V 2. A аг. [+одуш.] [+челов.] [+нариц.] [+счисл.] [+женск.] [-един.] V... V II. A аг. [+одуш.] [-челов.] [-нариц.] где V означает "или", - примет следующий вид:

С х е м а 10

Такие же СемС, дополненные соответствующими наборами, могут быть построены для всех ПВ, указанных в табл.1. Они являются предельном специфичности в процессе порождения по указанным выше правилам.

В СемС ПВ с многоместным предикатом сохраняется определенный порядок расположения аргументов. Так, если мы возьмем ПВ₃₄, то его СемС с субкатегориальными наборами сем, соответствующими предложению вида «Мать закрыла окно занавеской», можно представить в виде схемы:

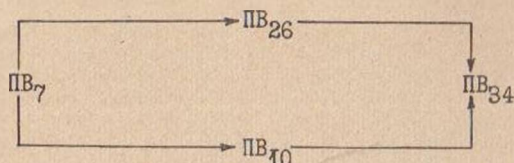
В схеме II ближе всего к предикату расположен аргумент в объективе. Затем следует аргумент в медиативе и, наконец, агентивный аргумент. Такой порядок не случаен. Он отражает степень смысловой связи аргумента с предикатом. Объектив связан с предикатом более тесно, нежели остальные аргументы. Это находит свое выражение в том, что при некоторых формах данного предиката возможно опущение всех аргументов, кроме объектива; ср. Окно закрыто, где такую возможность обеспечивает причастная форма предиката закрыть. При наличии объектива медиативный и агентивный аргументы оказываются семантически равноправными, так как, с одной стороны, допустимы ПВ без агента (ср. «Окно закрыто занавеской»), а с другой, возможны и ПВ без медиатива (ср. «Мать закрыла окно»). Эквивалентность этих функций выражается также в недопустимости ПВ без объектива (ср.* «Мать закрыла занавеской»), если только они не являются эллиптическими.

Указанные закономерности можно интерпретировать как деривационно-семантические отношения между частями многоаргументных ПВ. Каждой такой части соответствует в табл. I свое ПВ. Если воспользоваться только что рассмотренным примером, то эти отношения можно представить следующим образом: 1. «Окно закрыто» → 2. «Окно закрыто занавеской» или 3. «Мать закрыла окно» → 4. «Мать закрыла окно занавеской». Каждое последующее предложение в данном ряду отличается от предыдущего тем, что в нем открывается одна дополнительная валентность на аргумент. В результате этого предложение 1 оказывается производящим для предложений 2 или 3. В свою очередь, эти последние выступают как производящие для предложения 4. Предложение 1 может в рамках семантической деривации интерпретироваться как непр производное, ибо в нем не может быть опущен ни один компонент, без того чтобы оно не перестало существовать. Все прочие предложения являются производными (см. [49, 39-40]).

Поскольку рассмотренным здесь и другим аналогичным предложениям в табл. I соответствуют определенные ПВ, то деривацию конк-

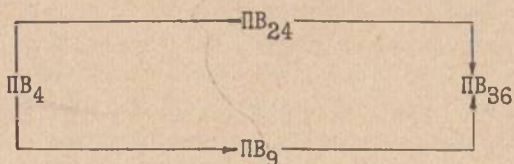
ретных предложений можно заменить деривацией ПВ. Тогда деривационная схема для рассмотренного примера примет следующий вид:

С х е м а 12

Приведем еще пример такой деривации.

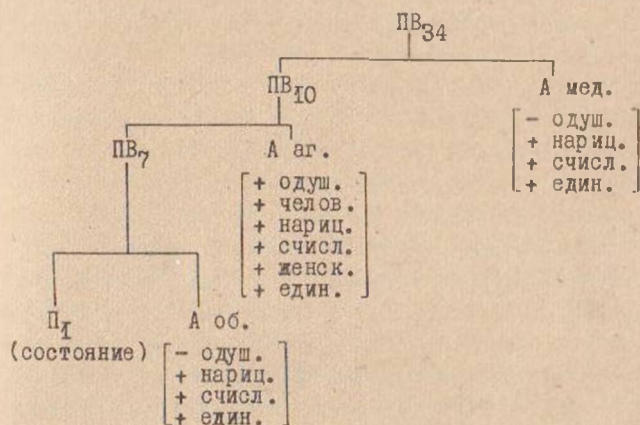
С х е м а 13

С точки зрения семантики предиката каждый шаг семантической деривации связан как бы с добавлением к предикату некоторого компонента смысла, своего рода предикатной семы, ответственной за дополнительную валентность. Эта сема часто переводит предикат состояния в предикат действия или некаузативный предикат в каузативный и т.д.

В плане выражения каждому шагу семантической деривации может соответствовать какое-нибудь формальное преобразование, например, добавление к предикату аффиксов, сопровождающееся иногда чередованием: ср. индонез. "Ia tidur" 'Он спит' → "Saja menidurkan ia" 'Я усыпляю его'; изъятие аффиксов: ср. «Дверь открывается» → «Мальчик открывает дверь»; изменение огласовки: ср. нем. "Die Bäume fallen" 'Деревья падают' → "Die Holzhauer fällen die Bäume" 'Лесорубы валят деревья', замена предиката супплетивной формой и т.д. Таким образом, семантическая деривация напоминает словообразовательную.

Изложенные выше основные понятия семантической деривации фактически дают возможность перейти от двухуровневых схем СемС к многоуровневым. Так, схема II может быть преобразована в две схемы с учетом двух возможных ветвей деривации.

В дальнейшем мы будем пользоваться двухуровневыми и многоуровневыми схемами, которые в принципе эквивалентны, но с разной степенью четкости отражают семантическую деривацию ПВ.

Семантическая деривация, видимо, не во всех случаях может быть прослежена достаточно просто. Кроме того, имеется опасение, что та или иная деривационная схема, действительная для уровня абстрактных ПВ, может оказаться несостоятельной для всех конкретных предложений, формально удовлетворяющих этой схеме.

Тем не менее принцип семантической деривации, имплицитно содержащийся в лингвистической концепции Ч.Филлмора [288] и более развернуто описанный У.Чейфом [241], В.С.Храковским [240] и Л.Н.Мурзиным [170], заслуживает самого пристального внимания.

§ 5. Принципы формирования инвентаря семантических функций

Выше были рассмотрены примеры структур ПВ, в которых используется 14 семантических функций.

Может возникнуть вопрос: достаточен ли этот список для описания семантики ПВ различных языков, не следует ли его расширить или, быть может, наоборот, сузить? Вопрос этот, безусловно, требует тщательного рассмотрения.

История разработки глубинно-падежного подхода к семантике свидетельствует о том, что состав падежей существенно различается не только в концепциях различных авторов, но и у одного и того же автора в разные периоды времени. Показательна в этом отношении эволюция взглядов основателя глубинно-падежного подхода Ч.Филлмора. Состав и название глубинных падежей (семантических функций) в его концепции с 1966 г. неоднократно менялся (см. [31]). В работе [288] Ч.Филлмор приводит список, включающий в себя 7 глубинных падежей (с учетом включенного предложения — 8). Семь "реальных актантов" описаны также в работе В.Г.Гака [69, 80]; правда, по составу они лишь частично совпадают с филлморовскими падежами. Семь⁸ семантических функций и релятем предлагает и И.П.Сусов [223, 21, 35]. Семичленную систему семантических отношений приводит также У.Чейф [272, 108-158]. Д.Локвуд увеличивает число глубинных падежей, которые он называет "семемами партиципантов", до 9 [322, 142], Ю.Д.Апресян — до 25 (семантических валентностей) [28, 285-286], Н.Н.Леонтьева — до 50 (семантических отношений) [142]. Вместе с тем в литературе описаны и такие концепции, которые строятся на базе использования меньшего количества глубинных падежей. Такой является, например, концепция Р.Шенка, оперирующего только с 5 падежами [339].

Некоторые лингвисты высказывали мнение, что число семантических функций должно быть существенно увеличено, чтобы с их помощью можно было надежно описывать семантику предложения [28, 286]. В принципе, однако, все заключено в выборе порога дробности. Действительно, можно установить единый "локатив", который будет служить обобщенным выражением всех пространственных отношений. Именно так и поступает большинство авторов. Но можно задать и более дробную систему локативных значений, разделив единый "локатив" на более

---

⁸ В концепции И.П.Сусова используется также отрицание агентива, что увеличивает число релятем до 8.

узкие значения "места", "начальной точки", "конечной точки", "маршрута", "источника" и т.д. Такую систему предлагает Ю.Д.Апресян [29, 125-126].

Аналогичное дробление можно осуществить и в пределах других семантических функций. Например, в значении "инструментатива" можно выделить "неотчуждаемый инструмент" (ударить руко́й), "отчуждаемый инструмент" (ударить но́жом), "окказиональный инструмент" (ударить табу́рето́й) и т.д.

Системы Ю.Д.Апресяна и Н.Н.Леонтьевой включают в себя большее число функций, потому что эти функции более дробны, нежели, например, у Ч.Филлмора или У.Чейфа.

Чем же определяется оптимальная степень дробности? Существует взгляд, будто состав и число семантических функций должны постулироваться независимо от способов их синтаксического выражения (ср. [339, 111]). Однако фактически в таких случаях явно или неявно всегда учитываются некоторые синтаксические данные. Например, каждая функция характеризуется присущим ей набором диагностирующих трансформов. Так, в языках, данные которых использовались в настоящей работе, не было обнаружено существенных отличий в трансформах для значений отчуждаемого, неотчуждаемого и окказионального инструментов. Поэтому такие инструментальные значения не вычленились, и инструментатив рассматривался как единая семантическая функция.

Вообще говоря, сформулировать оптимальный порог функциональной дробности достаточно точным образом в настоящее время ввиду неразработанности падежного подхода в семантике весьма затруднительно, несмотря на существование ряда объективных критериев. Поэтому при установлении инвентаря семантических функций с неизбежностью приходится пользоваться методом проб и ошибок. Разумеется, было бы бесполезно отрицать тот факт, что такой метод вносит заметную долю субъективизма в семантическое исследование. Впрочем, это присуще любому исследованию семантики независимо от того, используется ли в нем падежный или какой-либо другой подход. Особенность предлагаемого в настоящей работе инвентаря функций заключается в том, что в нем учтены преимущества и недостатки других аналогичных систем.

Другим фактором, влияющим на число и характер семантических функций, является неразграничение предикатных и непредикатных слов в глубинно-падежных концепциях некоторых авторов. Поэтому одна и та же функция часто оказывается наполненной разным содержанием. В качестве примера можно взять агентив.

В системе Ч.Филлмора агентивную функцию может выполнять только непредикатное слово, обладающее признаком одушевленности (ср. «М а т ь разбудила Михаила»). Однако У.Чейф и И.П.Сусов приписывают эту функцию также и предикатным словам (ср. «Взрыв разбудил Михаила»). В действительности же, когда в позиции аргумента оказывается предикатное слово, прежняя семантическая функция в большинстве случаев заменяется другими смысловыми отношениями. Приведем еще несколько примеров, подтверждающих это положение. Например: «Мальчик открыл дверь ключом» – «Мальчик открыл дверь толчком (пинком, ударом)». «Студент находился в комнате» – «Студент находился в отчаянье (в задумчивости, в истерике)».

Нельзя считать, что слову взрыв соответствует агенс, как и слову мать, что толчком – это такой же инструмент, как и ключом, что в отчаянье имеет значение места, как и в комнате. Это, в частности, доказывается неложностью некоторых перефразировок с предикатными словами в позиции аргументов. Ср. *Толчок – это инструмент для открывания двери при нормальном предложении. Ключ – это инструмент для открывания двери. *Отчаянье – это место, в котором находился студент при допустимом предложении. Комната – это место, в котором находился студент. На самом деле толчок – не инструмент, а действие, с помощью которого была открыта дверь, отчаянье – не место, а состояние, в котором находился студент, взрыв – не агенс, а причина пробуждения Михаила.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантические функции предикатных слов должны описываться особо. Существуют также семантические отношения, в которых непредикатные слова вообще никогда не встречаются [26, 304–305]. К ним относятся, например, способ, мотивировка, причина, время [29, 126].

Предложенные в настоящей работе 14 семантических функций относятся только к аргументам непредикатного типа. Эти функции в общем достаточно хорошо описывают простые, или базисные, ПВ, содержащиеся в качестве аргументов непредикатные слова. Что касается предикатных аргументов, то принципы их семантического анализа будут рассмотрены в гл.IV.

При исследовании вопроса о семантике ПВ большого внимания заслуживает возможность приписывания разных СемС одному и тому же ПВ. Такие факты могут создать впечатление, будто выбор той или иной СемС при порождении ПВ или при его интерпретации является произвольным. На самом деле это не так. Смысл ПВ, например пред-

ложения, в значительной степени зависит от контекста, в котором оно встречается, и от целого ряда других трудно систематизируемых факторов. Именно поэтому смысл предложения часто невозможно выразить жесткой и однозначной схемой СемС.

Кроме того, в плане содержания не все поддается однозначной формализации. Если воспользоваться положением К.Бальдингера о том, что в любом языке действуют две противоборствующие тенденции - "дух геометрии" (*l'esprit de géométrie*) и "дух изящества" (*l'esprit de finesse*) [265], то можно было бы утверждать, что в плане содержания преобладает "дух изящества".

К проблеме различной интерпретации смысла предложения недавно привлек внимание лингвистов У.Хаас [296]. Он указывает на трудности, с которыми приходится сталкиваться лингвисту при содержательном анализе даже простейших типов предложений вроде следующих: а) "They fly planes (to Paris)"; б) "Planes fly"; в) "Flying planes can be dangerous".

У.Хаас сопоставил концепции Дж.Лайонза, Н.Хомского и Ч.Филлмора и показал, что эти предложения получают у них разные смысловые интерпретации.

Возникает вопрос, можно ли совместить в пределах единого описания эти разноречивые концепции. У.Хаас считает, что не только можно, но и нужно. По его мнению, возможность разной семантической интерпретации одной и той же конструкции будет свидетельствовать лишь о некотором разбросе ее "семантического поля" (*the spread of a 'semantic field'*) или о различных семантических тенденциях, проявляющихся в ней. Поэтому он выступает против формулирования содержания предложения в виде жестких правил, против крайностей порождающей грамматики, которые могут стать препятствием на пути дальнейших разработок в области синтаксиса и семантики. Он выступает за разумный плюрализм и правильный учет соотношения между "духом геометрии" и "духом изящества", или между "дисциплиной" и "искусством" [296, 292].

Таким образом, именно сложностью семантической организации предложения, а отнюдь не произволом исследователя объясняется реальная возможность различной интерпретации содержания предложения. Это содержание связано с огромным числом разнообразных аспектов как внутрilingвистической, так и внешnelingвистической природы. Именно поэтому полная формализация смысла предложения практически недостижима. Но это, разумеется, не значит, что необходимо отказаться от всяких попыток формального и систематизированного опи-

сания смысла предложения. Вместе с тем не следует забывать, что всякая схема является лишь более или менее адекватной основой семантического описания, которая всегда может быть дополнена или модифицирована другим подходом. Поэтому во всяком таком описании отсутствует как полная жесткость, так и произвол.

В связи с обсуждением проблемы семантических функций необходимо выяснить, откуда берутся данные, необходимые для построения СемС. В упоминающихся выше работах Ч.Филлмора [288, 3-5], С.Д.Кацнельсона [116, 78-94], а также в работе В.А.Звегинцева [96, 180-198] справедливо отмечалось, что эта информация извлекается, в частности из скрытой грамматики (*covert grammar*), которой в свое время интересовались такие лингвисты, как В.Гумбольдт, О.Есперсен, А.А.Шахматов, И.И.Мещанинов, Л.В.Щерба и особенно Б.Л.Уорф. Сущность этой грамматики заключается в том, что тождественные синтаксические конструкции с разным лексическим наполнением ведут себя не одинаково, и это обнаруживается при их трансформациях. Характерно, что поскольку основой смысла предложения является ПВ, то в формировании СемС сложнейшим образом взаимодействуют предикат и аргументы, так что их индивидуальные вклады в общий смысл ПВ иногда трудно разграничить. Разумеется, в СемС отражается лексика и открытая грамматика.

§ 6. Структура словаря

СемС ПВ состоит из предиката и аргументов, помеченных семантическими функциями и снабженных набором субкатегориальных сем. Каждая такая СемС является обобщением большого числа реально возможных или фактически используемых в языке предложений и иных конструкций. Возникает вопрос: каким образом конкретизировать эти СемС, т.е. подвести под них конкретные факты языка, в частности конкретную лексику. Такой вопрос всплывает потому, что сущность процесса порождения заключается в переходе от абстракций, каковыми являются СемС, к конкретным предложениям, оборотам и словосочетаниям того или иного языка. Если этого перехода не осуществить, если остановиться на третьей, т.е. субкатегориальной ступени порождения, то у нас не будет полной уверенности в том, что порожденные по сформулированным выше правилам СемС будут соответствовать фактам анализируемого языка.

В § 5 каждой СемС ставилось в соответствие то или иное предложение. Примеры таких предложений содержались в списке ПВ. Однако

это делалось в иллюстративных целях. Специального правила, которое ставило бы в соответствие каждой СемС лексически наполненную языковую конструкцию, сформулировано пока не было. Теперь такое правило предстоит сформулировать. Однако это невозможно сделать, пока у нас не будет словаря, с помощью которого можно было бы осуществлять операцию вставления в ПВ конкретных слов.

В соответствии с излагаемой здесь концепцией словарь состоит из двух частей: списка статей для предикатных слов и списка статей для непередикатных слов. Все предикаты можно упорядочить в списке по числу мест и по классам, все непередикатные слова — по наборам характеризующих их сем.

Словарная статья предикатного слова складывается из следующих компонентов: наименования предиката, указания числа аргументов и семантического класса предиката, перечисления возможных для аргументов семантических функций и указания набора всех основных сем, характеризующих семантику слов, которые способны выполнять ту или иную семантическую функцию. Если предикат в зависимости от числа возможных у него значений или присущих ему форм способен сочетаться с различными наборами семантических функций, то все эти наборы указываются при данном предикате в порядке возрастающей сложности. Например, словарная статья для предиката укутывать (укутать) (в прямом его значении) будет иметь следующий вид:

Укутывать (укутать): 1. P_1 (состояние):

а) пац. б) об.; 2. P_2 (состояние): а) пац.-мед.; б) об.-мед.;

3. P_2 (действие): а) пац.-аг.; б) об.-аг.; 4. P_3 (действие):

а) пац.-мед.-аг.; б) об.-мед.-аг.⁹

1а. пац. = [+ одуш.] [± челоу.] [± нариц.] [+ счисл.] [± женск.] [± един.]

1б. об. = [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [+ един.] [+ растение].

2а. пац. = [+ одуш.] [± челоу.] [± нариц.] [+ счисл.] [± женск.] [± един.]

мед. = [- одуш.] [+ нариц.] [± счисл.] [± един.] [+ утеплитель].

2б. об. = [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [± един.] [+ растение].

мед. = [- одуш.] [+ нариц.] [± счисл.] [± един.] [+ утеплитель].

3а. пац. = [+ одуш.] [± челоу.] [± нариц.] [+ счисл.] [± женск.] [± един.]

⁹ Цифры 1, 2, 3 и 4 обозначают реализации предиката по числу мест, зависящие от его форм; буквы а и б — наборы аргументных функций, сочетающиеся с данными реализациями предиката.

- аг. = [+ одуш.] [+ челов.] [$\pm$ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.].
- 3б. об. = [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [+ един.] [+ растение].
 аг. = [+ одуш.] [+ челов.] [$\pm$ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.].
- 4а. пац. = [+ одуш.] [$\pm$ челов.] [$\pm$ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.].
 мед. = [- одуш.] [+ нариц.] [$\pm$ счисл.] [$\pm$ един.] [+ утеплитель].
 аг. = [+ одуш.] [+ челов.] [$\pm$ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.].
- 4б. об. = [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ един.] [+ растение].
 мед. = [- одуш.] [+ нариц.] [$\pm$ счисл.] [$\pm$ един.] [+ утеплитель].
 аг. = [+ одуш.] [+ челов.] [$\pm$ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.].

Словарные статьи для непредикатных слов имеют следующую структуру:

- врач: [+ одуш.] [+ челов.] [+ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ женск.] [$\pm$ един.] [+ профессия] [+ медицина]...¹⁰
- дерево: [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ един.] [+ растение].
- котенок: [+ одуш.] [- челов.] [+ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ един.] [- взрослость]...
- мальчик: [+ одуш.] [+ челов.] [+ нариц.] [+ счисл.] [- женск.] [$\pm$ един.] [- взрослость]...
- одеяло: [- одуш.] [+ нариц.] [+ счисл.] [$\pm$ един.] [+ артефакт] [+ утеплитель] [+ постельная принадлежность]...
- рогожа: [- одуш.] [+ нариц.] [- счисл.] [$\pm$ един.] [+ артефакт] [+ утеплитель]...

Включение конкретной конструкции того или иного языка в которую СемС, порожденную по сформулированным ранее правилам, производится по правилу, которое гласит:

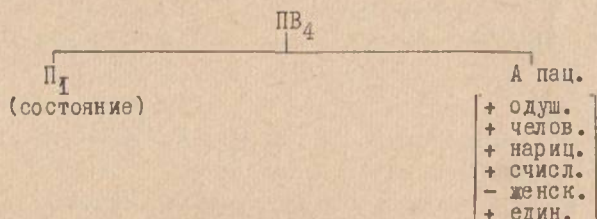
¹⁰ Знак "+" перед семой, совпадающей с субкатегориальной, означает наличие ее в семанте данного слова, знак "-" — наличие альтернативной семы; знак " $\pm$ " указывает, что допустимо слово с любой из альтернативных сем. Многообразие показывает, что семный состав данных слов не исчерпан и при необходимости может быть продолжен. Словарные семы типа [+утеплитель], [+растение], [+артефакт], [+профессия] и др., не совпадающие с субкатегориальными, не имеют альтернативных сем со знаком "-", поэтому знак "+" получает иной смысл. Этот знак сохраняется здесь ради единства обозначения.

Если информация некоторого содержащегося в словаре предикатного слова, включающая в себя данные о классе предиката, о числе аргументов в одной из его реализаций, их семантических функциях и субкатегориальном наборе сем, полностью совпадает с соответствующей информацией какой-либо из порожденных СемС, то данное предикатное слово может быть подставлено на место символа П в СемС, а его аргументные позиции могут быть заполнены теми непредикатными словами из имеющихся в словаре, семные наборы которых содержат те же семы, что и субкатегориальные наборы в порожденной СемС или же те семы плюс некоторые дополнительные, не содержащиеся в СемС.

Проиллюстрируем это правило конкретным примером.

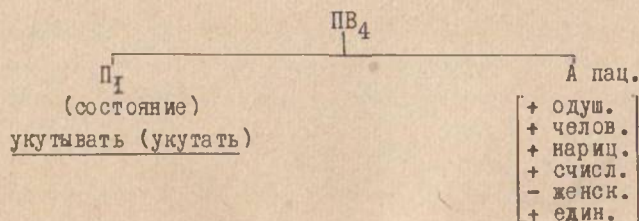
Предположим, что в соответствии с сформулированными выше правилами порождено $PВ_4$ с субкатегориальным набором сем [+ одуш.] [+ челов.] [+ нариц.] [+ счисл.] [- женск.] [+ един.].

С х е м а 16

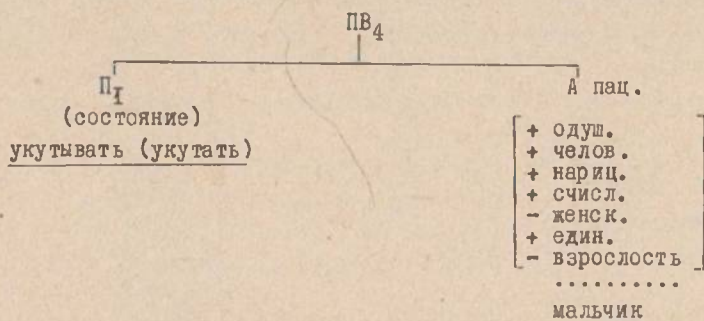
Две позиции этого ПВ - предикатная и непредикатная - должны быть теперь заполнены конкретными словами. С этой целью мы обращаемся к словарю. Просматривая словарные статьи для предикатных слов, мы обнаруживаем, что данной СемС соответствует реализация 1а предиката укутывать (укутать), поскольку с данной СемС совпадает информация о классе предиката, о числе аргументов, о семантической функции и о субкатегориальном наборе сем. Следовательно, в позицию P_I (состояние) мы можем ввести предикат укутывать (укутать). В результате мы получим следующий вариант СемС.

С х е м а 17

Теперь необходимо обратиться к той части словаря, в которой расположены непредикатные слова, и посмотреть, семные наборы каких слов полностью покрывают субкатегориальный набор сем пациентивного аргумента в данной СемС. Нетрудно убедиться в том, что этому требованию удовлетворяют слова врач и мальчик (из иллюстративного фрагмента словаря). Правда, при этих словах имеются некоторые дополнительные семы, отсутствующие в субкатегориальных наборах сем СемС. Однако это не меняет существа дела. Все эти дополнительные семы при введении слова в СемС также должны быть включены в нее. В результате получим следующий вид лексикализованной СемС.

С х е м а 18

При включении в пациентивную позицию слова врач в семные наборы вместо семы [- взрослость] будут перенесены семы [+ профессия] и [+ медицина]... На этом завершается операция приписывания языковой конструкции той или иной СемС. После выполнения некоторых синтаксических и морфологических правил, которых мы здесь не касаемся, приписанная СемС конструкция примет вид Мальчик укутан.

Аналогичным образом приписываются языковые конструкции в случае двухместной или трехместной реализации данного предиката (соответственно PB_9 и PB_{37}), в результате чего данным СемС можно будет поставить в соответствие конструкции типа Врач укутал мальчика и Врач укутал мальчика одеялом. Меняя наборы сем в СемС, мы можем приписать этим СемС новые виды предложений, как, например, «Петя укутан», «Котенок укутан», «Мальчик укутал котенка», «Иван укутал мальчика», «Иван укутал Петю», «Мальчик укутал котенка одеялом», «Коля укутал котенка рогожей» и т.д., при условии, что соответствующие слова содержатся в словаре.

Описанная здесь концепция удовлетворяет не только принципу порождения, но и принципу семантической интерпретации. В последнем

случае процедура будет обратной и будет сводиться к приписыванию некоторой семантической структуры той или иной конкретной языковой конструкции. Правда, порождение и интерпретация различаются у нас не только направлением процедуры, но и по существу. Дело в том, что в реальных текстах, особенно в поэтических, сплошь и рядом встречаются сочетания неодушевленных существительных с предикатами, принципиально сочетающимися только с одушевленными существительными. Ср.: «Плачут вербы, шепчут тополя» (Есен. Спит ковыль). «Сосна на солнце жмурится» (Б.П. Весна в лесу) и т.д. На этом основано явление художественного олицетворения. Такие предложения описываемой здесь системой порождены быть не могут, потому что они нарушают основной принцип соответствия между семантической функцией и словарной информацией непредикатного слова по семе $[\pm \text{одуш.}]$. Однако интерпретироваться они могут. В этом случае сема $[+ \text{одуш.}]$, присущая некоторым семантическим функциям, считается доминирующей, поэтому если в словарной информации о слове, занимающем позицию какой-либо из таких функций, указана сема $[- \text{одуш.}]$, то эта сема автоматически заменяется на сему $[+ \text{одуш.}]$. Иначе говоря, в предложении «Плачут вербы» слово вербы интерпретируется как одушевленное. В данном случае сема семантической функции предиката переходит на слово, выполняющее эту функцию в силу синтагматического сцепления предикатного и непредикатного слова.

Однако в примерах «Самолет летит» (ср. «Птица летит»), «Гармонь играет» (ср. «Ребенок играет»), «Пятачок прыгает» (ср. «Девочка прыгает») и аналогичных синтагматического переноса семы одушевленности не наблюдается. Это значит, что для предикатов лететь, играть, прыгать и др. существуют две аргументные схемы: одна с агентивом (для примеров типа «Птица летит» и др.), другая с объективом (для примеров типа «Самолет летит» и др.). Такое решение кажется вполне допустимым. Действительно, предложение «Самолет летит» подразумевает семантически связанное с ним предложение «(Кто-то) приводит самолет в движение» (ср. англ. *Planes fly* и *They fly planes*, где эта связь выступает четче), в то время как «Птица летит» не предполагает такой ассоциации. По той же причине «Гармонь играет» считается связанной с «На гармонии играют», но «Ребенок играет» не предполагает такой ассоциации, и т.д.

Следует отметить еще одно принципиальное отличие предлагаемой здесь системы от грамматики Н.Хомского. Речь идет о характере интерпретации. В грамматике Н.Хомского семантической интерпретации подвер-

гаются ГС, представляющие собой, как уже отмечалось, синтаксические объекты. Функцию семантической интерпретации осуществляет семантический компонент, на который ГС поступают с базы. Однако под интерпретацией можно понимать приписывание некоторого смысла не ГС, а тексту в случае преобразования "текст → смысл". Поскольку ГС у нас является не синтаксическим, а семантическим объектом, то приписывание ее какой-нибудь языковой конструкции, собственно, и представляет собой семантическую интерпретацию, т.е. раскрытие смысла данной конструкции. Покажем это на конкретном примере. С этой целью обратимся к лексикализованной СемС типа:

С х е м а 19

Содержание данной СемС можно раскрыть следующим образом: "человеческое существо мужского или женского пола, являющееся по профессии медицинским работником, оказывает активное воздействие на молодое человеческое существо мужского пола с помощью утепляющего искусственного изделия, относящегося к классу постельных принадлежностей". Это содержание примерно равно смыслу предложения «Врач укутывает мальчика одеялом» и, следовательно, является семантической интерпретацией данного предложения. Подчеркиваем, что это смысловое равенство является "приблизительным", так как в словаре невозможно задать все компоненты смысла каждого слова ввиду неразработанности компонентного анализа. Впрочем, вероятно, и нет необходимости производить семантическую интерпретацию с точностью до индивидуального предложения. Самое главное заключается в возможности показать осмысленность той или иной конкретной языковой конструкции. Понятно, что по мере прогресса в компонентном анализе лексики интерпретацию конструкций можно конкретизировать.

Г л а в а IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВКЛЮЧАЮЩИХ И ВКЛЮЧЕННЫХ ПРЕДИКАТОВ

§ I. Семантические особенности включающих предикатов

В гл. III рассматривались предикаты, аргументами которых являются непредикатные слова. Такие предикаты отличаются сравнительно простой структурой и образуют базисные ПВ. Однако в любом человеческом языке существует обширный разряд предикатов, характеризующихся тем, что в их аргументных позициях способны находиться другие предикаты. В результате возникает своего рода иерархия предикатов.

Предикатный знак, являющийся аргументом вышестоящего в иерархии предиката, мы будем называть в дальнейшем включенным предикатом. Предикатный знак, который имеет в качестве аргумента нижестоящий в иерархии другой предикатный знак, будем называть включающим предикатом. Таким образом, понятия включающего и включенного предикатов являются соотносительными: включенный предикат существует лишь постольку, поскольку существует включающий, и наоборот.

Наличие у некоторого предиката другого предикатного слова в аргументной позиции накладывает особую печать на все ПВ, построенное на базе этого предиката, вносит существенные модификации в систему семантических функций и видоизменяет всю семантику данного ПВ. В то же время предикат, оказавшийся семантически зависимым от другого предиката, также обнаруживает в своем поведении ряд своеобразных особенностей. К их числу относятся, например, выбор определенной формы (глагольной или иной) для выражения такого предиката, возможность опущения некоторых аргументов при синтаксической реализации ПВ и целый ряд других особенностей. Таким образом, включающий и включенный предикаты находятся в тесном взаимодействии, в результате чего они как бы дополняют семантические и синтаксические особенности друг друга. При этом предикат может быть одновременно включающим по отношению к нижестоящему в семантической иерархии предикату и включенным по отношению к вышестоящему, вмещая в себе свойства того и другого.

Анализ многопредикатных выражений мы начнем с включающих предикатов.

§ 2. Фазисные, модальные и каузативные предикаты

Свойством включать другие предикатные слова обладают очень многие предикаты. Однако некоторые из них выполняют эту функцию исключительно или преимущественно. К ним прежде всего относятся фазисные, модальные и каузативные предикаты.

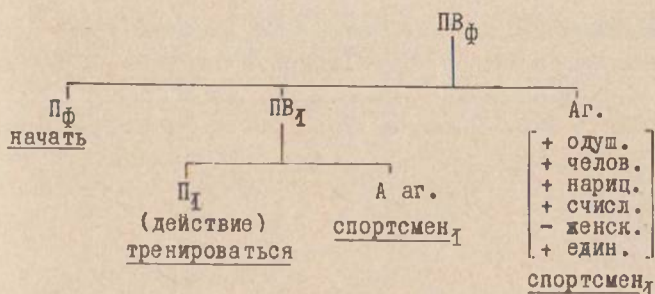
Фазисные предикаты (P_{ϕ}) характеризуют различные фазы протекания действия: его начало, продолжение и завершение. К ним относятся, например, следующие глаголы русского языка: начинать (начать), стать, приниматься (приняться), приступать (приступить), пускаться (пуститься), продолжать (продолжить), кончать (кончить), переставать (перестать), бросать (бросить), прекращать (прекратить) и др. P_{ϕ} широко представлены также в других языках; ср. англ. to begin, to start, to continue, to stop, to finish, to end и др.; франц. commencer, se mettre (à), continuer, finir, terminer и др.; нем. anfangen, beginnen, fortfahren, fortsetzen, weiterführen, enden, schliessen, aufhören и др.

P_{ϕ} двухместны. Один из аргументов P_{ϕ} может быть как непредикатным, так и предикатным знаком, в качестве второго всегда выступает только предикатный знак. Если среди аргументов P_{ϕ} имеется непредикатный знак, то его семантическая функция совпадает с семантической функцией того же аргумента во включенном предикате. Так, например, в предложении «Спортсмен начал тренироваться» или «Спортсмен начал тренировку» слово спортсмен находится в агентиве, в предложении «Ребенок начал болеть» аргумент ребенок — в пациентиве и т.д. Если приписать непредикатному аргументу P_{ϕ} особую функцию, то это создаст массу затруднений при анализе синонимических предложений вроде «Ребенок начал хныкать» и «Ребенок захныкал», которые различаются только тем, что значение начинательности в первом выражено отдельным предикатным словом начал, тогда как во втором это значение передается префиксом за-.

Второй аргумент при фазисных предикатах является предикатным. Если в разговорной речи иногда и встречаются предложения типа «Он начал книгу», «Он кончил хлеб» и т.д., то они являются эллиптическими, поскольку возникают вследствие опущения включенного предиката, ибо содержательно они соответствуют предложениям «Он начал писать (читать и пр.) книгу», «Он кончил есть (печь и пр.) хлеб» и т.д.

СемС с П_Φ имеет следующий вид (в СемС не учитывается словарная информация).

С х е м а 20

П р и м е ч а н и е: ПВ_Φ — ПВ на фазисном предикате, ПВ_1 — предикатное выражение (см. табл. 1), включенное в П_Φ ; слово спортсмен — аргумент включенного предиката тренироваться и включающего предиката начать; цифра 1 указывает на тождество аргументов спортсмен.

Из схемы 20 видно, что при наличии включающего и включенного предикатов по сути дела имеет место включение двух ПВ друг в друга. При синтаксической реализации таких ПВ включенный предикат чаще всего выступает в форме инфинитива, реже в виде имени действия (в русск., англ., нем. и франц. языках), герундия (в англ. яз.) или в какой-либо иной форме в других языках. Инфинитив в таком употреблении обычно называется субъектным.

Возможны, однако, такие структуры, в которых оба места П_Φ заняты предикатными словами, ср. «Паника продолжала распространяться», «В царском флоте началось волнение матросов», «Война закончилась безоговорочной капитуляцией противника».

На синтаксическом уровне П_Φ могут быть представлены не только финитной формой глагола, но и неличными формами, отглагольным существительным и т.д. В этом случае П_Φ обычно является и включающим, и включенным. Например: «Начало решающего наступления наших войск совпало с массированным ударом авиации», «Закончить эту работу было поручено опытным специалистам».

К числу модальных (П_M) можно отнести предикаты, выражающие значение способности, обязанности, необходимости, возможности, предрасположенности, волеизъявления и др., например, русск. мочь.

уметь, быть должным, ухитриться, хотеть, желать, стараться, пытаться, намереваться, собираться; англ. can, must, may, ought (to); нем. mögen, müssen, sollen, dürfen и т.д., франц. devoir, pouvoir, vouloir и др.

P_m двухместны. Одно из мест занято либо непредикатным, либо предикатным знаком. На втором месте всегда фигурирует предикатный знак. Аргумент P_m , выраженный непредикатным знаком, может иметь различные функции в зависимости от типа P_m и от форм его выражения. Например, при P_m типа мочь, хотеть, желать данный аргумент, если он выражен одушевленным существительным, выступает в экспериенсиве. Ср.: «Но не хочу, о други, умирать. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (Пушк. Элегия). При P_m типа быть должным (англ. must, may, ought (to); нем. müssen, sollen, dürfen) аналогичный аргумент будет в патиентиве. При этом аналогичный аргумент включенного предиката может выполнять любую функцию: ср. приведенный выше пример, где Я по отношению к умирать в патиентиве, тогда как по отношению к хотеть оно в экспериенсиве. При P_m типа стараться, пытаться аргумент, занятый непредикатным знаком, находится в агентиве независимо от функции аргумента соответствующего включенного предиката; ср. «Футболисты старались выиграть матч».

Непредикатные слова в рассматриваемых позициях могут не совпадать: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» (Маяк. Домой). В русском языке в этом случае используется слово чтобы.

Позиция второго аргумента при P_m всегда занята предикатом. Те случаи, когда в этой позиции выступает непредикатное слово, как, например, в предложении «Римляне хотели хлеба и зрелищ», «Ребенок хочет молока (каши, супу, конфет и т.д.)» и пр., можно интерпретировать как примеры со скрытым включенным предикатом. Иначе говоря, в СемС эти предложения должны иметь форму Римляне хотели иметь хлеб и зрелища (или Римляне хотели, чтобы у них были хлеб и зрелища), Ребенок хочет пить молоко и т.п. Предикатами могут быть заняты и обе аргументные позиции P_m .

В различных языках мира существуют также P_m , в которых на синтаксическом уровне опущен аргумент, репрезентируемый обычно непредикатным словом. К ним относятся слова необходимо, надо, нужно, можно, нельзя, следует, жаль, охота и др., которые в русской грамматике причисляются то к особому подклассу наречий, то к категории состояния. Впрочем, и эти P_m могут употребляться с полным набором валентностей: ср. «Больному нужно лежать» (=«Больной должен лежать»).

В функции P_m могут выступать существительные необходимость, возможность, желание и др. и вводные слова по-видимому, может быть и пр.

Самой распространенной формой включенного предиката при P_m является во многих языках инфинитив.

В современных концепциях порождающей грамматики [288; 353] комбинации с P_m иногда не рассматриваются как многопредикатные выражения. Полагают, что P_m обладают особым статусом, позволяющим находить их в составе любого предложения. На этом основании P_m квалифицируется либо как модальный показатель предложения, либо как элемент, образующий модальную рамку. В стандартной теории Н.Хомского модальный глагол (М) рассматривается как разновидность вспомогательного глагола (Aux) и может занимать позицию этого последнего в предикатной составляющей.

На самом деле у P_m не больше прав занимать особое положение в составе предложения, чем, скажем, у фазисных или каких-либо иных включающих предикатов. Именно поэтому мы считаем возможным и необходимым рассматривать его наравне с другими включающими предикатами.

Третьим наиболее распространенным видом включающих предикатов являются каузативные предикаты (P_k), исследованию которых в последние годы уделяется много внимания [226; 240; 305].

В общем P_k могут быть определены как предикаты возбуждения действия, или каузации. Самым распространенным предикатом этой группы являются русск. заставлять (каузировать), нем. *lassen*, франц. *faire*, англ. *make*. Во всех остальных каузативных глаголах значение каузации присутствует в виде предикатной семы и может быть реализовано в ПВ либо аффиксально (ср. венг. *íratni* 'каузировать (заставлять) писать' и *írni* 'писать', *tanítatni* 'каузировать учить' и *tanítani* 'учить', *gyűjtetni* 'каузировать собирать' и *gyűjteni* 'собирать', турецк. *çıkartmak* 'выводить (каузировать выходить)' и *çıkma* 'выходить', *çıkartırmak* 'каузировать выводить' = 'каузировать' + 'каузировать выходить', *çıkarttırmak* 'каузировать + каузировать + каузировать выходить' и т.д.), либо с помощью фонологического дифференциального признака (ср. нем. *zwängen* 'принуждать' (каузировать быть принужденным) и *zwingen* 'быть принужденным', *fällen* 'валить, ронять' и *fallen* 'падать', *sänken* 'опускать' и *sinken* 'опускаться'), либо посредством нулевой маркировки (ср. русск. уйти (кого-нибудь с работы) и уйти (куда-нибудь); франц. *Nous avons sauté la douane* и *Nous avons sauté*), либо путем ис-

пользования супплетивных форм, либо же просодически (ср. «Откройте дверь» = «Я приказываю (прошу, умоляю и т.д.) Вас открыть дверь»).

Среди P_K можно указать следующие: заставить, обязать, побудить, повелеть, поручить, принудить, распорядиться, приказать, предписать, велеть, требовать, просить, советовать, рекомендовать, предложить, убедить, угговорить, пригласить, позвать и др. Наиболее распространёнными являются предикаты с общим значением "распоряжение", "просьба" и "совет". P_K могут быть выражены также неличными формами данных глаголов и отглагольными существительными. Например, «В тот же день войско получило повеление идти вперед» (Пушк. Путешествие в Арзрум).

P_K двухместны. Одно из мест чаще всего занято одушевлённым предикатным знаком со значением лица. Семантическая функция таких знаков является агентивной. Если же каузативное значение заключено в предикате в виде семы каузации или если в качестве P_K выступают глаголы заставить, побудить, принудить и аналогичные, то это место может быть занято не только агентивом. Здесь может оказаться элементив, а также непредикатное слово с любой другой функцией. Эту позицию может занимать также включённый предикат. Ср. «Эта книга заставила многих призадуматься» (объектив). «Волны опрокинули лодку» (каузировали лодку перевернуться) (элементив), «Холод вынудил их вернуться домой» (включённый предикат) и т.д. Иногда все это называют общим термином "каузатор".

Все сказанное свидетельствует о том, что каузация не связана с агентивностью жесткой зависимостью, однако при наличии P_K чаще всего в качестве одного из аргументов можно ожидать агентив. Иными словами, между агентивом и каузативностью наблюдается четкая корреляция.

Второе место P_K занято включённым предикатом, в качестве которого во многих языках выступает так называемый объектный инфинитив [73, 219-222], реже имя действия, в английском языке возможен герундий, в арабском — масдары и т.д.

СемС предложения «Командир приказал бойцам занять деревню» можно представить в виде схемы:

лингвистических исследованиях. Например, Е.В.Падучева указывает, что "кванторы в глубинной структуре имеют предикатное употребление" [188, 80], но уподобляет их не одноместным, а двухместным предикатам. При такой интерпретации одним из аргументов квантора будет "подкванторный терм" (т.е. связанная переменная), а вторым - "сентенциальная форма" (у логиков - "пропозициональная форма"). Следует, однако, отметить, что тезис о предикатном характере кванторов не является общепризнанным.

Мы будем в дальнейшем интерпретировать кванторы как двухместные операторы, или предикаты. Одно из мест квантора (подкванторный терм) будет соответствовать непредикатному знаку, второе (пропозициональная форма) - включенному ПВ. При этом подкванторным термам мы будем приписывать те семантические функции, которые они имеют в соответствующей пропозициональной форме.

Общепризнанными кванторами являются квантор общности ($\forall$) и квантор существования ($\exists$). В некоторых работах (например, в [182]) можно встретить также понятия ограниченных кванторов общности и существования (соответственно $\forall^b$ и $\exists^b$) и множественного квантора ($\bigvee$).

Квантор является элементом СемС. В СинС квантор общности выражается словами все, всякий, каждый, любой, какой бы ни был, а квантор существования - словами существует, имеется, есть, нет, не-которые, какой-нибудь, кто-либо и др. Часто кванторы не имеют эксплицитного выражения и выявляются в результате семантического анализа предложения или ПВ.

Приведем пример СемС, в которой фигурируют два разноименных квантора. Такую СемС имеет, например, предложение «Всякий мужчина любит какую-нибудь женщину»¹ (см. схему 22).

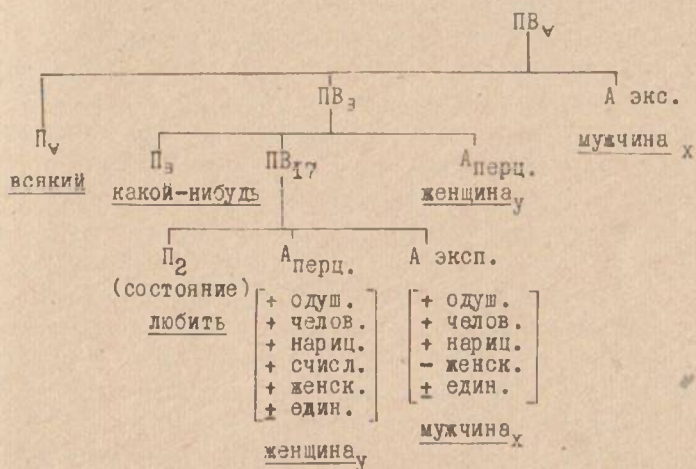
Схема 22 свидетельствует о том, что в СемС данного предложения квантор $\forall$ является включающим по отношению к квантору $\exists$, а этот последний имеет в качестве включенного предиката P_2 любить со своими аргументами. Пропозициональная форма «Мужчина любит женщину» совпадает с PV_{17} .

В сложной связи с кванторами находятся количественные числительные, поскольку они выполняют функцию "ограничения класса ре-

¹ Вопрос о том, истинно ли это предложение или ложно в логическом смысле, не имеет в лингвистической семантике существенного значения: важна лишь семантическая структура предложения. Данное предложение, видимо, является ложным.

ферентов, обозначаемых знаком" [351, 426], или функцию делимитации (см. гл. I). Для обозначения информации такого рода в СемС используются числовые кванторы, т.е. кванторы, область действия которых распространяется на указанное при них число денотатов, например, $\exists = 5$ стол_x – "существует по крайней мере пять столов таких, что...", или же система пропозициональной конъюнкции.

С х е м а 22

Кванторная информация в последние годы стала предметом пристального внимания лингвистов (см. [55; 101; 114; 181; 182; 204; 289; 298; 302; 343]). Сделан ряд интересных наблюдений о рангах кванторных слов и о зависимости между порядком кванторов в СемС и линейным порядком кванторных слов при поверхностно-синтаксической реализации предложения [55-].

§ 4. Пропозициональные связи

К числу пропозициональных связей, используемых в исчислении высказываний, относятся операторы импликации ($\supset$), эквивалентности ($\longleftrightarrow$), отрицания ($\neg$ или $-$), конъюнкции ($\&$) и дизъюнкции ($\vee$).

Любой оператор — это знак операции над операндом, будь то пропозициональная форма или предикатное выражение, а операция в логике обычно рассматривается как предикат. Это, собственно, и

дает основание трактовать все логические операторы как предикатные знаки.

Все вышеназванные операторы можно разделить на две группы: одноместные предикаты (отрицание) и двухместные предикаты (импликация, эквивалентность, конъюнкция и дизъюнкция).

Единственный аргумент оператора отрицания – это некоторое семантически зависимое от него ПВ. Именно поэтому отрицание можно рассматривать как одноместный включающий предикат. Е.В.Падучева отмечает, что "отрицание подчиняется тому слову или словосочетанию предложения В, которое является его глубинной вершиной" [182, 154]. Глубинной вершиной может быть предикат, квантор, обстоятельство и т.д., и в зависимости от этого так или иначе будет вести себя отрицательная частица не на синтаксическом уровне, присоединяясь то к сказуемому, то к кванторному слову, то к обстоятельству.

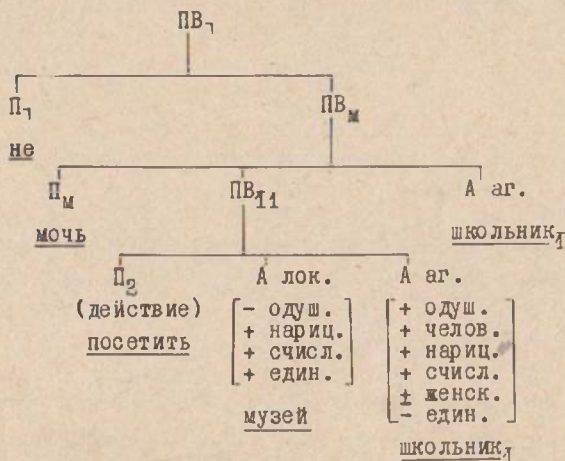
Положение о вершинном характере отрицания (либо вершина всего предложения – в случае общего отрицания, либо вершина ПВ – в случае частного отрицания) получает интересное подтверждение на материале фактов некоторых языков. Например, в японском языке отрицательная частица най-не ведет себя как сказуемое, а именно способна присоединять к себе все глагольные показатели, в частности показатели времени, наклонения и т.д. Ср., например: най – настоящее время, накатта – прошедшее время, накарō – первое предположительное наклонение, накаттарō – второе предположительное наклонение, накерэба – 1-е условное наклонение, накаттара – 2-е условное наклонение, накуте – деепричастие. Если отрицается некоторое предложение (или ПВ), то его сказуемое, если оно глагольное, выступает в форме первой основы, которая остается неизменной, а все показатели времени и наклонения принимает на себя отрицательная частица. Если же сказуемое именное, то оно также выступает в форме неизменной наречной основы на -ку. Ср: «Мукаси Нихондзин-ва ёсё-ку-о табэнакатта» 'Прежде японцы не ели европейских блюд' (табэ – первая основа глагола табэру 'есть'). «Коно куцу-ва варуку най, корэ-о каимасё» 'Так как эти ботинки неплохие, то я их, пожалуй, куплю' (варуку – наречная форма прилагательного варуй 'плохой').

В первом примере отрицается все предложение, поэтому отрицанию в семантической структуре подчинен глагол табэру 'есть'. Отрицательная частица принимает форму прошедшего времени и занимает вершину предложения. Во втором отрицание занимает вершину части предложения, а именно предикатного выражения «Коно куцу-ва варуку най...».

Приведенные факты подтверждают, что оператор отрицания является включающим предикатом во всех языках, несмотря на различие их типологии. В русском языке предикатный характер частицы не менее очевиден, поэтому, чтобы придать ей более явный предикатный характер, в перифразах ее часто заменяют выражением неверно, что...

СемС предложения с отрицанием «Школьники не могли посетить музей» можно представить в виде следующей схемы:

С х е м а 23

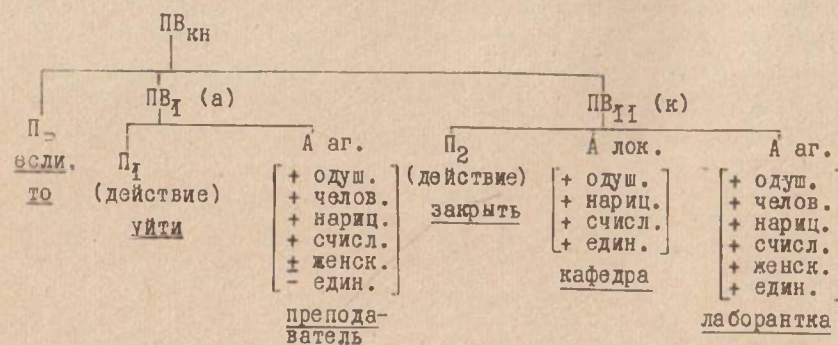
Примечание: PV₁ в этой схеме означает ПВ на операторе отрицания P₁, PV_m - ПВ на P_m.

Оператор импликации является двухместным включающим предикатом, оба места которого заняты ПВ: одно - antecedentом, другое - consequentом.

Семантическому предикату импликации на уровне СинС соответствует либо прерывистый союз если, то, первая часть которого располагается перед antecedentом, а вторая - перед consequentом, либо другие возможные варианты этого союза, а именно: а) если, б) так (с инверсией порядка слов в antecedente, при котором сказуемое ставится на первое место), в) так (с инверсией порядка слов и использованием формы императива в сказуемом), и пр. Например: «Если преподаватели уйдут, то лаборантка закроет кафедру». «Уйдут преподаватели, так лаборантка закроет кафедру». «Уйди преподаватели, так лаборантка закрыла бы кафедру».

СемС этого предложения имеет следующий вид:

С х е м а 24

П р и м е ч а н и я: PV(a) – антецедент; PV(к) – консеквент; PV_{кн} – PV коннекторного типа (см. ниже).

В принципе импликация может быть обратной (символ $\supset$); в естественном языке ей будет соответствовать союз если. А.Чёрч приводит также символы антиимпликации и обратной антиимпликации (символы $\nrightarrow$ и $\nleftarrow$) [242, 40-41].

В существующих грамматиках предложения, в которых фигурирует союз если, то и его эквиваленты, принято относить к условным предложениям, причем большое значение для них имеет реальность или ирреальность условия [74, 715-719]. Этот союз может использоваться также в значении противопоставления.

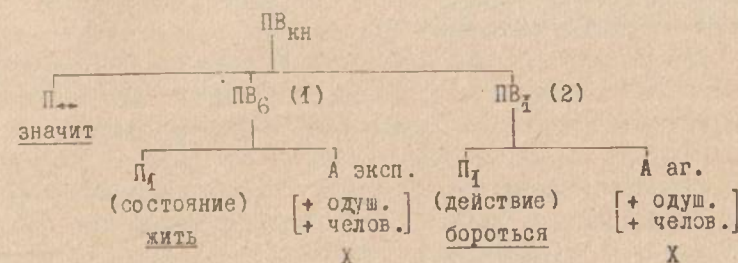
Все эти и многие другие факторы не позволяют полностью отождествить логическую импликацию с понятием условия в естественном языке.

Оператор эквивалентности, так же как и оператор импликации, может рассматриваться как двухместный включающий предикат.

В формализованном языке математики этот оператор выражается союзами тогда и только тогда или если и только если, которые практически не употребляются в обычном неформализованном языке. Вместо этих союзов здесь, как правило, используются выражения типа «это равносильно тому, что», «это то же самое, что», «это все равно, что», «- это», «-», «значит» и др. иногда в сопровождении союзов если, когда и др. Например: «Жить значит бороться», «Жить – это то же самое, что бороться»; «Жить – значит бороться», «Жить – это бороться»; «Жить – бороться»; «Жизнь – это борьба» и т.д.

СемС этого предложения может быть представлена следующей схемой:

С х е м а 25

П р и м е ч а н и е: Цифрами в скобках при PV здесь и дальше указан порядок следования PV; X – переменная.

Порядок нумерации операндов оператора эквивалентности в математической логике считается несущественным. В естественном же языке порядок включенных PV при данном включающем предикате может оказаться важным. Ср.: «Чтение этой книги равносильно пустому времяпрепровождению». Поэтому в СемС включенные PV приходится нумеровать.

Говоря о конъюнкции, можно различать конъюнкцию PV, когда оператор выступает в СемС как включающий предикат, и конъюнкцию не-предикатных знаков, когда оператор служит для указания на тождество их семантической функции. Первую конъюнкцию обычно называют пропозициональной, вторую – термовой. Оператор конъюнкции не может соединять в СемС объекты разной природы, а именно PV и не-предикатный знак, хотя на уровне синтаксической реализации такая конъюнкция допустима. Например, «Солдат вспомнил свою мать и ее заботу о нем».

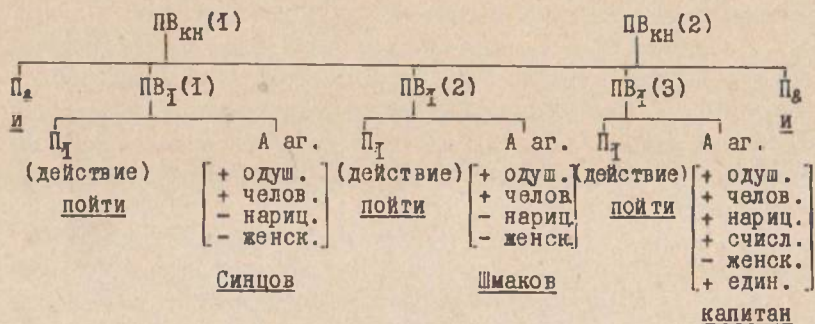
В естественном языке возможна конъюнкция разных предикатов со своими аргументами. Например, «Вошел учитель, и дети замолчали». Однако значительно чаще конъюнкция сопровождается сокращением или эллипсисом, при которых повторяющиеся в СемС слова воспроизводятся в СинС один раз. Так возникают предложения с однородными членами [182, 165-170].

Предикатный характер конъюнкции более очевиден при наличии однородных сказуемых. Например, «Арсений свернул с дороги, сбросил рюкзак» (Б.Пол. Глубокий тыл). Сокращение в данном случае относится к агентивному аргументу обоих предикатов Арсений, так

как полное предложение должно иметь вид «Арсений свернул с дороги, и Арсений сбросил рюкзак». Ярко выраженный предикатный характер такой конъюнкции, видимо, является причиной того, что некоторые лингвисты выделяют предложения с однородными сказуемыми в особый разряд "слитных предложений" [7, 200].

Предикатный характер конъюнкции оказывается более скрытым в предложениях с однородными подлежащими, дополнениями и т.д. Например: «Синцов, Шмаков и сопровождающий полковника капитан – командир дивизиона, – еле попевая, пошли за ним» (К.Сим. Живые и мертвые). Это предложение – результат сокращения следующих трех ПВ: Синцов пошел за ним (полковником), Шмаков пошел за ним, капитан пошел за ним.² При любом числе объединяемых ПВ оператор конъюнкции остается двухместным предикатом. Действительно, в предложении «Синцов, Шмаков и капитан пошли» имеется два оператора конъюнкции, один из которых выражен паузой (на письме – запятой), а другой – союзом и. Первый оператор связывает ПВ «Синцов пошел» и «Шмаков пошел», второй – ПВ «Шмаков пошел» и «Капитан пошел». Таким образом, ПВ «Шмаков пошел» оказывается аргументом двух операторов конъюнкции. Схема СемС при наличии нескольких предикатов конъюнкции оказывается многовершинной. Например, СемС приведенного предложения имеет вид:

С х е м а 26

В естественном языке предикату конъюнкции ближе всего соответствует союз **и** (and, und, et). Эта чисто конъюнктивная особенность данного союза не раз отмечалась в лингвистической литерату-

² Отвлекаемся от остальной части предложения, не имеющей непосредственного отношения к конъюнкции.

ре. "Союз и, — читаем мы в новом варианте Академической грамматики русского языка, — является чистой скрепой; он выражает лишь наличие связи — без всякой характеристики соединяемых элементов или их смысловых отношений. В отличие от союза и, союзы а и но соотносят соединяемые компоненты семантически, выявляя и сигнализируя их несходство" [74, 667].

Дополнительные значения одновременности, следования, результативности и т.д. [74, 664-667], сопровождающие конъюнкцию, по-видимому, обусловлены не значением самого союза и, а семантикой соединяемых им ПВ. Например, в предложении «Сверкнула молния, и загредел гром» значение временного следования (Вначале сверкнула молния, а потом загредел гром) и логического следствия (Сверкнула молния, поэтому загредел гром) вытекает из семантики отдельных ПВ.

Помимо союза и для выражения конъюнкции в СинС используется пауза в сочетании с перечислительной интонацией, а также другие союзы, например, а, но, же, да, однако, которые отличаются от союза и дополнительными селективными признаками (см. [129]).

Оператор дизъюнкции в логике также относится к числу бинарных пропозициональных связок [242, 40]. Это значит, что его можно рассматривать как включающий двухместный предикат, оба места которого заняты ПВ.

В математической логике различают включительную, или неразделительную, и исключаящую, т.е. разделительную, дизъюнкции. Первая дизъюнкция выражается в русском языке союзом или (англ. or, нем. oder, франц. ou) и означает А или В или А и В вместе. В языке математики для выражения неразделительной дизъюнкции используется специальный союз и/или (условное обозначение V). Разделительная дизъюнкция выражается в русском языке обычно парным союзом либо... либо (англ. either...or, нем. entweder...oder) или же союзом или и означает А или В, но не А и В вместе (условное обозначение VV).

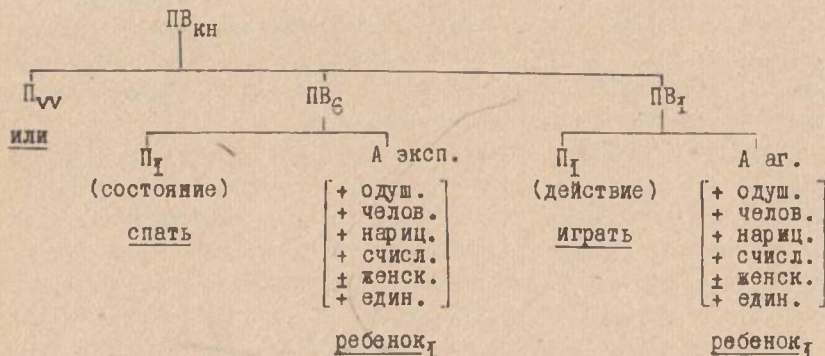
В русском языке союз или может выступать не только как выразитель разделительной или неразделительной дизъюнкции, но и в качестве эквивалента уточняющего союза то есть. В этом случае или никакого отношения к дизъюнкции не имеет. Функцию оператора дизъюнкции могут выполнять и другие союзы (то ли... то ли; не то...не то, а не то), которые несут в себе дополнительные оттенки предположения, неуверенности или иных аспектов значения.

Иногда в качестве дополнительной бинарной связки выделяют антидизъюнкцию ($\bar{V}$), выражаемую парным союзом ни...ни (англ. neither...nor, нем. weder...noch, франц. ni...ni) [242, 41]. Однако по-

сколько антидизъюнкция представляет собой отрицание дизъюнкции, то ее лучше выразить через дизъюнкцию и отрицание.

СемС предложения «Ребенок спит или играет» можно представить следующей схемой:

С х е м а 27

Все рассмотренные нами пропозициональные связки можно разделить на две группы: 1) модификаторы (оператор отрицания) и 2) коннекторы (операторы импликации, эквивалентности, конъюнкции и дизъюнкции). Первые видоизменяют семантику включенного ПВ, вторые связывают ПВ и их комплексы [280, 148]. Промежуточное положение между модификаторами и коннекторами занимают кванторы.

Названными выше связками не исчерпываются все виды связочных предикатов, встречающихся в языке. Но даже эти связки мы используем не так, как в математической логике. Логику эти связки интересуют только с точки зрения выражения значений истины или лжи при связывании атомарных пропозиций, между тем как для лингвистической семантики первостепенное значение имеет общая организация смысла ПВ.

§ 5. Наречия-сирконстанты как включающие предикаты

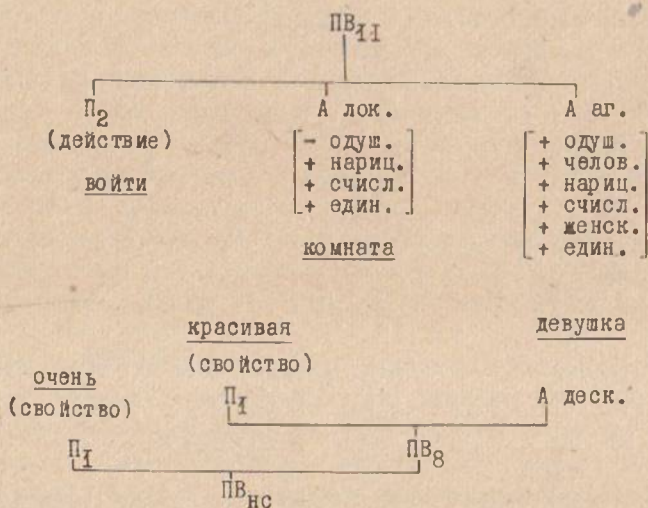
Особый вид включающих предикатов представляют собой некоторые наречия-сирконстанты.

Наречие в русском языке обычно определяется как "часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета без специального формального указания на отнесенность признака к действию, качеству или предмету" [74, 309]. В этом определении для нас наи-

С точки зрения семантических отношений качественное прилагательное (и наречие, как будет показано ниже) — это предикатное слово, поскольку выражает признак вещи. Наречие меры и степени выступает в этом случае как определитель адъективного признака и тем самым оказывается включающим предикатом, аргументом которого будет предикат, выраженный качественным прилагательным. Это можно показать на примере предложения «В комнату вошла очень красивая девушка».

Слово девушка в данном предложении выступает как вещный аргумент двух предикатов – предиката действия вошла и предиката качества красивая и имеет при них разные семантические функции. В свою очередь, предикат красивая выступает как аргумент к другому предикату очень. Схематически это можно представить следующим образом:

С х е м а 28

Примечания: $PB_{нс}$ — ПВ на наречии-сирконстанте; ПВ, ветвящиеся снизу вверх, соответствуют нематричным предикатам (см. § 7).

Наличие двух или даже большего числа функций у одного слова вполне возможное явление, если это слово выступает аргументом одновременно при нескольких предикатах (см. девушка).

Синтаксически слово красивая – атрибут, подчиненный актанту девушка, тогда как семантически слово красивая как предикат, наоборот, подчиняет себе слово девушка, выступающее как его аргумент. Синтаксически слово очень – наречие-сирконстант и подчинено атрибуту красивая, а семантически, будучи предикатом второй степени, оно подчиняет себе в качестве аргумента предикат первой степени красивая. Именно поэтому слово очень и выступает как одноместный включающий предикат. Предикатный характер слов очень и весьма не очевиден потому, что они не соотносятся с соответствующими прилагательными (в русском языке не существует слов *оченный, *весьмашний). Однако у слова исключительно (ср. исключительно красивая девушка) эта связь более очевидна, поскольку существует прилагательное исключительный.

На включающий характер наречий-сирконстантов уже указывалось в лингвистической литературе. Так, например, Ю.Д.Апресян писал: "Сирконстанты подчинены предикатному слову только синтаксически, но семантически подчиняют его" [26, 304]. Справедливость этого тезиса мы видели на примере приаждективных наречий. То же самое можно показать и на примере приглагольных наречий-сирконстантов.

В самом деле, глагол-сказуемое представляет собой признак вещи, выраженной подлежащим (первым актантом). Приглагольное наречие-сирконстант в этом случае выступает как признак признака, т.е. как вторичный признак. Например, в предложении «Мальчик бежит» признак бега, выражаемый глаголом-сказуемым, приписывается подлежащему мальчик. С семантической точки зрения бег – это одноместный предикат действия, а мальчик – агентивный аргумент этого предиката.

В предложении «Мальчик бежит быстро» речь идет дополнительно о скорости бега, поскольку слово быстро характеризует прежде всего бег, так что в принципе можно сказать: быстрый бег. Семантически слово быстро – одноместный включающий предикат свойства, аргументом которого является другой предикат – бежит. Таким образом, быстро – предикат второй степени. Если его определить словом очень, то это последнее будет предикатом третьей степени.

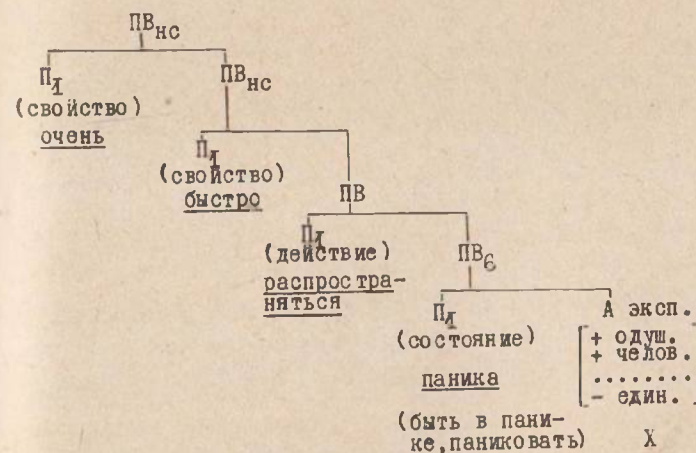
Семантически включающий характер таких наречий-сирконстантов подтверждается синтаксическими фактами некоторых языков, на-

пример семитских. "В семитских языках, – пишет Б.М.Гранде, – во многих случаях признак глагольного действия передается также посредством спрягаемой глагольной формы, а само действие, характеризующее этим признаком, обозначается именем либо другим глаголом и отличие от, например, русского языка, где признак при глаголе выражается при помощи наречия, например, араб. 'aḥṣana-l-qirā'ata 'он хорошо читал' (здесь понятие читал передано именем qirā'atun 'чтение', а признак хорошо – глаголом 'aḥṣana)...; иврит ḥetibū nagḡēn, 'они хорошо играли' (на инструменте) (понятие играли передано инфинитивом nagḡēn, а признак хорошо обозначен глаголом ḥetibū букв. 'они хорошо делали')" [75, 182].

Разумеется, возможно и большее число последовательно подчиненных друг другу предикатов. Так, если в качестве подлежащего (первого актанта) взять предикатное существительное, то глубина предикатного подчинения увеличится еще на одну ступень. Например, в предложении «Паника распространялась очень быстро» имеется четыре ступени предикатного подчинения, поскольку паника – предикатное слово. В то же время вещного аргумента к слову паника в данном предложении нет, однако он присутствует в нем в виде семы [+человечность], так как предикат паника характеризует действия людей.

СемС данного предложения может быть представлена следующей схемой:

С х е м а 29

Включаяще-предикатный характер имеют не только приаждективные и приглагольные наречия-сирконстанты, но и различного рода предложные и косвенно-падежные формы, именуемые в грамматике обстоятельствами, но не относимые к категории наречий, т.е. сирконстанты времени, цели, следствия, результата, причины, условия, уступки, образа действия и др.³

Хотя синтаксически эти сирконстанты в большинстве случаев подчинены сказуемому, семантически они образуют ПВ с имплицитным предикатом, который подчиняет себе предикат, выраженный сказуемым. Например: «Они не могли выехать из-за плохой погоды» = «Плохая погода была причиной того, что они не могли выехать», «Они делали все ради повышения производительности труда» (чтобы повысить производительность труда) = «Повышение производительности труда было той целью, ради которой они делали все».

"Слова второго класса (сирконстанты. - В.Б.), - как указывал Ю.Д.Апресян, - суть свернутые предложения, каждое со своим предикатным словом" [26, 305], причем это предикатное слово оказывается семантической вершиной всего предложения. Но из этого факта следует тот вывод, что в СемС предложения нет необходимости вводить такие семантические функции (валентности), как, например, "причина", "цель", "время", "условие" и т.д. (ср. в частности [28, 285-286]). Эти семантические отношения гораздо целесообразнее задать в виде особых предикатов, тем более, что очень часто они валентно не обусловлены.

Что касается локативного значения, то если оно является валентно необходимым при предикате, его можно рассматривать как аргумент, а на синтаксическом уровне интерпретировать как актанта. Например: «Он выехал из Ленинграда». «Он приехал в Москву». «Дом находился на холме». Последнее предложение вообще недопустимо без локативного значения (ср. *«Дом находился»). Первые два в принципе возможны и без локативного значения (ср. «Он выехал». «Он приехал»), однако такое употребление является в известной мере эллиптическим и опирается на знакомую ситуацию или контекст.

В примерах, аналогичных рассмотренным, локатив представляет собой семантическую функцию аргумента независимо от способа его синтаксического выражения. В предложениях же типа «Он читает кни-

---

³ В гл.У будет показано, что эти сирконстанты представляют собой транспонированные наречия.

гу на скамейке». «Дети играют во дворе» локативные значения не являются валентно необходимыми при предикате. Следовательно, они не представляют собой его аргументов в локативной функции. Это значит, что такие локативные сирконстанты суть свернутые ПВ, предикаты которых занимают включающую позицию.

В приведенном выше определении наречия было сказано, что наречие может обозначать и признак предмета. Обычно в этом случае имеют в виду сочетания типа с о в с е м сирота, н е м н о ж к о музыкант, треска п о - п о л ь с к и я, разговор ш е п о т о м и др. (см. [213, 341]). Однако во всех этих и аналогичных сочетаниях выделенные слова являются не наречиями, а прилагательными, транспонированными из наречий (подробнее об этом см. в гл. V).

Чисто синтаксически наречия принципиально не могут определять существительных, однако такая возможность становится реальной в семантической сфере. С этой целью рассмотрим предложение «Хозяйка вкусно готовит».

В синтаксическом плане наречие-сирконстант образа действия вкусно подчинено глаголу-сказуемому готовит. Однако в семантическом плане сочетание вкусное приготовление представляет собой "семантический абсурд" [127, 159], потому что признак вкуса не может определять процесса. Все дело в том, что сочетание вкусно готовит есть эллипсис более полного сочетания готовит вкусные блюда (кушанья).

Таким образом, наречие-сирконстант только синтаксически подчинено слову готовит, в то время как семантически оно подчиняет отсутствующее на поверхностном уровне существительное блюда. Именно в этом и только в этом смысле можно говорить, что наречие способно обозначать признак предмета. Разумеется, такая способность может реализоваться только в семантической сфере.

Итак, наречие-сирконстант, будучи подчинено синтаксически глаголу-сказуемому (а также прилагательному-атрибуту или наречию-сирконстанту), в семантическом отношении может быть связано либо только с предикатом (ср. «Мальчик бежит быстро», где быстрота характеризует только бег, но не мальчика), либо со скрытым аргументом (ср. «Хозяйка вкусно готовит», где вкусно характеризует скрытый аргумент блюда), либо с явным аргументом (ср. «Мальчик задумчиво вышел из комнаты», где задумчивость относится к мальчику, а не к выходу), либо, наконец, с аргументом и предикатом («Художник рисует гениально», где гениальность характеризует художника, процесс и результат его труда). Отсюда видно, в какие сложные се-

семантические отношения способно вступать наречие-сирконстант в различных ПВ. Ясно, что все эти отношения зависят от семантики предиката, аргументов и наречия.

Что касается так называемых предикативных наречий,⁴ то предикативный характер их не нуждается в доказательстве. Правда, в отличие от наречий-сирконстантов, подчиненных сказуемому и тем самым выступающих в семантически включающей позиции, предикативные наречия очень часто занимают позицию невключающего предиката. Ср. «Старику было грустно» = «Старик грустил», где было грустно – невключающий предикат.

В тех случаях, когда предикативное наречие имеет другое синтаксически подчиненное ему предикатное слово (например, инфинитив), семантический статус его аналогичен обычному, непредикативному наречию. Например, предложения «Старику было грустно смотреть на осенний лес» и «Старик грустно смотрел на осенний лес» отличаются не столько семантикой, сколько синтаксическим оформлением: в первом предложении предикат грустно синтаксически относится к старика, а во втором – к смотрел. Семантически этот предикат характеризует не процесс смотра, а внутреннее состояние старика.

§ 6. Включенные предикаты

Существование предикатов высшего порядка, называемых здесь включающими, предполагает наличие предикатов включенных. В качестве включающих предикатов чаще всего используются финитные формы глаголов или их аналоги в тех языках, где эти формы отсутствуют. Включенные предикаты представлены такими классами и формами слов, как имя действия и качества, инфинитив, герундий (англ.), падаливис (литовск.), масдар (арабск.). Во включенной позиции могут оказаться не только слова названных классов и форм, но и финитные формы глаголов (см. [48]). Однако перечисленные классы и формы могут быть и включающими предикатами, хотя их включающая функция имеет скорее побочный характер.

Приведем примеры упомянутых классов и форм:

И м я д е й с т в и я : «Созерцание рубиновых и оранжевых рубиновых кистей среди белого снега искупило в какой-то степени нашу неудачу» (В.Сол. Капля росы).

⁴ Термин "предикативные наречия" заимствован из литературы (см. [74, 309]) и весьма условен: на самом деле, практически все наречия являются предикативными.

И м я к а ч е с т в а: «Но даже и эту дасковость, которую при встрече с майором замечал Новиков, Гулько тотчас прикрыл недовольными морщинами на лысющем лбу» (Ю.Бонд. Последние залпы).

И н ф и н и т и в: «Он вспомнил, как по приезде из Ленинграда он просил послать его в самый трудный район» (Д.Гр. После свадьбы).

Г е р у н д и й: «At that moment he felt him stop moving but the weight was still there» (Е. Нем. The Old Man and the Sea).

П а д а л и в и с: «Būvo girdėti dajnuojant» 'Было слышно пение'.

М а с д а р: «Дирāсату - л - лугāти - л - 'аджнабийати 'амалун са'бун» 'Изучение иностранных языков - тяжелый труд'

Ф и н и т н а я ф о р м а г л а г о л а: «Наденька слышит, как учащенно дышат у порога детишки» (Ф.Абр. Братья и сестры).

Характерная особенность рассмотренных форм заключается в том, что они способны находиться в аргументных позициях включающих предикатов. Это создает особую ситуацию. Действительно, когда аргументные позиции предназначались для непредикатных слов, мы приписывали им семантические функции. Тем самым все ПВ с такими аргументами получали единообразное семантическое описание. Однако при анализе включающих и включенных предикатов аппарат семантических функций полностью использовать не удастся. Это объясняется тем, что некоторые включающие предикаты, например модальные, фазисные и каузативные, принципиально не допускают введения в некоторые позиции непредикатных слов. Различия между ними заключаются только в формах допускаемых включенных предикатов. Так, модальные предикаты во многих языках допускают в аргументную позицию, предназначенную для включенных предикатов, только инфинитив. Фазисные и каузативные предикаты могут иметь в этих позициях в русском языке инфинитив и имя действия, а в английском дополнительно еще и герундий. Ср.: «Колхозники начали сеять яровые» = «Колхозники начали сев яровых». «Механизаторы продолжают убирать хлеба» = «Механизаторы продолжают уборку хлебов». «Президиум рекомендовал отсрочить заседание» = «Президиум рекомендовал отсрочку заседания». «Заимодавец потребовал уплатить долг» = «Заимодавец потребовал уплаты долга». «Шахматисту предложили играть белыми» = «Шахматисту предложили игру белыми». "The girl began to sing" = "The girl began singing". "She continued to chatter" = "She continued chattering". "The captain ordered the crew to discharge the boat". "Ils commencent de faire leurs devoirs". "Mon père me conseille

d'entrer au service". "Der Lehrer fing an eine neue Regel zu erklären". "Die Mutter liess die Kinder schreiben".

Но поскольку в этих позициях невозможны непредикатные слова, то отпадает сам вопрос о том, можно ли приписывать им семантические функции, типичные для этих слов. Ясно, что приписывание такому аргументу какой бы то ни было функции излишне. А это значит, что как в правилах порождения, так и в словаре ПВ с включенными предикатами должны быть представлены особо, т.е. без указания их семантических функций. Однако форма предиката этого ПВ может быть в словаре указана.

Правила порождения ПВ с включающими предикатами можно представить в виде табл.2.

Т а б л и ц а 2

№ ПВ	Правило	Пример
1	$PV^1_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A^x$	Спортсмен начал тренироваться.
2	$PV^2_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл}$	Игра началась.
3	$PV^3_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ экс.}$	Но не хочу, о други, умирать.
4	$PV^4_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ пац.}$	Я должен сделать это. Мне нужно уйти.
5	$PV^5_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ эл.}$	Волны могут опрокинуть лодку.
6	$PV^6_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ об.}$	Студ может упасть.
7	$PV^7_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ мед.}$	Занавеска может закрыть окно.
8	$PV^8_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ инстр.}$	Нож должен резать хлеб.
9	$PV^9_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + A \text{ деск.}$	Иван может стать сильным.
10	$PV^{10}_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл}$	Нужно сдать белье в стирку.
11	$PV^1_k \rightarrow P_k + P_{вкл} + A \text{ аг.}$	Командир приказал солдатам занять деревню.
12	$PV^2_k \rightarrow P_k + P_{вкл} + A \text{ об.}$	Эта книга заставила многих призадуматься.
13	$PV^3_k \rightarrow P_k + P_{вкл} + A \text{ эл.}$	Глубокий снег заставил путников повернуть назад.
14	$PV^4_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + P^A_{вкл}$	Игра продолжает волновать зрителей.
15	$PV^5_{\Phi} \rightarrow P_{\Phi} + P_{вкл} + P^A_{вкл}$	Ссора может расстроить все планы.
16	$PV^6_k \rightarrow P_k + P_{вкл} + P^A_{вкл}$	Уборка хлебов требует мобилизации всех сил.

П р и м е ч а н и я: $P_{\text{вкл}}$ - включенный предикат; $P_{\text{вкл}}^A$ - включенный предикат в позиции непредикатного аргумента, A^* - аргумент, семантическая функция которого определяется функцией аргумента включенного предиката.

Словарная информация о включающих предикатах, в аргументных позициях которых находятся включенные предикаты, может быть представлена следующим образом:

Н а ч и н а т ь (н а ч а т ь): 1. P_{Φ} : ($P_{\text{вкл}} - A^*$);
2. P_{Φ} : ($P_{\text{вкл}} - P_{\text{вкл}}^A$).

1. $P_{\text{вкл}}$ - инфинитив или имя действия; A^* - семантическая функция того аргумента $P_{\text{вкл}}$, в позиции которого находится тот же не-предикатный знак, что и в A^* .

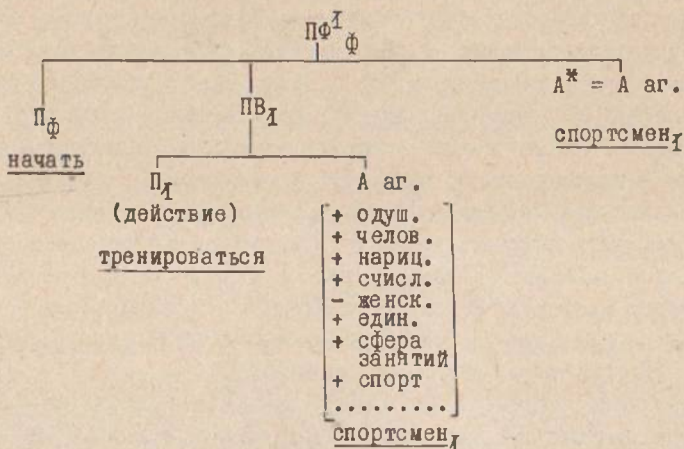
2. $P_{\text{вкл}}$ - инфинитив или имя действия; $P_{\text{вкл}}^A$ - имя действия или имя качества.

П р и к а з ы в а т ь (п р и к а з а т ь): P_K : ($P_{\text{вкл}} - A_{\text{арг.}}$).
 $P_{\text{вкл}}$ - инфинитив или имя действия.

арг. = [+ одуш.] [+ чelow.] [+ нариц.] [+ счисл.] [+ женск.]
[+ един.].

С помощью этих правил и словарной информации СемС предложения «Спортсмен начал тренироваться (начал тренировку)» можно изобразить в виде следующей схемы (ср. со схемой 20):

С х е м а 20

Таким образом, включенные предикаты не получают семантической функции. Это относится и к тем случаям, когда обе аргументные позиции фазисных, модальных и каузативных предикатов заняты пред-

катными словами (№ 14 + 16 в табл.2). Однако эта группа включающих предикатов сравнительно проста, поскольку определенные аргументные позиции в них никогда не могут быть заняты непредикатными словами.

Более сложная ситуация имеет место тогда, когда некоторый предикат может выступать в сочетании то с непредикатными, то с предикатными словами. Здесь можно выделить два случая.

Прежде всего сюда относится группа предикатов следующего типа: дать руку и дать совет; внести деньги и внести предложение; бросить камень и бросить взгляд; потерять очки и потерять терпение; развязать узел и развязать войну; сделать шкаф и сделать комплимент; получить квитанцию и получить урок; принести книгу и принести жертву; найти лыжи и найти оправдание и т.д.

В тех случаях, когда при упомянутых предикатах находятся не-предикатные слова, они характеризуются обычным образом, т.е. им приписываются семантические функции. Ср. «Старик (аг.) потерял очки (об.)». Глагол потерять является здесь двухместным предикатом. Однако когда при этих предикатах оказываются другие предикатные слова (обычно в форме отглагольных существительных), то семантическая функция приписана им быть не может. Дело в том, что предикатные слова не занимают здесь аргументных позиций, а входят в состав основного предиката. Например, глагол потерять в предложении «Старик потерял терпение» не является двухместным предикатом. Напротив, предикат здесь – сочетание потерял терпение, причем этот предикат одноместный. В ряде случаев такие сочетания заменяются однословными предикатами. Ср. дать совет = посоветовать; бросить взгляд = посмотреть; внести предложение = предложить и т.д. Следовательно, строго говоря, никаких включенных предикатов здесь нет. Такие сочетания часто используются для того, чтобы закрыть нежелательные валентности у предиката. Например, каузативный предикат предложить двухвалентен. Он выступает с набором следующих валентностей: агентив (предложил кто) и включенный предикат (предложил делать что). Однако одна валентность – на включенный предикат – может быть закрыта использованием сочетания внести предложение; ср. «Рабочий внес ценное предложение».

Отсутствие аргументной позиции у предикатов типа дать, внести и т.д. для предикатных слов совет, предложение и т.д. подтверждается фактом десемантизации этих предикатов. В данных фразеологических сочетаниях эти предикаты являются всего лишь вербализато-

рами [62, 211-214], своего рода связками, в то время как соответствующие предикаты в сочетании с непредикатными словами (дать руку, внести деньги и т.д.) являются лексически полными. Не случайно, что в толковых словарях они рассматриваются как разные предикаты.

Наконец, третью группу образуют те предикаты, которые могут иметь в одной из аргументных позиций как непредикатные, так и предикатные слова, причем это как будто не влияет или мало влияет на семантику таких предикатов. Здесь имеются в виду следующие примеры: «Иван видел свою мать» и «Иван видел отчаянье матери».

«Студенты ожидают преподавателя» и «Студенты ожидают прихода преподавателя». «Дети любят (обожают) конфеты» и «Дети любят (обожают) игру (играть) на свежем воздухе». «Я знал этого человека» и «Я знал доброту этого человека» и т.д. В этих предложениях отношения между включающим и включенным предикатами напоминают отношения между предикатом и непредикатным словом (ср. видеть мать и видеть отчаянье). Однако и в этом случае предикаты видеть, знать и др. в сравниваемых конструкциях семантически не тождественны, поэтому словам отчаянье, приход, игра, доброта нецелесообразно приписывать семантические функции. Достаточно в правилах порождения и в словаре предусмотреть для слов типа видеть, ожидать, любить, знать и других аргументную позицию, в которую может вводиться как непредикатное, так и предикатное слово, причем в последнем случае информация о семантической функции исключается. Если предикатными словами заняты обе аргументные позиции этих или каких-либо иных предикатов, то для облегчения выбора подлежащего при выведении таких СемС на поверхность можно использовать нумерацию этих позиций.

Включенные предикаты обладают также своеобразными синтаксическими свойствами, которые будут рассмотрены в гл.V.

§ 7. Нематричные предикаты

В порождающих грамматиках принято проводить различие между матричными и нематричными предложениями. Матричным называют независимое предложение, с которого начинается порождение всего высказывания. Нематричное предложение квалифицируется как зависимое от матричного. Указанное различие можно интерпретировать в терминах предикатов и ПВ. В этом случае матричный предикат (или матричное ПВ) выступает как независимый компонент СемС, с которого

начинается ее порождение. Нематричные предикаты порождаются после матричных. Они могут быть расположены в иерархии выше, ниже и на уровне матричных предикатов. В плане СинС матричные предикаты в языках, располагающих морфологическими средствами, манифестируются обычно в форме финитного глагола в составе главного или самостоятельного предложения, тогда как нематричные предикаты имеют более разнообразные средства воплощения, включая и зависимые финитные формы. Следовательно, ПВ на матричном предикате всегда имеет форму предложения.

Нематричные предикаты могут быть как включающими, так и исключенными. Они могут в принципе также не иметь никакого отношения к включению. Например, такие формы, как причастие, прилагательное в определительной функции, деепричастие, супин, герундий (в латыни, французском, испанском, отчасти английском языках), герундив (в латинском языке), падаливис и лусдавилис (в литовском языке), инфинитив (во многих языках), когда он выступает в синтаксической функции сирконстанта, например при глаголах движения, наконец, даже имена действия и качества в сирконстантной функции, т.е. вводимые в СинС с помощью предлогов или послелогов, а также в определенных падежных формах, никогда не бывают исключенными, поскольку не могут занимать аргументных позиций включающих предикатов.

Поскольку матричное ПВ занимает в СемС центральное положение, оно должно быть специально обозначено (например, как ПВ(матр.)).

Приведем пример СемС, в которой имеются нематричные предикаты: «Кучер, спавший опершись на локоть, начал пятить лошадей» (Гонч. Обломов).

СемС этого предложения приведена на схеме 3І. Отметим, что на этой схеме отсутствует некоторая релевантная информация, заключенная в грамматических категориях. Вопрос о том, каким образом должна отражаться такая информация в СемС, будет рассмотрен ниже, в § 10.

§ 8. Свертка предикатов и скрытые предикаты

Нематричные и включенные предикаты характеризуются различной степенью свертки. Под сверткой здесь понимается возможность опущения тех или иных аргументов предиката при выведении СемС на синтаксический уровень. Опускаться могут некоторые аргументы, повторяющиеся в матричном или включающем предикате, как это наб-

молока»; в) «Ручка двери была сломана».

В этих примерах также имеют место скрытые предикаты: в предложении (а) – предикат изготовления («(Кто-то) изготовил стол из красного дерева»), в предложении (б) – предикат содержания («Стакан содержит молоко»), в предложении (в) – предикат включения части в целое («Дверь включает в свой состав ручку»).

Эти и аналогичные примеры отнюдь не представляют собой эллипсиса: это обычная синтаксическая форма представления некоторых ПВ в определенных условиях. Что касается эллипсиса, то он позволяет опустить по существу любой предикат и любой аргумент, когда в этом есть необходимость и когда условия экстралингвистического или лингвистического контекста позволяют это сделать.

К числу СинС с частично скрытыми предикатами относятся предложно-субстантивные конструкции. Например: «И лес сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блещит» (Пушк. Зимнее утро). «Сила злобы, которую он после всего пережитого испытывал к немцам, стерла многие границы, раньше существовавшие в его сознании» (К.Сим. Живые и мертвые). «Алексей Мересьев был направлен в Москву на лечение» (Б.Пол. Повесть о настоящем человеке). «We all had the same medals, except the boy with the black silk bandage across his face» (Е. Нем. In another country). «Dans le salon d'Argelouse ou sous les chênes au bord du champ, elle n'avait qu'à lever vers lui ses yeux que c'était sa science d'emplir de candeur amoureuse» (F. M. Thérèse Desqueyroux).

В чем же реально заключается полускрытый характер предложных предикатов? В приведенных примерах предикаты могли бы быть выражены формой глагола, если бы они занимали матричное положение. Действительно, в семантическом отношении выражение речка подо льдом эквивалентно выражению речка, находящаяся подо льдом, а при переводе этого выражения в матричную позицию получим «Речка находится подо льдом». Аналогичным образом могут быть интерпретированы и прочие примеры; ср.: the boy with the bandage → the boy who had the bandage → the boy had the bandage; the bandage across his face → the bandage crossing his face → the bandage crosses his face, и т.д.

Свертка ПВ рассмотренного типа, приводящая к частичному имплицированию их предикатов, происходит вследствие понижения этих ПВ в синтаксической иерархии, т.е. вследствие перевода их в нематричную позицию. Такой перевод связан либо с заменой двухместного или трехместного предиката предлогом, либо с редукцией гла-

гольно-предложного сочетания до одного предлога.

Во всех рассмотренных сочетаниях предлог не только выступает в качестве предиката, что характеризует его прежде всего семантически, но и выполняет транспонирующую функцию, что характеризует его синтаксически (см. гл. V).

В предложно-субстантивных конструкциях, связывающих предикатное слово с непредикатным, предлог не является предикатом, а выполняет только валентную или транспонирующую функцию.

Ср. «Кожемякину понравилась живая игра его лица, решительный взгляд, а больше всего упоминание о фирме» (М.Г. Жизнь Матвея Кожемякина). «Несется он тенью отмщенья за ту неотмщенную тень» (Евтуш. Лермонтов). «She had become engaged to Bosinney» (J. G. The Forsythe Saga). «Ses seules concessions aux mœurs liberes du temps étaient un nuage de poudre sur le visage et deux gouttes de parfum à la violette derrière les oreilles» (H. T. Les mains). «Ein Blick von deinen Augen in die meinen, ein Kuss von deinem Mund am meinen Munde» (J. G. Die Liebende schreibt).

Так, в сочетаниях упоминание о фирме, отмщение за тень, ein Kuss am meinen Munde предлоги играют транспонирующую, в данном случае адъективирующую роль, а в соответствующих матричных ПВ они являются чисто валентными дополнениями предикатов; ср. (кто-то) упоминает о фирме, (кто-то) мстит за тень, Dein Mund küsst am meinen Munde.

Следует отметить, что в некоторых случаях предлог может соответствовать предикату конъюнкции. В русском языке в этой роли широко используется предлог с. Ср.: «Отец с дочкой гуляют в саду» = «Отец и дочка гуляют в саду» = «Отец гуляет в саду и (его) дочка гуляет в саду».

Таким образом, предлоги не во всех случаях являются предикатами, однако, когда они представляют собой предикаты, их роль не исчерпывается только этим; параллельно они могут выполнять множество дополнительных функций преимущественно синтаксического характера (ср., в частности, [268]).

§ 9. Предикатная функция непредикатных слов

Любое непредикатное слово, кроме имени собственного, может быть использовано в качестве предиката, если оно сопровождается связкой быть. В существующей лингвистической и логической литературе глагол быть подвергнут тщательному анализу (см. например,

[38; 182; 264; 267; 350]). В связочной функции этот глагол представляет собой чисто синтаксическое слово. Семантическим коррелятом этой связки (и ее синонимов типа являться и представлять собой и др.) служит сема предикации, переводящая любое непредикатное значение в предикатное. Каждый такой предикат образует ПВ, способное иметь собственные аргументы. В самом деле, такое, например, слово, как студент, строго говоря, не является предикатом, потому что онтологически ему соответствует человеческое существо (см. гл. II). Однако это слово может стать предикатом, если оно дополняется связкой. Именно предикующая функция связки дает возможность строить предложения типа: а) «Петр — студент»; б) "My friend is a teacher"; в) "Ce garçon est écolier"; г) "Sein Bruder ist Schlösser"; д) "Juan es obrero (исп.) 'Хуан рабочий'; е) Jusuf doktorur (турецк.). 'Юсуф — доктор'; ж) Такахаси сан-ва канэмоти дэс (яп.) 'Господин Такахаси — богат'.

Между аргументом и предикатом возможны различные семантические отношения. В приведенных примерах это отношение можно назвать включением, поскольку здесь речь идет о включении элемента или элементов в класс. При отсутствии связки эти слова теряют предикатные характеристики.

В некоторых языках, например семитских, предикатная функция непредикатных по своей природе слов маркируется не связкой, а особым состоянием существительного, которое называется неопределенным, или предикативным, статусом (*status indeterminatus* или *status praedicativus*), ср., например, в древнеаккадском *bēl-um* 'господин', *st.ind. bēl*; *šarr-um* 'царь', *st.ind. šar*; *kalb-um* 'собака' *st.ind. kalab* (см. [86, 213 и 279-280]).

§ 10. Семантические корреляты грамматических категорий

В организации смыслового содержания конкретных высказываний большую роль играют грамматические категории. Естественно поэтому, что любая семантическая концепция не может обойти молчанием этого факта. Достаточно детальный анализ грамматических категорий под семантическим углом зрения вполне мог бы стать предметом специального исследования не только одного лингвиста, но и целого лингвистического коллектива. Поэтому здесь мы вынуждены будем ограничиться рассмотрением лишь наиболее важных моментов, относящихся к существу дела (глубокий анализ некоторых категорий см. в [116]).

При обсуждении семантических аспектов грамматических категорий важно проводить различие между чисто формальными категориями, не имеющими семантических аналогов, и теми категориями, которым соответствует какое-то смысловое содержание. Первые категории можно назвать асемантическими, вторые — семантическими. Ниже мы рассмотрим те и другие.

а) Грамматические категории существительных

Наиболее распространенными категориями существительных являются: 1) род или класс, 2) число, 3) статус, 4) определенность-неопределенность, 5) притяжательность, 6) падеж.

Из всех этих грамматических категорий наиболее асемантической является категория рода. В лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки осмыслить эту категорию под семантическим углом зрения, установить, так сказать, семантический потенциал родового различия. Это чаще всего делалось на материале тех языков, в которых как будто сохранились некоторые факты, подтверждающие семантическую релевантность родовых различий.

Прежде всего отметим, что существуют языки, в которых грамматический род используется только для выражения половых различий. К числу таких языков относится, например, тамильский язык, в котором "существительные, обозначающие разумные существа, в зависимости от пола последних подразделяются на два рода — мужской и женский. Все прочие существительные относятся к среднему роду" [20, 54].

К этой же группе принадлежат отчасти семитские языки, где по словам И.М.Дьяконова [86, 210-211], к женскому роду (показатель *-t*, *-at*) относятся помимо имен существ женского пола имена со значением единичности, уменьшительности, абстрактности, социальной пассивности и т.д. (см. также [75, 261]). Однако такие значения, как женский пол, единичность, уменьшительность, абстрактность и пр., не позволяют выделить какую-то общую смысловую характеристику, присущую всем этим значениям, относящимся к женскому роду. К этому следует еще добавить и то обстоятельство, что со словами, выражающими абстрактные понятия, категория рода, даже понимаемая в таком полусемантическом аспекте, вообще не совместима, поскольку эти существительные являются предикатными словами.

Родовые различия между несущественными существительными в тех языках, где они сохраняются (русский и многие индоевропейские), являются всецело асемантическими, т.е. имеют поверхностно-синтаксическую природу. "Что выражает форма мужского рода в русском слове

дом? В сущности не более чем некую формальную примету, пустую в семантическом плане и в силу этого "иррациональную" или "мнимую", но необходимо несущую в себе внутреннюю потенцию согласования" [116, 26].

К категории грамматического рода близка категория класса. Деление существительных на классы выполняет в основном синтаксическую функцию, так как широко используется для целей согласования. Так обстоит дело в языке зулу [180, 23], суахили [172, 21-23], где эту функцию выполняют префиксы, во вьетнамском [320], китайском и японском языках, где в этой роли специализированы классификаторы.

Однако полностью отрицать семантическую значимость классовых префиксов и слов-классификаторов было бы неверно. Дело в том, что в ряде случаев классификаторы являются единственным средством выражения семантических различий у внешне совпадающих слов. А это значит, что в СемС словам с разными классификаторами соответствуют разные семанты. Ср., например: $qua^4\ cam^1$ 'апельсин (плод)' и $cây^1\ cam^1$ 'апельсиновое дерево', где различие достигается с помощью классификаторов qua^4 и $cây^1$.

Во многих языках, например, финно-угорских, картвельских, тюркских и др., категория рода отсутствует. В тех же случаях, где она семантически релевантна, она должна отражаться с помощью сем типа $[\pm \text{женскость}]$, различающих слова женского и мужского пола (в основном обозначения людей).

Обратимся теперь к категории числа. Эта категория в большей степени семантична, нежели категория рода или класса. Но нередко она оказывается семантически пустой и выполняет в этом случае те или иные синтаксические функции: упорядочение, классификация, согласование и т.д.

Наиболее регулярную семантическую нагрузку эта категория несет тогда, когда аргументами СемС являются семанты, обозначающие дискретные вещи. Поскольку такие вещи можно сосчитать, то формы числа могут использоваться для выражения противопоставления одной вещи многим вещам. Различие же между единичностью и множественностью в семантической сфере выражается соответствующими семами типа $[\pm \text{единичность}]$. Это различие должно отражаться независимо от способов синтаксического выражения единичности и множественности. Известно, что во многих языках эти различия не выражаются регулярно и повторно. К числу таких языков относятся китайский, японский, вьетнамский, хмёрский, йоруба и др.

Показатели грамматического числа даже в тех языках, где они регулярно используются, не всегда специализированы только на выражении числовых различий, а очень часто дополнительно сопровождаются значением множества разновидностей или сортов, если речь идет о веществах (ср. жидкости, эмульсии, стали, шлаки, вина и т.д.), либо значением интенсивности или длительности, если речь идет о предикатных существительных, выражающих состояние (ср. холода, боли и др. (см. [116, 32])), а также о некоторых непредикатах типа снега, пески и др.

Важно отметить, что дополнительные оттенки, сопровождающие значение множественности, являются не характеристикой, присущей грамматическому числу как таковому, а свойством лексических значений конкретных существительных. В самом деле, значение сортовой множественности, например, в русском языке всецело обусловлено тем, что соответствующие слова обозначают вещества. Поэтому в СемС при соответствующей семанте, обозначающей то или иное вещество, достаточно наличия семы множественности для того, чтобы она автоматически соответствовала сортовой, а не какой-либо иной множественности.

Обращаясь теперь к категории статуса⁵ можно отметить, что она характерна для таких языков, как семитские и хамитские (см. [75, 295-301; 86, 213-217; 92, 39-42]).

Категория статуса служит средством маркировки синтаксического состояния существительных, а именно, грубо говоря, подразделяет все существительные, встречающиеся в тексте, на независимые и зависимые, или на управляющие и неуправляющие. В синтаксическом отношении это различие весьма важно. Однако семантически ли оно или же семантически пусто?

Если взять случай использования категории статуса для маркировки вещного существительного в предикатной функции вместо использования связки, наблюдаемого в других языках, то такое использование статуса семантически релевантно. То же справедливо и для тех случаев, когда статусом различаются синтаксически независимое или же зависимое положение существительных. Наличие синтаксической связи между существительными свидетельствует о том, что одно из них или оба они являются свернутыми предикатами, если в составе сочетания выступают предикатное и непредикатное или два предик-

---

⁵ Не смешивать со статусом в понимании Р.Якобсона (см. [257, 100]).

катных существительных. Наличие же такой связи между двумя непредикатными существительными указывает на то, что оба они являются аргументами скрытого предиката.

Своеобразие этой категории заключается в том, что она находится в сложном взаимодействии с категорией падежа. Все это приводит к тому, что несмотря на наличие семантических коррелятов, категория статуса оказывается неоднозначной.

Некоторую аналогию с семито-хамитской категорией статуса имеет категория определенности-неопределенности, представленная во многих индоевропейских языках. Эта аналогия, разумеется, неполная, потому что средством выражения определенности и неопределенности в некоторых семитских языках является соответственно определенный артикль и нунация.

Термин "определенность" можно понимать как соотнесенность существительного с денотатом, известным говорящему, в то время как "неопределенность" подразумевает соотнесение соответствующего существительного с каким-нибудь одним или любым денотатом некоторого класса. В этом, собственно, и заключается сущность актуализации. Однако, поскольку понятия определенности-неопределенности, известного-неизвестного имеют важное значение для актуального членения предложения, рассматриваемая категория оказывается вовлеченной и в эту сферу: актуализация всегда связана с характером развертывания конкретного текста.

В одних языках (немецкий, французский, английский и др.) имеются соотносительные формы определенного и неопределенного артикля, в других (древнегреческий, болгарский) представлен только определенный артикль, а значение неопределенности обычно выражается отсутствием артикля или иными средствами. Наконец, существуют языки (латинский, русский, польский, финский, эстонский и др.), где артикль как таковой отсутствует. Эти расхождения отнюдь не означают, что значения определенности-неопределенности чужды для тех языков, в которых артикль отсутствует. Такие значения, в необходимых случаях, всегда выражаются иными средствами, например порядком слов. Своеобразие любой грамматической категории как таковой проявляется в том, что ее значение должно выражаться в тексте всегда, независимо от того, есть ли в этом реальная необходимость, в то время как при отсутствии соответствующей категории данное значение выражается только тогда, когда это совершенно необходимо для коммуникации.

Категория определенности-неопределенности, безусловно, семантически и должна отражаться в глубинной сфере. Это можно сделать пу-

том маркировки данных значений с помощью сем [$\pm$ определенность] при соответствующих аргументах. Эта маркировка производится и в тех случаях, когда данное значение не является категориальным (как в русском языке), но зависит только от текстуальных условий.

В тюркских, финно-угорских, абхазско-адыгских и других языках существительному свойственна категория притяжательности. Формальным выразителем этой категории являются аффиксы (обычно суффиксы) со значением лица, которое очень часто выступает как обладатель вещи, обозначенной существительным. Например:

Венг.	Турецк.	Перевод
Szobá-m	Oda-m	Моя комната
Szobá-d	Oda-n	Твоя комната
Szobá-ja	Oda-sı	Его (ее) комната
Szobá-nk	Oda-mız	Наша комната
Szobá-tok	Oda-nız	Ваша комната
Szobá-juk	Oda-ları	Их комната

Эта категория является семантической, однако глубинные корреляты ее существенно зависят от природы существительного, присоединяющего к себе притяжательный аффикс.

Если существительное представляет собой непредикатное слово, то данная категория соответствует предикату принадлежности. Действительно, эквивалентом венгерского *szobám*⁶ в СемС является ПВ, которому на синтаксическом уровне соответствует предложение "Nekem van szobám" 'У меня есть комната', 'Я имею комнату'. Точно так же турецкому *odam* соответствует *Odam var* или *Bende oda var* с тем же значением. Семантическая структура притяжательных форм *szobám* и *odam* ничем не отличается от семантического представления сочетаний с притяжательным местоимением типа русск. моя комната, англ. my room, фр. ma chambre, нем. mein Zimmer и т.д., хотя применительно к этим сочетаниям нельзя говорить о категории притяжательности.

Семантическое представление существенно меняется, если притяжательным аффиксом снабжается предикатное существительное. В этом случае существительному соответствует предикат, а притяжательному

⁶ В случае фокусного выделения существительному в притяжательной форме может предшествовать еще личное или притяжательное местоимение. Ср. венг. *az én szobám* - моя комната (с личным местоимением *én* 'я') и турецк. *benim odam* 'моя комната' (с притяжательным местоимением *benim* 'мой').

аффиксу – аргумент с той или иной семантической функцией (такой аргумент может быть субъектом или объектом): ср. венг. vizagám ‘мой экзамен’, который может иметь два семантических представления: “(Valaki) vizagáztat engem”. ‘(Кто-то) экзаменует меня’ и “(En) vizagáztatom (valakit)”. ‘Я экзаменую (кого-то)’, причем в первом представлении местоименный аргумент находится в пассиве, а во втором – в агентиве. Однако в большинстве случаев предикатное существительное с притяжательным аффиксом соответствует одной СемС, например, венг. öntudatosságom ‘моя сознательность’ восходит к ПВ öntudatos vagyok ‘я сознателен’.

СемС таких притяжательных форм совпадает с СемС сочетаний предикатного существительного с притяжательным местоимением в индоевропейских языках.

Следует отметить, что местоимения, особенно анафорические, на семантическом уровне отсутствуют. Они должны заменяться семантемами тех существительных, с которыми они денотативно соотносены.

Из субстантивных категорий нам остается рассмотреть категорию падежа. Эта категория имеет сложный и противоречивый характер. Сложность ее заключается не только в том, что в разных языках она представлена различным количеством форм: от двух до нескольких десятков, или вообще отсутствует (как во многих романских), но и в том, что она находится в чрезвычайно запутанных отношениях со своими семантическими коррелятами. Именно поэтому здесь будут затронуты только основные аспекты категории падежа, существенные не столько в формальном, сколько в семантическом плане.

Основное назначение категории падежа во всех языках заключается с содержательной точки зрения, в том, чтобы выражать семантические функции вещных аргументов. При этом выбор морфологического (поверхностного) падежа зависит не столько от характера семантических функций, сколько от конкретного вида предиката. При различных предикатах одна и та же функция (например, пассив или инструментатив) может выражаться разными морфологическими падежными формами. Это, конечно, не значит, что в тех или иных языках для выражения некоторой функции не может использоваться определенная падежная форма. Так, в русском языке выразителем агентивного значения является по преимуществу именительный падеж, инструментального значения – творительный, а локативного – предложный. В других языках главными кандидатами на эти роли могут оказаться иные падежи.

Выразителями семантических функций может быть не только категория падежа, но и предлоги в тех языках, где категории падежа

нет (французский, болгарский, вьетнамский и др.). В этой функции предлоги могут использоваться и в тех языках, где категория падежа имеется (русский, немецкий, арабский и др.) и где предлог (индоевропейские языки) или послелог (туркские и финно-угорские языки) взаимодействует с падежно оформленным субстантивом.

Семантические функции аргументов обусловлены валентностью предикатов. В лингвистической литературе эти функции нередко именуются субъектно-объектными [116, 43; 117]. Наличие двойного ряда терминов для описания фактов семантической сферы требует объяснения.

Термины "субъект" и "объект" получили широкое распространение в лингвистике под влиянием логики [149, 8]. Наряду с этим в языкознании издавна использовались термины типа "подлежащее" и "дополнение", а также типа "агенс" и "пациенс". Эти термины постоянно смешивались и понимались лингвистами в самых различных смыслах.

Мысль о том, что рассмотренные выше термины образуют три ряда, была высказана, например, М.М.Гухман, которая указывала, что каждому ряду соответствует свой уровень анализа. По мнению М.М.Гухман, можно выделить три уровня анализа: 1) уровень актуального членения, который описывается терминами "данное" и "новое", или, что то же самое, "субъект" и "предикат"; 2) "уровень выявления типов реальных смысловых связей между конstituентами высказывания" [77, 21], где действуют термины "агенс", "пациенс" и "наименование признака", и 3) уровень синтаксических единиц, где используются термины "подлежащее", "сказуемое", "дополнение" [77, 20-22].

Второй уровень, по М.М.Гухман, является семантическим, третий — синтаксическим, а первый — логико-грамматическим. Отсюда можно сделать вывод, что первый уровень занимает как бы промежуточное положение между семантикой (логико-) и синтаксисом (-грамматический).

Однако далеко не все лингвисты отождествляют понятия субъекта и предиката с понятиями данного и нового, поскольку данным и новым могут быть целые предложения (придаточные), которым обычно не приписывается функция субъекта или предиката. В этом случае мы получаем четыре соотносительных ряда терминов.

Лингвисты, занимающиеся разработкой глубинно-падежной концепции, например Ч.Филлмор, указывали, что понятия "subject" и "object" всецело относятся к уровню поверхностных структур [288, 16-17]. При этом, поскольку термин "subject" может переводиться на русский и как "субъект" и как "подлежащее", часто бывает неяс-

но, что же конкретно имеется в виду. Для различения этих понятий нередко используются термины "logical subject" и "grammatical subject" (то же касается и термина "predicate"), однако термин "subject" далеко не всегда сопровождается этими определениями, и в этом случае, действительно, возможно разное его понимание. Интересно, что Ч.Филлмор к поверхностной сфере относит как грамматический субъект (подлежащее), так и логический субъект (собственно субъект) [288, 15-16], которые он не отождествляет.

С.Д.Кацнельсон термины "субъект предложения" и "подлежащее" понимает как равнозначные [117, 104]. Категорию субъекта или подлежащего он, так же как и Ч.Филлмор, относит к поверхностной сфере языка, хотя и не отрицает ее содержательности. "Субъект предложения (= подлежащее. — В.Б.), — пишет он, — категория не мыслительная, не пропозициональная, а речевая, появляющаяся в результате преобразования пропозиции в предложение" [117, 109]. Отличие категории субъекта от категории аргумента С.Д.Кацнельсон видит в том, что субъект — это аргумент, который присоединяет к себе функцию темы [117, 114]. Эта функция и выводит данный аргумент на центральное место в предложении, превращая все прочие аргументы в дополнения. Под темой понимается "предмет высказывания", который, по мнению С.Д.Кацнельсона, не обязательно должен совпадать с "даным". Однако эта точка зрения не разделяется некоторыми лингвистами (ср. [166, 51-52; 228, 55]).

Рассматривая вопрос о субъектно-предикатной структуре предложения, И.П.Сусов указывает, что эта структура представляет собой второй этап порождения высказывания (первым этапом является реляционная структура). При этом между реляционной структурой, состоящей из предиката и аргументов, и предикационной структурой конкретного предложения, складывающейся из грамматических субъекта (подлежащего) и предиката (сказуемого), находится промежуточный уровень абстрактной предикационной структуры, элементами которой являются глубинные субъект и предикат [228, 52]. Глубинный субъект может быть связан с подлежащим прямым или конверсным отношением [228, 77-78].

Некоторые лингвисты вообще предпочитают не пользоваться терминами типа "агенс", "пациенс", "инструмент", а оперируют только двумя рядами терминов, а именно терминами "предикат", "субъект" и "объекты", которые интерпретируются в семантическом плане, и терминами "сказуемое", "подлежащее" и "дополнения", которые трактуются в синтаксическом смысле. Такая точка зрения особенно ха-

рактерна для лингвистов, занимающихся вопросами залога и диатезы (см. статьи в сборниках [113; 227]).

Сопоставляя четыре соотносительных ряда терминов и понятий (1) предикат — аргументы (семантические функции), 2) предикат — субъект — объекты, 3) сказуемое — подлежащее — дополнения, 4) рема — тема), нельзя не отметить, что ряд 2 занимает определенно промежуточное положение между рядами 1 и 3. Структура, описанная в терминах ряда 2, не является ни строго семантической (глубинной), ни строго синтаксической (поверхностной). Она, так сказать, "более глубинна", нежели структура, описанная в терминах ряда 3, так как при некоторых типах трансформаций, например пассивизации, номинализации и др., характер субъектно-объектных отношений остается неизменным. Ср. предложения «Партизаны взорвали мост» и «Мост был взорван партизанами», где в обоих случаях партизаны являются субъектом, а мост — объектом, в то время как подлежащее и дополнение меняются. В то же время эта структура "более поверхностна" по сравнению со структурой, описанной в терминах ряда 1, поскольку субъект может быть выразителем агенса (ср. «Партизаны взорвали мост») и средства (ср. «Мина взорвала мост»).

Тот смысл, который обычно приписывается термину ряда 2, есть результат смешения некоторых свойств, присущих термину ряда 1 и ряда 3. В принципе, по-видимому, можно было бы обойтись без терминов ряда 2. Однако поскольку терминология ряда 2 получила широкое распространение в языкознании, с нею приходится считаться и, вероятно, ею можно пользоваться, сделав предварительно необходимые оговорки относительно понимания этих терминов.

Что касается терминов ряда 4, то они, строго говоря, не могут быть отождествлены ни с терминами ряда 1, ни с терминами ряда 3. Своеобразие структуры, сформулированной в терминах ряда 4, будет обсуждаться в § 10.

Мы рассмотрели только одну из функций категории падежа. У этой категории есть и другая важная функция, заключающаяся в выражении различного рода сирконстантных и атрибутивных отношений, которым в семантической сфере, как было показано выше, соответствуют самые различные свертки предикатов вплоть до нулевой. Наконец, на периферии языка категория падежа может использоваться и в модальном значении, соответствуя скрытому включающему предикату (см. [116, 41]).

б) Грамматические категории глаголов

Перейдем теперь к рассмотрению грамматических категорий глаголов, среди которых можно выделить две группы: 1) распространенные категории, т.е. такие, которые широко представлены в языках мира, и 2) редкие категории. К первой относятся следующие категории: наклонение, залог (и диатеза), время, вид (и способ действия), лицо; ко второй – сообщение, версия, ориентация, отрицание, репрезентация. Все эти категории будут рассматриваться только с точки зрения их семантики, т.е. в конечном счете под углом зрения их отражения в СемС.

Категория наклонения представлена в подавляющем большинстве языков мира самых различных типологий. Однако имеются отдельные языки, например индонезийский, в которых она отсутствует (см. [225, 26]). Число грамматических форм, в которых реализуется категория наклонения, колеблется от двух (яванский язык) до десятка и более.

В русском языке обычно принято выделять три наклонения: изъявительное (индикатив), повелительное (императив), сослагательное (конъюнктив), хотя в истории русского языкознания неоднократно принимались попытки значительно расширить этот список (см. об этом [64, 458–462]). Эти наклонения широко представлены также в других языках мира. Однако ими не исчерпывается рассматриваемая категория, поскольку в древних и современных языках различных типологий встречаются и другие наклонения: условное, желательное, потенциальное, долженствовательное, предположительное, предостерегательное, увещательное, побудительное, вопросительное, намеревательное, запретительное, уступительное, категорическое [255; 256].

Категория наклонения описывается обычно как "грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом" [64, 457]; см. также сходные определения в [54, 120; 61, 172; 74, 355; 98, 158].

Связь категории наклонения с модальностью неоспорима. Более того, она выявляется и в самих названиях наклонений. А это свидетельствует о том, что в семантическом плане отдельные формы категории наклонения (сослагательное, желательное, потенциальное, долженствовательное, предположительное, предположительно-долженствовательное и др.) соответствуют самам типам модальных предикатов и должны выражаться ими в схемах СемС.

Другие наклонения (предостерегательное, увещательное, побудительное, запретительное, повелительное и их комбинации) в общем эквивалентны соответствующим каузативным предикатам. Что касается наклонений изъявительного и вопросительного, то они используются для грамматического противопоставления предложений по целевому значению.⁷ Можно допустить, что в основе каждого вопросительного предложения, независимо от того, выражена ли его вопросительность в системе глагола специальной грамматической категорией, служебным словом, порядком слов или интонацией, лежит особый предикат вопроса, эквивалентный по смыслу выражению «Я спрашиваю». Это значит, что предложение типа «Пойдут ли дети в кино?», если оно используется мною с целью получения требуемого ответа, семантически равноценно предложению «Я спрашиваю, пойдут ли дети в кино»; ср. также «Когда студенты поедут в совхоз?» = «Я спрашиваю о времени поездки студентов в совхоз» и т.д. Разумеется, вечным аргументом (субъектом) предиката вопроса может быть любое лицо, которому вопрос приписывается (ср. «Иван спросил: Пойдут ли дети в кино?» и т.п.) (см. об этом [34, 60-61]).

Что касается семантики, которую можно было бы приписать изъявительному наклонению, то при отсутствии отрицания формы этого наклонения можно интерпретировать как констатирующие или утвердительные. В литературе указывалось, что по крайней мере интонация утверждения семантически эквивалентна предикату утверждения. Ш.Балли уподоблял ее модальности утверждения [34, 56-62]. а Р.Ф.Микунс усматривал в ней модальную синтагму типа "J'affirme que..." 'Я утверждаю, что...' [163].

Выше отмечалось, что модальные и каузативные предикаты относятся к числу включающих. Эти предикаты (за исключением фазисных) субъективны, так как определяют оценку ситуации говорящим. Следовательно, в семантическом отношении наклонения — это своего рода надпредикатные предикаты, или средства понижения основных предикатов в семантической иерархии по крайней мере на одну ступень. Такое определение в общем соответствует оценке наклонения как шифтерной категории [257].

Чрезвычайно важно отметить, что в тесной связи с наклонением находится такая суперсегментная характеристика высказывания, как интонация. Интонация дает возможность дифференцировать и видоизме-

⁷ Р.Якобсон называет эту категорию "статусом" [257].

нять значение наклонения в любую нужную сторону. Действительно, такое, например, простое высказывание, как "Уходи!" может быть произнесено тоном приказа, просьбы, совета, угрозы и т.д., а это значит, что в СемС данного высказывания будут присутствовать соответствующие включающие предикаты.

В связи с проблемой наклонения необходимо коснуться так называемых пересказывательных форм, которые имеются в болгарском, эстонском, латышском, нивхском и других языках и именуются иногда пересказывательным наклонением [152, 248], пересказочным наклонением [188, 422], косвенным наклонением (*kaudne kõneviis*) [111, 48; 193, 155] или категорией засвидетельствованности [257, 101].

Своеобразие форм пересказывания заключается в том, что они "служат для передачи действия, о котором мы говорим со слов другого лица и очевидцами которого не были" [19, 198].

Основной вопрос, на который необходимо в этой связи ответить, заключается в следующем: являются ли формы пересказывания особым наклонением? На этот счет существуют разные мнения.

Л.Андрейчин, например, полагает, что формы пересказывания не образуют особого наклонения, а входят в состав изъявительного наклонения [19, 229]. Любопытно, что в болгарском языке формы пересказывания существуют независимо от форм косвенной речи. Косвенная речь может быть пересказанной и непересказанной. В первом случае значение принадлежности высказывания другому лицу усиливается.

В других языках, где имеются формы пересказывания (нивхский, латышский, эстонский), они обычно трактуются как наклонения. Такой взгляд существует и в отношении пересказывательных форм болгарского языка [152, 248].

В семантическом отношении пересказывание, выражено ли оно синтаксически (косвенная речь), морфологически (пересказывательное наклонение) или как-то иначе, представляет собой включающий предикат с локутивным значением, указывающим на принадлежность предложения или предикатного выражения некоторому лицу, и может быть уподоблено выражению типа «(некто) утверждает, что...» или «(некто) отрицает, что...» (в случае отрицательных форм пересказывания). При этом косвенная речь отличается от морфологически выраженного пересказывания тем, что в первом случае обычно всегда указывают, кому именно принадлежит высказывание, тогда как во втором случае такие сведения нередко отсутствуют (см. [257, 101]).

Обратимся теперь к категории залога. Она представлена в большом числе языков самых различных типологий разнообразными формами.

Однако существует также масса языков, в которых эта категория отсутствует. Это бенгальский, брауи, каннада, качинский, саларский, самоанский, эфиопский, эстонский и др. Подробные критические обзоры залоговых концепций можно найти в работах В.В.Виноградова [64, 476-494], Б.Ю.Нормана [177, 25-56] и др.

Многие лингвисты определяют залог как отношение действия к субъекту [74, 351], к грамматическому субъекту [177, 43], или к подлежащему [54, 150]. При этом одни авторы подчеркивают, что отношение действия к объекту не связано с залогом, а входит в сферу других категорий, например переходности (ср. [177, 5]), в то время как другие полагают, что залоговым является также отношение действия к объекту (см., например, [64, 494; 238]) или же только к объекту [15, 131].

Вторым пунктом расхождений является интерпретация категории залога либо как содержательной (относящейся к плану содержания), либо как формальной (относящейся к плану выражения).

Попытки дать такое определение залога, которое не было бы связано с семантикой, а основывалось бы только на синтаксических явлениях, были в свое время предприняты Ф.Ф.Фортунатовым [236] и А.А.Потебней [190], а в настоящее время к этому склоняется С.Е.Яхонтов, считающий "противопоставленными по залогу глагольные формы, которые, употребляясь в одной и той же синтаксической функции, различаются по управлению" [258, 47], или по валентности, причем "залогом считается не изменение управления само по себе, а отражение его в форме глагола [258, 53].

К этому близко мнение А.А.Холодовича [238] и его последователей (см. [227]). При рассмотрении залоговых явлений А.А.Холодович выделяет единицы семантического уровня, в качестве которых выступают субъект и объекты, и единицы синтаксического уровня, а именно подлежащее и дополнения. Схема соответствия между единицами обоих уровней именуется термином "диатеза", а залог определяется как грамматически маркированная в глаголе диатеза [238, 13].

Однако действительно ли залог асемантичен? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, с какой целью используются в языке залоговые противопоставления.

Почти во всех языках, имеющих категорию залога, выделяются действительный и страдательный залого. Существуют и такие языки, в грамматиках которых никаких других, кроме названных, залогов не представлено. Это персидский, пушту, хинди, урду, индонезий-

ский, латинский, арабский, грузинский, белуджский, русский языки.⁸

Рассматривая оппозицию действительный-страдательный залог и отвлекаясь от всех прочих залоговых противопоставлений, нетрудно видеть, что в разных языках эта оппозиция используется для различных, но достаточно немногочисленных целей. Чтобы эти цели стали очевидными, обратимся к упоминавшимся ранее четырем рядам понятий. Приведем их в несколько видоизмененном порядке:

Семантика	1. Предикат - аргументы (семантические функции)	}	Синтаксис
	2. Предикат - субъект - объекты		
	3. Рема - тема		
	4. Сказуемое - подлежащее - дополнения		

Семантические функции и категории субъекта-объекта остаются инвариантными относительно оппозиции действительный-страдательный залог; иначе говоря, эта оппозиция никак их не затрагивает. В то же время эта оппозиция всегда меняет отношения между подлежащим и дополнениями и способна менять отношения между темой и ремой. В языках с грамматикализированным порядком слов (английский, французский и др.) эта оппозиция работает в основном на актуальное членение. В действительном залоге тема (и подлежащее) обычно соответствует субъекту независимо от того, какова его семантико-функциональная природа (агентив, пациентив, инструментатив и т.д.). В страдательном залоге тема (и подлежащее) соответствует объекту также независимо от его семантического характера. Таким образом, максимальная семантическая глубина, относительно которой варьирует противопоставление действительного и страдательного залога, лежит на уровне субъектно-объектных отношений. Изменение порядка темы и ремы также семантически релевантно в плане организации текста.

Что касается тех языков, где функция актуального членения обеспечивается также и порядком слов (например, русский язык), то оппозиция действительный-страдательный залог может быть семантически пустой. Ср.: «Рабочие строят дом» и «Рабочими строится дом». Нюансы стилистического различия, которые, по-видимому, имеют здесь место, с трудом поддаются какой-либо разумной интерпретации (в данном случае наблюдается стилистическая оппозиция типа "нейтральное - книжное").

---

⁸ Точка зрения о том, что в русском языке только два залога, разделяется далеко не всеми [64, 476-494; 170, 25-56, и др.] .

Однако описанная выше залоговая оппозиция с полной реализацией субъектно-объектных валентностей встречается редко. Значительно чаще это противопоставление реализуется в условиях отсутствия субъекта. Ср.: «Строят дом», «Строится дом», «Дом построили», «Дом построен».

В данном случае используются те же залоговые формы, что и при полной реализации валентностей, причем противопоставление актив-пассив служит здесь достижению тех же целей (различению членов актуального членения или выражению стилистических нюансов) плюс дополнительно цели опущения субъекта.

Противопоставления типа «Студент работает легко» и «Студенту работается легко», часто с отрицанием «Студент не работает» и «Студенту не работается», также являются залоговыми (хотя в данном случае используется непереходный глагол), поскольку связаны с формальным отражением в глаголе изменения синтаксического выражения субъекта (подлежащее-дополнение). Данное противопоставление семантически, так как выражает модальные различия.

Особого рассмотрения требует так называемый побудительный, понудительный, или каузативный залог, входящий в залоговую систему в таких языках, как аварский, бурятский, эвенкийский, чукотский, эскимосский, нивхский, турецкий, японский и др., хотя во многих других языках каузатив обычно не считается залогом. В этих последних выделяются разряды глаголов, именуемых каузативными, причем такие глаголы могут отличаться от некаузативных более или менее регулярным использованием аффикса. (Если каузатив считается залогом, то аффикс вполне регулярен.) Типично в этом смысле положение в венгерском языке, где имеется группа каузативных глаголов, образуемых с помощью суффиксов -at, -et, -tat, -tet (в соответствии с законом сингармонизма). Ср.: "A tanár a levelet írja". 'Учитель пишет письмо'. "A tanár a levelet íratja". 'Учитель каузирует (кого-то) писать письмо'.

В некоторых языках, например в панджаби и в турецком, возможна многократная каузация, выраженная регулярными аффиксальными средствами.

Каузация, независимо от того, образует она залог или нет, является семантически релевантной, так как каузативный глагол отличается от соответствующего некаузативного наличием каузативной семы, играющей в СемС роль включающего предиката.

Каузативный залог и иные способы выражения каузативности подвергнуты в современной лингвистике тщательному анализу (см. [226; 305]).

Прочие залого, такие, как взаимный, совместный, взаимно-совместный, самосовершающийся, конкретно-объектный, общеоъектный, потенциально-объектный, являются семантическими, так как связаны в основном с характером аргументов при соответствующих предикатах в СемС.

Рассмотренные выше примеры залогов, пожалуй, не дают полного права утверждать, будто "понятие залога относится к плану выражения, а не к плану содержания" [258, 52-53]. Залог оказывается значительно более сложной категорией, функционирование которой охватывает широкую сферу от полной асемантической до полной семантической с множеством плавных переходов.

Сравнительно кратко мы коснемся категорий вида и времени ввиду неограниченности возникающих здесь проблем, которые в полной мере не являются предметом нашего исследования.

Категория вида, представляющая собой ярчайшую особенность глагольной системы славянских языков, издавна привлекала к себе внимание лингвистов и всегда служила объектом бурных дискуссий.

Здесь нет необходимости останавливаться на истории разработки этой проблемы, которая детально изложена в работах [54, 29-31; 64, 379-425]. Отметим только, что в настоящее время наиболее распространены, по крайней мере в советской лингвистической литературе, являются две концепции вида. Одна из них связана с именем В.В.Виноградова, который считал основным признаком оппозиции совершенный-несовершенный вид (СВ-НВ) наличие указания на предел действия у глаголов СВ при отсутствии такого указания у глаголов НВ [64, 394]. Эта точка зрения закреплена в старом и новом вариантах Академической грамматики русского языка (см. [74, 337]), а также в ряде других работ (см. [56, 240-241; 71, 286-287; 213, 304]).

Согласно второй концепции, развиваемой в работах Ю.С.Маслова [153-155], А.В.Бондарко [52, 49-55; 58, 10-42; 54, 29-75] и др., противопоставление СВ-НВ связывается с наличием *гевр.* отсутствием признака неделимой целостности действия.

По мнению некоторых исследователей, эти две концепции не являются взаимоисключающими [53, 18].

Понятие целостности действия обычно интерпретируется как "невозможность деления действия на отдельные фазы" [54, 31].

В аспектологии принято различать четыре основных понятия: характер действия, способы действия, вид и частные значения видов. Под характером действия понимают общие характеристики дейст-

вия типа непрерывности, прерывности, многофазности, направленности и т.д. [79, 74]. Способами действия называют семантические разряды глаголов [155, 71], хотя фактически под этим термином понимается значение, характеризующее тот или иной разряд глаголов. Число способов действия составляет несколько десятков ср. [79, 74-75; 155, 75-78]). Способ действия является более специфической характеристикой, чем характер действия [79, 74].

Видовому противопоставлению также присущ целый набор семантических признаков, которые, по словам А.В.Бондарко, образуют "семантический потенциал видовых форм" [53, 11-21]. Этот потенциал детально исследован Ю.С.Масловым [158]. Наконец, частные значения видов выступают как контекстуальные варианты указанного выше семантического потенциала [53, 21-36]. Таким образом, в видовой системе возникает сложное взаимодействие видовых значений и их контекстуальных вариантов, с одной стороны, и характеров и способов действия — с другой, причем своеобразие этого взаимодействия заключается в том, что "способы действия лежат в иной плоскости, чем виды" [155, 71] и, следовательно, признаки вида, характера и способа действия как бы наслаиваются друг на друга, создавая сложный аспектуальный рисунок.

Не вдаваясь в детальный анализ функционально-семантического поля аспектуальности (см. [52, 49-55]), отметим, что в СемС должны найти отражение все существенные компоненты аспектуальной семантики, хотя в настоящее время неясно, каким образом это можно было бы сделать.

Начнем с характеров действия. Поскольку их значения специфицированы значениями способов действия, то семантику первых разумно свести к семантике вторых. Семантический анализ показывает, что многие способы действия содержательно соответствуют семантическому типу включающих предикатов. Например, начинательный, комплетивный и финитивный способы близки по семантике к фазисным предикатам. Особые одноместные включающие предикаты типа наречий соответствуют в СемС таким способам действия, как аугментативный, аттенуативный, делимитативный, сатуративный. Наконец, такие способы, как кумулятивный, дистрибутивный, кумулятивно-дистрибутивный, итеративный (по терминологии Ю.С.Маслова, см. [155, 75-78]), отражают кванторные характеристики глаголов.

Что касается семантического потенциала самих форм СВ и НВ, то по этому поводу существуют различные мнения. Например, Я.Панёвова и П.Сгалл [334] считают, что на тектограмматическом, т.е. семантическом (см. [341, 68-70]) уровне различия СВ-НВ соответст-

вуют определенные смысловые единицы, или грамемы [334, 297], в качестве которых они указывают "целостность" (*kompleksnost*) и "процессность" (*prubehovost*). Однако возможность сведения этих граммем к семантическим единицам типа фазисности и времени Я.Панезова и П.Сгалл отрицают [334, 297].

Иначе решает этот вопрос Ю.С.Маслов в работе [158]. Он выделяет в смысловой структуре глаголов СВ и НВ универсальные семантические компоненты количественной и качественной аспектуальности. В качестве первых компонентов обычно фигурирует кратность (однократность, многократность) и длительность, которые могут по-разному комбинироваться друг с другом. Что касается качественной аспектуальности, то она прежде всего проявляется в таких значениях, присущих обширным группировкам глаголов, как действие и недеиствие (включающее в себя состояние и статическое отношение). В свою очередь, действия разделяются на предельные и непредельные. Предельные действия подразделяются далее на три подкласса в зависимости от того, достигается или не достигается предел, а состояния (включая отношения) — на два подкласса: первичные, или просто состояния (напр., весить, стоять, принадлежать и т.д.), и вторичные, или состояния, явившиеся результатом действий (напр., Стол накрыт, Письмо отправлено, Он был выпивши и др.).

Возникает вопрос, каким образом интерпретировать все эти данные в терминах излагаемой здесь концепции. С этой целью обратимся вначале к содержательным компонентам количественной аспектуальности. Поскольку они сводятся к длительности и кратности, то их семантический вклад может быть выражен включающим предикатом времени и событийным квантором. Необходимо при этом иметь в виду, что время как величина непрерывная, но поддающаяся дискретизации, может выражаться на семантическом уровне как временным предикатом момента, например $t_1, t_2, t_3, \dots, t_n$, так и временным предикатом интервала, т.е. $t_1 - t_2, t_2 - t_3, \dots, t_m - t_n$. Понятие временного момента не требует пояснения. Что касается временного интервала, т.е. некоторой длительности, то ее границы могут быть либо указаны (ограниченная длительность), либо не указаны (неограниченная длительность). В первом случае может быть указана величина интервала действия или состояния (один час, два часа, сутки, неделя и т.д.) и не указаны временные моменты, соответствующие началу и концу действия или состояния (ср. Космонавт спал ровно пять часов), т.е. в условном представлении $t_x - t_y$; 3 часов или, наоборот, может быть явно не выражена величина интервала, но точно обозначено

ны временные моменты (ср. Космонавт спал с двух до семи часов) т.е. $t_1 - t_2$ (естественно, что величина интервала известна и здесь, хотя она определяется косвенно). В случае же неограниченной длительности может быть не известна ни величина интервала, занимаемого действием или состоянием, ни моменты, соответствующие их началу и концу (ср. Космонавт все спал и спал), т.е. $t_x - t_y$.

Компоненты временного значения, обусловленные видовыми характеристиками, не следует смешивать со временем, выражаемым грамматической категорией времени. Например, в случае предложения Космонавт спал ровно пять часов вид выражает ограниченную длительность, уточненную лексически ("ровно пять часов") и абсолютно иррелевантен к значению момента речи: категория же времени (в данном случае – прошедшее время) выражает лишь факт предшествования состояния сна космонавта моменту речи говорящего и абсолютно иррелевантна к значению длительности.

Что касается событийного квантора, то это понятие вводится здесь в качестве гипотезы, поскольку кванторные характеристики событий (т.е. по сути дела предикатов) в настоящее время совершенно не изучены. Здесь имеются в виду случаи, когда подкванторным термом является не объектная, или вещная, а событийная переменная. Глагольная кратность (однократность, многократность), видимо, и соответствует такого рода кванторам.

Обращаясь к качественной аспектуальности, важно отметить, что ее семантический потенциал богаче, чем у количественной аспектуальности. Исходное деление глаголов на выражающие действие и недействие (состояние, отношение) связано, как указывает Ю.С.Маслов, с залоговыми отношениями такими, как активность/неактивность субъекта, зависимость/независимость от его воли, а также с аспектуальной оппозицией "динамики и статики, изменения во времени и неизменности, становления и пребывания" [158, 74]. Если интерпретировать это деление в терминах основных понятий развиваемой здесь концепции, то оно в значительной степени будет определяться набором семантических функций глагола (их числом и составом). Этот признак является базой для субкатегоризации глаголов с любой степенью дробности, однако он может использоваться для выделения и таких крупных группировок, как действия, состояния и отношения. Эта рубрикация принята и в нашей работе с добавлением значения свойства для предикатов, не являющихся глаголами. Связь состояний ("вторичных", по терминологии Ю.С.Маслова) с действиями на уровне семантических структур также была показана выше при рассмотрении

семантико-деривационных отношений в составе многоместного предиката.

Семантическим коррелятом предельности (при достижении предела) является, по-видимому, сема типа фазисного предиката, соответствующего либо началу действия, либо его завершению, либо тому и другому (ср. сходные соображения Дж.Миллера в [329]), однако этого арсенала, возможно, недостаточно для описания семантики всех предельных глаголов. Поэтому вопрос о семантических коррелятах предельности и неопределенности действия в рамках излагаемой здесь концепции остается в значительной мере открытым.

Таким образом, семантику видовых противопоставлений, видимо, действительно нельзя полностью свести к содержательным компонентам фазисности и времени, как пишут Я.Паневова и П.Сгалл, но вместе с тем нельзя отрицать, что эти компоненты все-таки присутствуют в семантической структуре глаголов.

Частные значения СВ и НВ удастся свести иногда к некоторым видам включающих предикатов. Это касается, например, потенциального значения, безусловно соответствующего семе типа модального предиката. То же, видимо, верно и в случае различных оттенков кратности, семантическим аналогом которых являются событийные кванторы.

Однако детальное отражение в СемС многих частных значений видов затруднено тем, что это потребовало бы учета большого числа данных, обусловленных контекстуальными причинами. Поэтому говорить о полном и адекватном отображении аспектуальной информации на семантическом уровне было бы преждевременно.

Необходимо теперь сказать несколько слов о виде в других языках. Категория вида не является привилегией только славянских языков, хотя видовые противопоставления в них выражены наиболее четко и последовательно, т.е. затрагивают всю глагольную систему. Многие исследователи усматривают наличие этой категории в таких языках, как романские, германские и др. Например, О.К.Васильева-Шведе и Г.В.Степанов утверждают, что "имеются серьезные основания признать наличие в испанском языке грамматической категории вида" [61, 196]. Общую видовую систему испанского языка они представляют себе состоящей из двух оппозиций — оппозиции имперфективного и нейтрального видов и оппозиции имперфективного и перфективного видов [61, 222].

Не менее сложной является категория вида и в английском языке, где обычно выделяют четыре видовых разряда, которые находятся

в тесном взаимодействии с категорией времени (см. [104]).

В некоторых индийских, монгольских, тунгусо-мальчжуроких и палеоазиатских языках категория вида представлена еще большим числом членов. Например, в бурятском языке выделяют 6 видов [39, 26], в языке ленди — 8 [211, 113-117], в эвенкийском — 10 [125, 78], в эскимосском — 20 [162, 378-379]. Сопоставление этих видов показывает, что многие из них (например, начинательный, многократный, однократный, результативный, состояния и т.д.) соответствуют способам действия в славянских языках; другие — частным значениям СВ и НВ в русском языке (ср. повторный вид в эвенкийском языке и повторительное значение НВ глагола в русском языке, конкретно-процессный вид в языке ленди и конкретно-процессное значение НВ в русском языке и др.). Разумеется, соответствие это едва ли будет полным ввиду возможного различия в семантических потенциалах сравниваемых видов и способов действия. Все эти формы называются видами в рассмотренных языках только потому, что они имеют в них регулярное морфологическое или аналитическое выражение.

С точки зрения СемС подавляющее большинство рассмотренных видов представляет собой особые включающие предикаты типа фазисных, модальных и каузативных предикатов или наречий русского языка. С помощью этих предикатов и должен отображаться вид в СемС.

Остановимся теперь на категории времени, которая имеется в большинстве языков мира. Вместе с тем эта категория отсутствует в таких языках Юго-Восточной Азии, как вьетнамский, индонезийский, бирманский, самоанский и др.

При рассмотрении категории времени важно разграничивать абсолютное, относительное и переносное употребление времен [53, 112-129]. Абсолютное употребление дает возможность выделить прошедшее, настоящее и будущее времена, определяемые относительно момента речи говорящего. Эта логическая в своей основе троичность присутствует в том или ином виде во временных системах большинства языков. Следует при этом иметь в виду, что поскольку объективное время представляет собой явление непрерывного характера (континуум), то его дискретизация в различных языках может быть отображена самым различным образом, причем она может касаться настоящего, прошедшего и будущего. Например, в языке зулу существует близкое будущее и отдаленное будущее. Разумеется, не существует каких-либо логических препятствий для того, чтобы мыслить себе язык не с двумя или тремя, а, скажем, с пятью будущими, где каждому из них отведен определенный, разумеется, условный временной отрезок вслед за моментом речи.

Тот же принцип различной дискретизации распространяется и на прошедшее время. Например, в чеченском языке различается только что прошедшее, недавнопрошедшее, прошедшее и давнопрошедшее с дополнительными видовыми и модальными оттенками [78, 200-202].

Следует отметить, что различная дискретизация касается не только трех основных временных сфер. Сами эти сферы не ограничены друг от друга непроницаемыми перегородками. "Настоящий момент, «сейчас», — писал О.Есперсен, — это только текучая граница между прошедшим и будущим" [88, 302].

Троичная система логического времени находит отражение в грамматических временных системах многих языков, например, русского [58, 55; 54, 83], английского [104, 177], испанского [61, 164-165], немецкого [98, 152] и др. Во всех этих языках время взаимодействует с видом, в результате чего возникают особые видо-временные формы, очень часто не сводимые друг к другу ввиду различия их семантических потенциалов. В русском языке обычно выделяют пять таких форм, в английском — шесть (см. [104, 177]). В других языках их может быть больше.

При относительном употреблении времен основным ориентиром, исходной точкой становится не момент речи, а другое время. В подобных случаях можно говорить об одновременности, предшествовании или следовании.

Что касается переносного употребления времен, то оно часто не затрагивает абсолютного характера времени, а вносит лишь модальную или стилистическую окраску.

Система глагольных времен, имеющаяся в том или ином языке, входит в состав функционально-семантической категории (или поля) темпоральности, которая опирается "на различные — морфологические, синтаксические, лексические — средства языкового выражения времени" [54, 76].

С точки зрения теории СемС важна сама по себе категория темпоральности. Конкретные же средства выражения времени и их центральный или, наоборот, периферийный характер имеют второстепенное значение.

В семантическом отношении временная характеристика, независимо от того, чем она выражена в реальном высказывании, представляет собой особый включающий предикат, соотносящий ПВ сообщаемого факта с ПВ факта сообщения [257, 100]. Это вытекает из того, что времена конкретизируют или связывают не вещи, а события, факты.

Что касается относительного употребления времен, то оно также характеризует многопредикатные выражения, между отдельными компонентами которых устанавливается отношение одновременности, предшествования или следования.

Переносное употребление времени, если оно не меняет абсолютного времени и не имеет модальной или аспектальной коннотации, может не отображаться на уровне СемС. Если же такие коннотации имеют место, то в СемС необходимо предусмотреть соответствующие включающие предикаты.

Необходимо также сказать несколько слов о категории лица. Хотя эту грамматическую категорию нередко целиком включают в состав функционально-семантической категории персональности (см. [52, 47-49; 54, 135-138]), тем не менее категория лица неоднородна, так как чаще всего реализуется в личных местоимениях, которые распадаются на два класса — на ситуативные местоимения, связанные отсылкой с актом речи, и анафорические местоимения, связанные отсылкой с текстом (см. [182, 249]).

Анафорические местоимения, в основном местоимения 3-го лица, не существуют на семантическом уровне и вводятся в текст трансформациями прономинализации в целях его сокращения [179]. На семантическом уровне этим местоимениям соответствует конкретный аргумент, предикат, часть ПВ или даже целое ПВ. Эти типы местоимений достаточно подробно анализировались в лингвистической литературе (см. [126; 135; 175; 179; 182, 249-270; 203]), поэтому на них нет необходимости останавливаться.

Что касается ситуативных местоимений, к которым относятся в основном местоимения 1-го и 2-го лица, то, хотя они также выполняют замещающую функцию, их присутствие в СемС кажется более необходимыми. Вообще говоря, здесь возможно двойное решение вопроса:

1. Ситуативные местоимения могут рассматриваться как анафорические. Некоторые факты детской речи и отдельных языков как будто подтверждают возможность такой интерпретации. Здесь имеются в виду случаи, когда ребенок, вместо того чтобы сказать, допустим, «Я не хочу играть», говорит, называя себя по имени: «Славик не хочет играть». Аналогичная ситуация наблюдается в некоторых восточных языках, например, во вьетнамском, где как в устной речи, так и особенно в переписке возможны аналогичные конструкции. Ср. ответ мальчика: Chau⁵ không¹ muốn⁵ uống⁵ nu⁵ o'k⁵ che² 'Я (букв. 'внук', 'племянник') не хочу чаю'. Lan¹ muốn⁵ biết⁵ Sơn¹ khỏe⁴ không¹ 'Я хочу знать, здоров ли ты' (в письме, где Lan¹ — женское имя, а Sơn¹ — мужское имя).

2. Ситуативные местоимения рассматриваются как особые семантические аргументы с соблюдением денотативной соотносительности. Иными словами, если имеется, скажем, предложение типа «Я посмеяться хотел, — продолжал Кузьма, пытливо вглядываясь в его [Ефрема] бесстрастное лицо» (Чех. Встреча), то, хотя местоимение я денотативно соотносится здесь с аргументом Кузьма, это не означает, что на глубинном уровне имеет место выражение «Кузьма посмеяться хотел, — продолжал Кузьма...». В семантической сфере сохраняется местоимение я, однако во избежание его неправильного отождествления оно получает денотативный индекс аргумента Кузьма. Второе решение кажется более правильным.

Категория лица на синтаксическом уровне может быть представлена не только местоимением, но и персональными формами глагола.

В заключение необходимо сделать несколько замечаний по поводу некоторых категорий, не типичных для европейских языков. Сюда прежде всего относятся категории версии и ориентации.

Категория версии встречается в иберийско-кавказских языках, например, в грузинском, абхазском и др. Она обозначает обычно отношение принадлежности между субъектом и объектом (или объектами) и связана с субъектно-объектным спряжением. В грузинском языке имеется три версии: 1) субъектная, указывающая на принадлежность объекта субъекту, 2) объектная, отражающая принадлежность одного объекта другому, и 3) нейтральная, которая не выражает такого отношения (см. [244, 45]). В абхазском языке имеются две версии — субъектная и объектная — со сходным значением [146, 117].

В содержательном отношении версия представляет собой предикат принадлежности или назначения и должна выражаться в соответствующем месте СемС. При трансформации такой СемС в СинС в трансформационном компоненте грузинского языка должны быть предусмотрены правила выбора необходимых глагольных форм, тогда как в трансформационном компоненте русского языка такие правила будут отсутствовать. Вместо них может быть правило, либо зачеркивающее эту информацию, либо преобразующее ее в соответствующее местоимение или даже в целое предложение.

В корейском и японском языках существует категория ориентации, называемая иногда категорией вежливости (см. [17]). Эта категория "выражает отношение говорящего к собеседнику" [150, 64]. В корейском языке в изъявительном наклонении различают пять форм, или степеней ориентации: вежливую, учтивую, интимную, нейтральную

и фамильярную. В японском языке их больше. Формы ориентации зависят от возраста, пола, социального и семейного положения собеседников и от других факторов.

Информацию такого рода, как бы она ни была важна для отдельных языков, по-видимому, нецелесообразно относить к уровню СемС, так как в противном случае в тех языках, для которых эта категория остается иррелевантной, а их большинство, пришлось бы предусматривать правила гашения этой информации, что было бы неразумно. Поэтому можно считать, что данные об ориентации всецело относятся к синтаксическому уровню и могут вводиться трансформационным компонентом соответствующего языка.

В некоторых языках, например, иберийско-кавказских, палеоазиатских, дравидийских и др., используются особые отрицательные глагольные формы, рассматриваемые иногда как категория отрицания. Наличие таких форм не создает особой ситуации в семантической сфере, поскольку они могут быть интерпретированы как сочетание оператора отрицания с соответствующим предикатом.

Категория сообщения, имеющаяся в некоторых языках, выражает способ передачи высказывания и отношение к нему говорящего. Например, в корейском языке выделяют шесть видов сообщения [150, 64]. В содержательном плане отдельные формы категории сообщения приблизительно соответствуют некоторым каузативным, локутивным и модальным предикатам и их комбинациям (ср. [257, 101]).

Некоторые исследователи, например Г.А.Зотраф [102, 211-219], выделяют в составе глагола категорию репрезентации, которая "отражает способность глагола выступать помимо собственно глагольных также и в именных функциях" [102, 211]. Конкретными формами репрезентации считаются имя действия, герундий, инфинитив, причастие и деепричастие.

Выделение в рамках глагола категории репрезентации представляется мало обоснованным, поскольку она не имеет собственного содержания и дублирует категориальное значение таких частей речи, как существительное, прилагательное, наречие и глагол.

§ 11. Актуальное членение и пресуппозиция

Актуальное членение, или функциональная перспектива, представляет собой разбиение ПВ или предложения на две части. Одна часть служит для того, чтобы включить ПВ или предложение в текст, а другая — для того, чтобы передать новую информацию. Именно поэтому

актуальное членение определяется иногда как "текстообразующий (text-creating) компонент языка" [297, 44].

Первую часть обычно называют исходной точкой высказывания [161], данным [132] или темой [74] (англ. topic); вторую именуют соответственно ядром, новым или ремой (англ. comment, pivot).

Принципы теории актуального членения были заложены чешским лингвистом В.Матезиусом [161], который опирался на работы А.Вейля и Г.Пауля. В дальнейшем теория актуального членения интенсивно развивалась в работах советских и чешских лингвистов [5; 59; 74; 131; 194; 342; 349]. Если прежде внимание исследователей сосредоточивалось в основном на роли актуального членения в синтаксисе, то в последние годы интересы лингвистов концентрируются вокруг семантического субстрата этого явления. Различные ученые, занимавшиеся этой проблемой, по-разному отвечают на вопрос о том, куда относить факты актуального членения — к глубинной сфере или к поверхностной. Например, Н.Хомский склонен различие между темой и ремой относить всецело к уровню ПС [239, 209]. Однако многие лингвисты не разделяют этого взгляда. Например, У.Хатчинз подчеркивает семантико-текстообразующий характер актуального членения [301, 12]. У.Чейф, как и многие другие лингвисты, усматривает специфику актуального членения в корреляции темы и ремы со старой и новой информацией [241, 241-266]. К уровню ГС относит различие между темой и ремой также П.Адамец. Он исходит из того, что в основе нескольких ПС лежит одна ГС. А это значит, что к уровню ГС принадлежит и актуальное членение, так как "оно отчасти определяет возможности образования отдельных поверхностных структур из данной глубинной структуры" [6, 189].

Итак, различие между темой и ремой отражает важные семантические различия. В то же время оно находится в тесной связи с линейной организацией высказывания, т.е. относится к синтаксису. Этот синтаксис называется иногда коммуникативным. Считается, что он образует своего рода надстройку над обычным, или функциональным, синтаксисом. Однако на самом деле он, по-видимому, занимает промежуточное положение между семантикой, формулируемой в терминах предиката и аргументов, и синтаксисом, оперирующим понятиями членов предложения. Актуальное членение можно рассматривать как средство, с помощью которого компоненты СемС приспосабливаются к синтаксическим условиям. Но этим не исчерпывается специфика актуального членения.

До настоящего времени генеративные модели, в которых учитывается актуальное членение, были ориентированы на описание изолиро-

ванных предложений. В этих моделях не учитывался такой важный момент, как способность человека порождать связный текст. Поэтому вычленение темы и ремы в порождаемых предложениях не опиралось на использование данных предшествующего текста. Между тем это крайне необходимо, так как нередко только предыдущий текст может служить надежным основанием для актуального членения очередного предложения.

Реально на функциональную перспективу очередного предложения могут оказывать влияние весьма обширные отрезки предыдущего текста, однако учесть все эти влияния можно только в том случае, если подвергнуть соответствующему анализу уже имеющийся текст как целое. В лингвистических же описаниях, отражающих аспект порождения, однозначно прогнозировать функциональную перспективу любого последующего предложения на основании актуального членения очередного предложения невозможно или, во всяком случае, очень трудно, так как любой еще не построенный, но начинающий строиться текст может коммуникативно развертываться в нескольких направлениях. Трудности такого рода, собственно, и ограничивают возможности построения моделей, порождающих связный текст. Поэтому в качестве первого приближения к такой модели выбор темы и ремы в последующем предложении можно основывать только на коммуникативной структуре очередного предложения или же на структуре вопроса, если имеется в виду вопросно-ответный диалог.

В определенной связи с актуальным членением находится явление, получившее название "фокуса" (*focus*) и "пресуппозиции" (*presupposition*). Некоторые лингвисты подчеркивают эту связь использованием сходных терминов. Например, Ч.Филлмор называет вычленение темы и ремы "первичной тематизацией" (*primary topicalization*), а выделение фокуса и пресуппозиции — "вторичной тематизацией" (*secondary topicalization*) [288, 57].

Н.Хомский связывает выделение фокуса и пресуппозиции с интонационным оформлением предложения. "Фокус, — пишет он, — это составляющая, содержащая интонационный центр, а пресуппозиция — это выражение, полученное заменой фокуса переменной" [274, 100]. В соответствии с этим, в предложении "Is it John who writes poetry?" фокусом является слово *John*, потому что на него падает "контрастное ударение" (*contrastive stress*), а пресуппозицией — выражение *Someone writes poetry*, в котором постоянная *John* заменена переменной *someone*. Определение фокуса и пресуппозиции в терминах фонетических признаков было, по-видимому, причиной того, что Н.Хом-

ский отнес их всецело к сфере ПС [239, 90] и осудил попытки глубокого осмысления этих явлений, заявив, что это приводит "к значительной надуманности (*artificiality*) в построении грамматик" [239, 103]. Однако такое решение не прояснило существа дела.

Высказывалось мнение, что пресуппозиция связана с суммой знаний говорящего о мире, т.е. отражает особенности его индивидуального тезауруса (ср. [289, 265]). Однако такое понимание пресуппозиции⁹ вносит в нее слишком большой элемент субъективизма, превращая ее в индивидуально-психологическое, а не языковое явление.

Попытку отделить в пресуппозиции моменты универсально-семантического порядка от индивидуально-психологического предпринял Э.Кинен [309], который предложил разграничивать прагматическую и логическую пресуппозицию. Первая определяется структурой индивидуального тезауруса говорящего, в то время как вторая понимается как семантическое отношение между предложениями. Э.Кинен так определяет логическую пресуппозицию: "Предложение *S* имеет в качестве логической пресуппозиции предложение *S'*, если из *S* логически следует *S'* и из отрицания *S* (т.е. $\bar{S}$) также логически следует $\bar{S}'$ " [309, 45]. Иначе говоря, пресуппозиция — это некоторое логическое условие, которое должно быть соблюдено в предложении, чтобы между ним и другим предложением можно было установить отношение следования (ср. [191, 71-72]). Это определение ближе к действительному положению дел и было широко использовано в дальнейшем лингвистами. Однако тест на отрицание, предложенный Э.Киненом, оказался недостаточным для описания, например, сложных предложений с придаточными времени (см. [261]).

Логическую интерпретацию пресуппозиция получила и в работе Д.Купера [275]. В отличие от других исследователей Д.Купер предлагает ограничить это понятие только парадигматической пресуппозицией. Под пресуппозиционной парадигмой Д.Купер понимает пары предложений типа (*S*) "The King of France is bald" и (*S'*) "There is a King of France". (*S*) "All of John's children are clever" и (*S'*) "John has children". (*S*) "Harry regretted that he killed his grandma" и (*S'*) "He killed his grandma", связанные следующим правилом: "...Если *S'* является необходимым условием истинности или ложности *S*, ... будем говорить, что *S* име-

---

⁹ Следует отметить, что в большинстве работ, посвященных фокусу и пресуппозиции, главное внимание уделяется пресуппозиции, в то время как фокус не всегда рассматривается как понятие, соотносительное с ней.

ет в качестве пресуппозиции S' [275, 32]. Все прочие случаи семантических отношений не относятся к числу пресуппозиций. Важным достоинством точки зрения Д.Купера является то, что пресуппозиция рассматривается им как одно из измерений (*dimension*) или аспектов (*aspect*) значения (*meaning*) [275, 118]. Тем самым пресуппозиции включаются в сферу языка. Однако языковой, а не только чисто логический характер пресуппозиции акцентирован в книге Д.Купера все же недостаточно. Более четкое решение эта проблема получила у Д.Лайтфута [321]. Он подчеркивает два важных момента. Во-первых, пресуппозиции не имеют прямого отношения к индивидуальным тезаурусам или к суммарному тезаурусу (так называемой энциклопедии мира) говорящих. Они являются чисто языковым фактом. Например, при описании семантики французского слова *mais*, соединяющего два предложения S и S' , важно лишь отметить, что из S обычно следует отрицание S' . Во-вторых, пресуппозиции не имеют никакого отношения к психологии говорящего или слушающего. "Пресуппозиции, — подчеркивает Д.Лайтфут, — создаются предложениями, а не людьми" [321, 184]. Они определяются "формой предложения, а не убеждениями того или иного говорящего" [321, 191].

Анализ изложенных выше воззрений показывает, что пресуппозиционное отношение представляет собой аспект семантики предложений, поскольку оно не существует на уровне отдельных слов. Это значит, что правила пресуппозиции действуют в рамках не одного, а нескольких ПВ, т.е. в рамках многопредикатных выражений. Механизм этого действия оказывается в высшей степени любопытным.

В одной из работ Л.Карттунена [304] описаны понятия пресуппозиционной "пробки" (*plug*), "дырки" (*hole*) и "фильтра" (*filter*). Пробка — это языковое средство, блокирующее пресуппозицию, а дырка — средство, пропускающее ее. Что касается фильтра, то он действует выборочно, т.е. при некоторых точно определенных условиях блокирует пресуппозицию, а при других условиях пропускает ее. Интересно, что некоторые типы включающих предикатов, например, каузативные, локутивные и перформативные,¹⁰ действуют обычно как пре-

¹⁰ Перформативными называют предикаты, обозначающие те или иные действия говорящего. Эти предикаты имеют форму 1-го лица ед. числа наст. времени, а предложения, содержащие их в своем составе, не допускают проверки на истинность или ложность. Данные предикаты могут быть как не включающими, так и включающими. Например, «Я собираюсь назвать своего новорожденного сына Петром»; «Я прошу вас оставить меня в покое».

пресуппозиционные пробки. Так, например, предложение «Теперешний король Франции лыс» имеет в качестве пресуппозиции предложение «В настоящее время во Франции есть король». Если же в первое из приведенных предложений ввести каузативный глагол, например, просить, то названная пресуппозиция будет заблокирована. Например, предложение «Шарль просит Пьера представить его теперешнему королю Франции» вовсе не означает, что в настоящее время во Франции имеется король, потому что Шарль может иметь неверные сведения о современном государственном строе Франции.

Фазисные предикаты начинать, продолжать, прекращать (переставать), модальные предикаты, выражающие субъективную и объективную модальность,¹¹ типа мочь (в значении англ. *can* или франц. *pouvoir*), колебаться, сожалеть, а также глаголы знать, понимать, мешать, избегать и др., имеющие в качестве зависимых включенные предикаты, действуют как пресуппозиционные дырки. Например, предложение «Жан бьет свою жену»¹² имеет в качестве пресуппозиции предложение «У Жана есть жена». Если в первое предложение ввести фазисный предикат, например переставать, то он пропустит эту пресуппозицию. Ср.: «Жан перестал бить свою жену» означает, что у Жана есть жена. Более того, для данного предложения пресуппозицией является и второе предложение: тот факт, что Жан перестал бить свою жену означает, что он ее бил.

В качестве фильтров выступают обычно включающие предикаты типа пропозициональных связок: если, то, и, или, а, но и др.¹³

При наличии сложных многопредикатных выражений важно знать закономерности действия пресуппозиционных механизмов, связывающих части этих выражений. Д.Лангендуном [315] была выдвинута "кумулятивная гипотеза", суть которой заключается в том, что пресуппозиция сложного предложения равна сумме пресуппозиций образующих его простых предложений. Однако эта гипотеза подтверждается далеко не во всех случаях (см. [321, 187]). Дж.Лакофф [311] предложил идею иерархии пресуппозиций, согласно которой можно заблокировать пресуппозицию высшего уровня без семантических нарушений, но нельзя

¹¹ О различии между глаголами с объективной модальностью (*epistemic modals*) и глаголами с субъективной модальностью (*root modals*) см. [314].

¹² Примеры Д.Лайтфута.

¹³ Интересный анализ фильтрующих свойств русского союза а выполнен Г.Е.Крейдиным и Е.В.Падучевой [129]. Английские союзы *if*, *and* и *but* анализировались Р.Лакофф [313].

этого сделать с пресуппозицией низшего уровня. Однако оказывается, что отношения между пресуппозициями в существенной степени зависят от пресуппозиционных средств (пробки, дырки, фильтры), используемых на различных уровнях иерархии.

Поскольку пресуппозиция представляет собой один из аспектов значения ПВ, она, естественно, должна найти отражение в СемС. Возникает вопрос, каким образом это сделать. При решении этого вопроса, видимо, нужно исходить из того факта, что отношение пресуппозиции существует минимум между двумя ПВ. Тогда если одно ПВ является утверждением, а второе представляет собой пресуппозицию, то последнее получает индекс л.

Если некоторое ПВ является включенным по отношению к предикату, действующему как пробка, то заблокированная пресуппозиция получает индекс л̄. Когда оба ПВ оказываются пресуппозициями (такие высказывания также существуют, см. [261, 2]), соответствующую маркировку получает то и другое ПВ. Включающие предикаты, действующие как пробки, дырки или фильтры, могут быть обозначены соответственно через *pl*, *hl*, *ft*. То ПВ, которое является утверждением, может не получать специального индекса, так как утвердительный характер его будет виден по индексу пресуппозиции. Таким образом, в СемС можно отразить всю важную пресуппозиционную информацию.

Что касается связи пресуппозиций с актуальным членением, то здесь необходимо прежде всего сказать о различии между ними. Формальное различие заключается в том, что для пресуппозиции необходимо наличие минимум двух ПВ, причем одно из них может имплицитно содержаться в другом; например, в ПВ «Иван строит дом» имплицитно содержится ПВ «Дом строится», которое является его пресуппозицией. Компоненты же актуального членения могут быть выделены в составе одного ПВ, так как для них достаточно его рамок. Например, при нормальной (неэмфатической) интонации темой в первом предложении будет Иван, а ремой — дом, во втором предложении — соответственно дом и строится. Если вводится новое ПВ, то пресуппозиционные отношения между ними будут зависеть от предикатов. При введении каузативного предиката (ср. «Петр советует Ивану строить дом») пресуппозиция «Иван строит дом» блокируется; при введении фазисного предиката (ср. «Иван начинает строить дом») эта пресуппозиция пропускается. Пресуппозиция будет также в сильной степени зависеть не только от типа предикатов, но и от конкретной семантики каждого из них. Характер актуального членения в этих условиях также меняется, так как при введении дополнительных ПВ простые сообщения часто превращаются в сложные (по терминологии И.Ф.Вардуля, см.

[58]). Так, актуальное членение предложения «Петр советует Ивану строить дом» можно представить формулой $T - P [T' - P']$, где T - Петр, P - Иван строит дом в составе главного сообщения, T' - Иван, P' - дом в составе придаточного сообщения (подробнее см. в [58]). Однако предложение «Иван начинает строить дом» имеет простую актуальную структуру $T - P$.

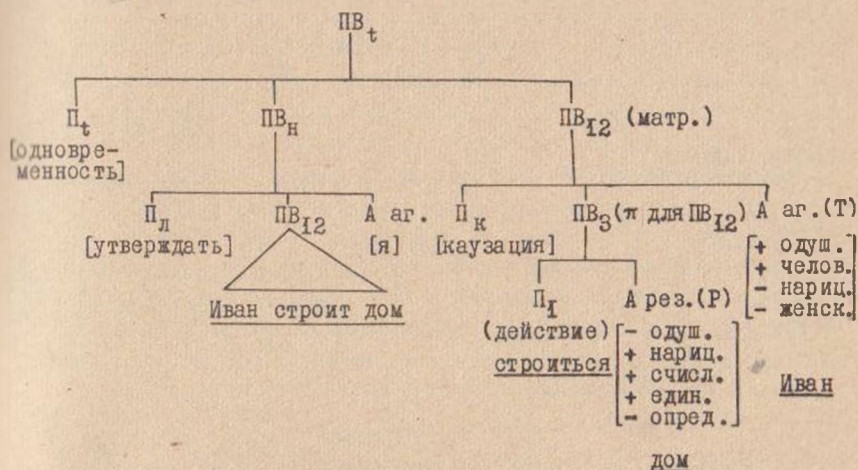
Пресуппозиция и актуальное членение отличаются и в содержательном отношении. Назначение актуального членения состоит в том, чтобы вычленив в составе однопредикатного или многопредикатного предложения компонент известного знания, служащий привязкой к тексту, и компонент, содержащий новое знание, которое должно двигать сообщение вперед. Пресуппозиция же представляет собой семантическую предпосылку для осмысленности высказывания и, следовательно, прямо не связана с функциональной перспективой. Но она, так же как и актуальное членение, участвует в организации смысла связного текста, хотя вклад их в эту организацию различен. Пресуппозиция примыкает к логическим понятиям истинности и ложности, тогда как функциональная перспектива относится к этому индифферентно. Актуальная структура знаменитого щербовского «Глокая куздра штеко будланула бокра» вполне прозрачна, тогда как о пресуппозиционной структуре говорить здесь, пожалуй, бессмысленно.

Четче связь между актуальным членением и пресуппозицией выявляется через фокус, который представляет собой выделение контрастным, или логическим, ударением того или иного слова в составе ПВ или предложения. Если в предложении имеется фокус, то он одновременно является ремой. В обычных условиях рема может включать в себя одно или несколько слов, в то время как фокус сокращает рему до одного слова. Действительно, в предложении «Иван знает модальную логику», произнесенном с нейтральной интонацией, тема будет соответствовать слову Иван, а рема - сочетанию модальную логику, потому что данное предложение может быть ответом на вопрос «Что знает Иван?» Если же слово модальную выделить логическим ударением, то это слово станет фокусом и рема сократится только до одного этого слова, потому что такое предложение будет ответом на вопрос «Какую логику знает Иван?» (темой будет Иван знает логику). В то же время, фокус всегда лежит в зоне действия пресуппозиции, поскольку предложение с интонационным центром на слове модальную будет иметь пресуппозицию Существуют и другие логики, кроме модальной. Факты такого рода и являются подтверждением сложной связи, существующей между актуальным членением и пресуппозицией. Рему, совпадаю-

с фокусом, можно маркировать в СемС символом р^ф.

В заключение приведем примеры СемС, в которых учтена грамматическая, пресуппозиционная и актуальная семантика. С этой целью возьмем приводившиеся выше предложения: а) «Иван строит дом»¹⁴ и б) «Петр советует Ивану строить дом» (в схемах СемС будут отражаться также деривационно-семантические отношения между ПВ).

С х е м а 32

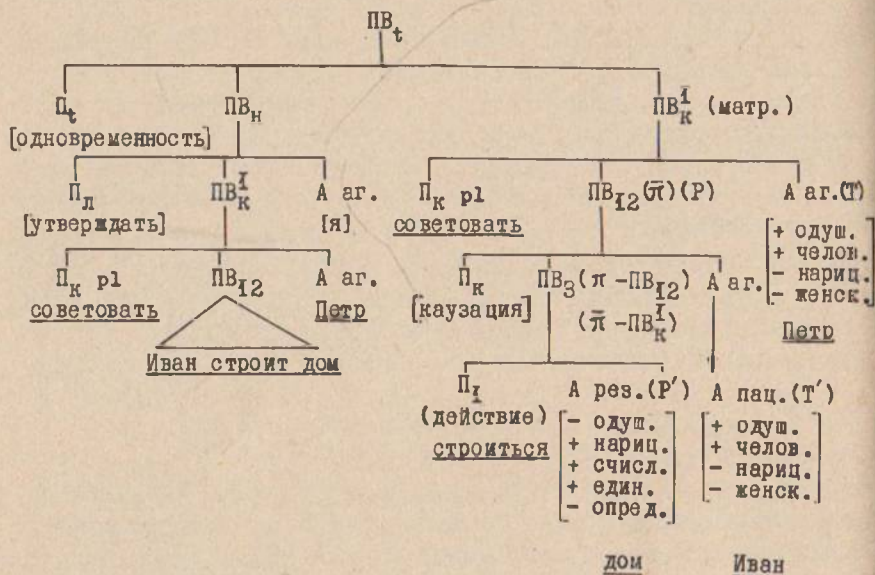

Примечание: В схемах 32 и 33 приняты следующие условные обозначения: PV_t – предикатное выражение, обусловленное грамматической категорией времени; P_t – предикат одновременности; PV_n – предикатное выражение, обусловленное грамматической категорией наклонения (см. [257, 100–101]); PV_3 и PV_{I2} – предикатные выражения по табл. I; PV_K^I – предикатное выражение на каузативном предикате P_K , который является матричным; отношение одновременности устанавливается в схеме 32 между PV_n и PV_{I2} , а в схеме 33 между PV_n и PV_K^I ; Т, Р – тема и рема в независимом или в главном сообщении; Т', Р' – тема и рема в зависимом сообщении; π означает, что данное ПВ является пресуппозицией для следующего вышестоящего ПВ или для какого-нибудь другого; $\bar{\pi}$ – PV_K^I означает, что пресуппозиция данного PV_3 заблокирована каузативным предикатом, входящим в состав PV_K^I ; р1 указывает, что данный предикат является пробкой;

¹⁴ В смысле: Иван сам строит, а не является только посредником в строительстве, а также в смысле факта, а не процесса.

А аг. $\rightarrow$ А пац. означает, что под влиянием каузативного предиката агентив переходит в пациентив; П_л - скрытый локутивный предикат, входящий в ПВ_н; [-опред.] - сема неопределенности; слова, подчеркнутые сплошной линией, входят в состав высказывания как лексические значения; слова, заключенные в квадратные скобки, входят в состав высказывания как грамматические значения; треугольник соответствует неразвернутому ПВ.

С х е м а 33

Глава V. СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРЕДИКАТНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

§ I. Трансформации предикатных выражений в синтаксические структуры

Система ПВ, описанных в гл. III и IV, соответствует уровню формирования смысла и может быть названа системой СемС.

СемС представляют собой лингвистические абстракции, имеющие в качестве области своего существования конкретные синтаксические образования, которые проявляются во множестве реально наблюдаемых речевых высказываний. Синтаксические структуры также являются лингвистическими абстракциями, в меньшей степени удаленными от своего морфологического и фонетического воплощения, нежели СемС. Таким образом, в каждом материально воплощенном в речи высказывании заложена некоторая синтаксическая схема в качестве первой ступени абстракции и некоторая семантическая схема в качестве второй ступени абстракции. Естественно, что эти схемы каким-то образом соотносятся друг с другом. Средством такого соотнесения является операция, именуемая термином "трансформация". Трансформации по своей природе могут быть не только синтаксическими, но также и морфологическими, словообразовательными и фонологическими. Однако объектом дальнейшего анализа будут только синтаксические трансформации, т.е. операции, посредством которых одно или несколько ПВ преобразуются в некоторую конкретную синтаксическую конструкцию. Критерием эквивалентности такого преобразования является тождество смысла, или синтаксическая синонимия. Существуют два уровня синтаксической синонимии: 1) трансформационный уровень, 2) уровень перифразирования.

В первом случае синтаксические синонимы, или трансформы, связаны друг с другом общекатегориальными и частнокатегориальными преобразованиями. Во втором случае синтаксические синонимы, или перифразы, связаны друг с другом более сложными преобразованиями, к числу которых относится, например, замещение одного из слов перифраза или нескольких слов их лексическими синонимами, замена слова или группы слов их содержательным толкованием, или дефиницией, и т.д. Как в случае трансформации, так и в случае перифразирования можно думать о наличии единой СемС, являющейся семантическим инвариантом для связанных друг с другом трансформов или перифразов. Применительно к трансформационному уровню эта идея стала одним из руководящих принципов. Однако в последние годы эта идея распространилась и на уровень перифразирования, что можно рассматривать

как новую ступень в развитии семантики. Мнение о том, что в основе связанных друг с другом перифразов лежит единая СемС, было особенно четко выражено Ф.Саусворсом, который писал: "Для любого множества высказываний, являющихся перифразами друг друга, существует единая базовая структура, или, во всяком случае, такой подход к описанию языка возможен и плодотворен" [201, 29]. Сходные взгляды высказывались и другими исследователями [301, 10].

Четких границ между трансформированием и перифразированием не существует, так как при трансформационном преобразовании иногда имеет место частичное перифразирование, выражающееся в некоторых лексемных заменах, которые можно рассматривать как лексические синонимы. Поэтому в дальнейшем мы будем основываться преимущественно на трансформационном принципе и использовать перифразирование только в тех случаях, когда трансформационного аппарата окажется недостаточно.

Не следует, однако, думать, будто по поводу трансформационного уровня синтаксической синонимии в литературе существует полное единство взглядов. Напротив, иногда сомнению подвергается синонимия даже простейших типов трансформаций, в отношении которых прежде как будто бы не было никаких расхождений. Чрезвычайно показательна в этом отношении полемика, развернувшаяся между П.Зиффом [101], с одной стороны, и Дж.Катцем и Э.Мартинотом [114] — с другой. П.Зифф поставил под сомнение синонимичность таких конструкций, которые всегда считались классическим образцом синтаксической синонимии, а именно активных и соответствующих им пассивных конструкций. В этой дискуссии точка зрения Дж.Катца и Э.Мартина в целом представляется более конструктивной, нежели позиция П.Зиффа. Действительно, отрицая синтаксическую синонимию, П.Зифф по существу закрывает все пути к изучению тождества и различия смыслов и остается на уровне индивидуальных реализаций предложений.

Трансформационная синонимия обеспечивается такими, например, синтаксическими преобразованиями, как номинализация [318], пассивизация, имперсонализация, линеаризация и т.д. Эти преобразования меняют в основном набор грамматических значений, присущих некоторому ПВ.

Основным объектом последующего анализа будет преобразование типа обычных синтаксических трансформаций. Это значит, что смысл ПВ, выступающий как СемС относительно всех своих трансформов, может рассматриваться как их семантический инвариант. Иначе говоря, различия между трансформами одного ПВ будут интерпретироваться

как различия грамматического характера наподобие того, как различия между словоформами одной лексемы являются различиями грамматическими. Если отказаться от этого тезиса, то всякий разговор о синтаксической синонимии станет беспредметным.

Поскольку трансформы ПВ представляют собой синтаксические объекты, то существенно остановиться на некоторых особенностях синтаксической организации ПВ с тем, чтобы знать, какими синтаксическими средствами обеспечивается его разнообразие.

§ 2. Синтаксические планы, или аспекты

Синтаксические трансформы ПВ создаются сложным взаимодействием самых различных синтаксических аспектов. При этом под синтаксическим аспектом можно понимать ту или иную сторону трансформации, важную для его существования как синтаксического объекта. Среди трансформов ПВ важное место занимает единица, традиционно именуемая предложением. Эта единица, собственно, и представляет собой основной объект синтаксиса, обладающий свойством коммуникативности, поскольку все прочие трансформы входят на правах компонентов в состав предложения. Предложение, соответствующее одному ПВ, иногда называют элементарным предложением.¹ Большинство предложений строится на базе объединения нескольких ПВ.

Проблема синтаксических аспектов не является в литературе новой. Она неоднократно затрагивалась многими синтаксистами, но наиболее подробно была рассмотрена в работах В.Г.Адмони, И.Эрбена и Л.Теньера.

В.Г.Адмони выдвинул идею о "многолинейности речевой цепи" [11, 40], о "многомерности грамматических явлений" [12, 35] и о партитурном строении смысла предложения [10, 5]. Продолжением этой идеи явились исследования В.Г.Адмони в области аспектов предложения. Он выделяет семь таких аспектов: 1) логико-грамматический, 2) модальный, 3) полноты предложения, 4) места предложения в развернутой речи, 5) познавательной установки говорящего, 6) коммуникативной задачи предложения и 7) степени его эмоциональности [12, 233-234]. В дальнейшем эти семь аспектов без существенных изменений приводились также и в других его работах [13, 43-45; 260, 231-257].

Аспекты, отмеченные В.Г.Адмони, отражают важные особенности

---

¹ Несколько иначе термин "элементарное предложение" понимается в [13, 18-19].

предложения. Вместе с тем они характеризуют предложение в основном с точки зрения его речевой реализации. В то же время некоторые важные аспекты, например, сочетательный и в частности иерархический, а также линейный и категориальный, остались вне поля зрения В.Г.Адмони.

Более простую, но не лишенную интереса, систему синтаксических аспектов предложил И.Эрбен [287]. Он выделяет в каждом предложении формальную, или внешнюю, структуру (*die formale Struktur*) и функциональную, или внутреннюю, структуру (*die funktionale Struktur*) [287, 519-520]. С точки зрения первой предложение может быть охарактеризовано как построение, в котором выделяются главная и зависимая части, а также различные виды лексических групп (*Wortgruppen*). Что касается второй, то предложение характеризуется синтаксическими функциями частей речи, лексических групп и придаточных предложений. Здесь же учитывается и функция всего предложения в составе более обширных речевых образований, а также функциональное взаимодействие на уровне частей речи и грамматических категорий.

В системе И.Эрбена нашли отражение важнейшие аспекты предложения — формальный и функциональный, — однако эти аспекты у него в значительной степени не равнообъемны. Так, формальный аспект включает в себя структурные и категориальные характеристики, в то время как функциональный аспект сформулирован на базе единого понятия синтаксической функции. Такой важный аспект предложения, как линейный, оказался, однако, неучтенным.

Наиболее полно система аспектов предложения была описана Л.Теньером [347]. Характерная особенность его системы в том, что она независимо от конкретных языков и от конкретных моделей предложения, т.е. носит универсальный характер. Большой заслугой Л.Теньера можно считать то, что он отграничил семантический аспект от синтаксических. В рамках синтаксиса Л.Теньер выделяет четыре аспекта: 1) структурный, 2) линейный, 3) категориальный и 4) функциональный. Структурный аспект отражает систему синтаксических связей предложения, которая может быть представлена в виде своеобразной сетки отношений, имеющей иерархическое строение; линейный — линейную организацию предложения, т.е. "порядок слов". Структурный и линейный аспекты, по мнению Л.Теньера, занимают центральное место в синтаксисе. "Весь структурный синтаксис, — писал он, — зиждется на отношениях, существующих между структурным и линейным порядками" [347, 19]. Существо этих отношений сводится к тому, что

линейный аспект имеет одно измерение, а структурный — несколько измерений. Это приводит к антиномии между ними, которая разрешается использованием синтаксических разрывов, или неконтактных синтаксических связей.

Категориальный аспект отражает категориальную (частеречную) природу синтаксических единиц, образующих предложение; функциональный характеризует эти единицы с точки зрения выполняемых ими синтаксических функций. И тот и другой аспекты находятся в таком же тесном взаимодействии друг с другом, как структурный и линейный.

Таким образом, Л.Теньеру удается отразить почти все фундаментальные аспекты, существенные для характеристики предложения. Все эти аспекты важны для описания предложения как на уровне его абстрактной схемы, так и на уровне его конкретной лексико-фонетической реализации. Однако во втором случае важной характеристикой предложения оказывается интонационный, или просодический, аспект [51], который тесно взаимодействует с не отмеченным Л.Теньером коммуникативным аспектом, связанным с актуальным членением предложения.

Изучением каждого из рассмотренных аспектов занимается специальный раздел семантики или синтаксиса. Например, синтаксические аспекты изучаются такими разделами синтаксиса, как категориальный синтаксис (синтаксис частей речи), функциональный синтаксис (синтаксис членов предложения), сочетательный синтаксис (синтаксис связей), линейный синтаксис (синтаксис порядка слов), интонационный синтаксис (синтаксис интонационно-мелодического оформления предложения). Все эти аспекты характеризуют предложение как изолированную языковую или речевую единицу и, таким образом, могут быть отнесены к той части синтаксической науки, которую удобно назвать микросинтаксисом.

Наряду с микросинтаксисом, должен, естественно, существовать и макросинтаксис, именуемый также синтаксисом связного текста. Основными объектами этой науки являются межфразовые связи и структура сверхфразовых единств. Важно при этом отметить, что поскольку межфразовые связи являются по своей природе семантическими, то они помимо макросинтаксиса должны принадлежать также и к сфере синтаксической семантики.

Несколько своеобразное положение занимает коммуникативный синтаксис. С одной стороны, основные компоненты этого синтаксиса вычленяются в составе предложения как изолированной единицы и, следовательно, отражают микросинтаксический аспект актуального

членения. С другой, актуальное членение отражает зависимость предложения от текста, в состав которого это предложение входит, а это уже относится к сфере макросинтаксиса. Наконец, актуальное членение имеет и семантические корреляты в структуре предложения.

Разумеется, все рассмотренные нами аспекты тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга в рамках такого сложного объекта, как текст. Поэтому выделение их в известной мере условно, но необходимо для того, чтобы можно было детально рассмотреть каждую синтаксическую и семантическую особенность текста (к вопросам макросинтаксиса мы обратимся еще в § 7).

Перечисленные выше аспекты предложения и текста и изучающие их разделы синтаксиса и семантики как наук можно ориентировочно представить в виде табл. 3.

Т а б л и ц а 3

	Разделы науки		Изучаемые аспекты
Микро-синтаксис	Категориальный синтаксис	Синтаксические структуры	Части речи
	Функциональный синтаксис		Синтаксические функции (члены предложения)
	Структурный (сочетательный) синтаксис		Синтаксические внутрифразовые связи
	Линейный синтаксис		Порядок синтаксических единиц
	Интонационный синтаксис		Интонационное оформление предложения
Макро-синтаксис	Коммуникативный синтаксис	Семантические структуры	Актуальное членение предложения
	Синтаксис связного текста		Межфразовые связи и структура сверхфразовых единств
	Синтаксическая семантика		Смысл отдельного предложения

§ 3. Категория и функции в синтаксисе

ПВ и их объединения существуют в форме синтаксических объектов, таких, как предложение, оборот, словосочетание и слово. Поскольку все перечисленные объекты, кроме предложения, являются его частями, то основным объектом синтаксиса оказывается предложение. Элементы, образующие предложение, должны быть категориально и функционально оформлены. Под категориальным оформлением принято понимать выражение элементов предложения в категориях частей речи, под функциональным — манифестацию их в терминах членов

предложения. Категории и функции относятся к числу "вечных" проблем, поэтому обсуждение их всегда связано с трудностями, однако обойти этот вопрос молчанием в синтаксисе невозможно. Мы коснемся здесь того и другого, но под определенным углом зрения.

Здесь имеется в виду мнение многих известных лингвистов о том, что подлинными частями речи являются только четыре класса слов: существительное, глагол, прилагательное и наречие. Подобного взгляда придерживались А.М.Пешковский, Ч.Фриз, Е.Курилович, О.П.Суник, Л.Тенбер, У.Вайнрайх и др.

Например, А.М.Пешковский проводил четкую грань между четырьмя основными частями речи и прочими классами слов. Он усматривал привилегированное положение первых в том, что они представлены во всех человеческих языках, обуславливают все другие категории типа причастия, деепричастия, герундия и т.д., в которых смешаны категории основных частей речи [185, 92].

Учитывая столь исключительное положение этих четырех классов слов в системе языка, А.М.Пешковский не без основания говорил, что "это своего рода планеты нашей языковой солнечной системы" [185, 119], вокруг которых вращается большое количество осколков-астероидов. Он показал также особый статус всех остальных классов слов.

Аналогичные четыре класса слов выделял в системе английского языка Ч.Фриз [290]. Он обозначал эти классы цифровыми индексами, однако отмечал, что класс 1 соответствует существительному, класс 2 - глаголу, класс 3 - прилагательному, а класс 4 - наречию. Помимо основных классов слов Ч.Фриз выделял еще 15 функциональных групп, к которым относятся различного рода служебные слова (предлоги, союзы, частицы, артикли и т.д.). Характерно, что при определении основного критерия, на основании которого производится распределение слов по классам (частям речи), он указывал функцию и позицию [290, 73] и исключал возможность существования некоторой единой характеристики вроде категориального значения, которое было бы присуще всем словам одной части речи.

Принципы четырехкомпонентной системы частей речи изложены О.П.Суником [221]. Подлинными частями речи он считает только существительное, глагол, прилагательное и наречие, которые характеризуются присущим им категориальным значением. Все прочие разряды слов выделены, по мнению О.П.Суника, по другому принципу и, следовательно, не могут считаться частями речи [221, 108].

Категориальные значения, по словам О.П.Суника, выступают как лингвистические универсалии, присущие всем языкам без исключения,

тогда как наборы грамматических значений (род, число, падеж, время, залог, наклонение и т.д.) для каждой части речи имеют специфический, национально-языковой характер.

В отличие от Ч.Фриза О.П.Суник не придает существенного значения синтаксическим функциям частей речи и их морфологическому оформлению [221, 121]. С второстепенным характером морфологии при классификации слов по частям речи в общем можно согласиться, однако тезис О.П.Суника о синтаксической нерелевантности частей речи является, как будет показано ниже, ошибочным.

Ту же четырехклассную систему частей речи предлагают также У.Вайнрайх (см. гл. II) и Е.Курилович. По мнению Е.Куриловича, основанием для выделения этих четырех частей речи в особую группу являются признаки основной лексической или первичной синтаксической функции, а также лексического и грамматического значения [140, 66]. Первичными синтаксическими функциями для существительного являются подлежащее, для прилагательного — определение и т.д. Прочие классы слов не могут быть охарактеризованы этими признаками. Е.Курилович показал также особое положение местоимений и числительных, которые, по его мнению, могут быть распределены по основным четырём классам, отметил сходство синтаксических функций предлогов и подчинительных союзов и охарактеризовал все прочие служебные части речи, указав на их специфику.

Многие положения Е.Куриловича перекликаются с основными тезисами Л.Тенъера, который наиболее детально разработал и обосновал принципы четырехклассной системы частей речи. Все слова, имеющиеся в том или ином языке, Л.Тенъер делил на два больших разряда: 1) полные слова (*mots pleins*) и 2) пустые слова (*mots vides*). Все полные слова характеризуются тем или иным категориальным значением, которое отсутствует у пустых слов. Под категориальным значением существительного он понимал значение субстанции, глагола — процесс, прилагательного — атрибут субстанции, наречия — атрибут процесса [347, 53-63]. Что касается "пустых слов", то, как писал Л.Тенъер, "это простые грамматические средства (*outils grammaticaux*), роль которых сводится исключительно к тому, чтобы указывать, уточнять или преобразовывать категорию полных слов и регулировать отношения между ними" [347, 53]. Пустые слова у Л.Тенъера совпадают с функциональными словами у Ч.Фриза или с частицами речи у В.В.Виноградова [64, 520-567]. Все пустые слова Л.Тенъер делит на два класса: 1) юнктивы (*jonctifs*) и 2) транслятивы (*translatifs*). Те

и другие служат для того, чтобы "разнообразить структуру предложения" [347, 80], причем первые разнообразят ее количественно, т.е. увеличивают объем или размеры предложения, тогда как другие разнообразят ее качественно, т.е. вызывают различные структурные перестройки в составе предложения. К юнктивам Л.Тенъер относит все типы сочинительных союзов, в то время как транслятивы включают в себя подчинительные союзы и союзные слова, предлоги, вспомогательные глаголы и связки, отчасти артикли.

В настоящее время имеются все основания утверждать, что концепция, согласно которой в пределах имеющихся в каждом языке частей речи выделяются четыре основных класса слов, характеризующихся единым критерием, стала весьма распространенной и влиятельной в лингвистике. Эта концепция в той или иной мере сказывается на воззрениях даже тех ученых, которые ее в целом не придерживаются. В качестве примера можно сослаться на Л.В.Щербу, который в своей известной статье [251] предложил более дробную систему частей речи и не выделял в самостоятельный разряд существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Однако, разделив все слова на знаменательные и служебные, Л.В.Щерба пишет: "С категорией слов знаменательных контаминируются более частные категории: существительных, прилагательных, наречий, глаголов и т.д." [251, 68]. Мы знаем, что имел в виду Л.В.Щерба под "и т.д.". Однако едва ли случался тот факт, что среди знаменательных слов он прежде всего выделил рассматриваемые нами четыре части речи, а все остальное отнес к категории "и т.д."

Выделение существительных, прилагательных, глаголов и наречий в отдельный разряд, которому приписывается особый статус в языке, не случайно. Оно имеет глубокий лингвистический смысл, сущность которого заключается в том, что эта парадигматическая классификация слов тесно коррелирует с синтагматической классификацией синтаксических функций. Именно поэтому многие лингвисты, например Ч.Фриз, А.И.Смирницкий [210, 103], А.А.Шахматов [246, 422], Л.В.Щерба [251, 64], Л.Тенъер, Е.Курилович и др., подчеркивали решающую роль функционального признака при определении статуса любой из четырех основных частей речи. Так, например, Е.Курилович, в этой связи писал: "Структурный анализ языка доказывает, что устаревшая теория, устанавливающая соотношения между частями речи и их синтаксическими функциями, не лишена основания. Возражение, состоящее в том, что части речи могут играть любую роль в синтаксической структуре словосочетания или предложения, не учитывает того факта, что между различными синтаксическими функциями одной части ре-

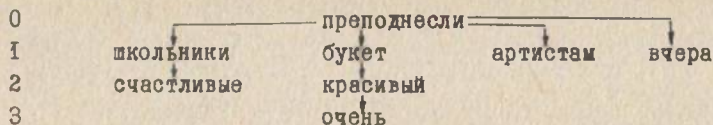
чи существует иерархия и для каждой части речи имеется основная (исходная) или первичная, синтаксическая функция" [140, 61].

Примерно такого же взгляда придерживается и Л.Теньер, который несколько расширяет синтаксические функции существительного, не ограничивая их только подлежащим, а распространяя их и на дополнения. Функцию существительного Л.Теньер называет актантной, функцию прилагательного – атрибутивной, или эпитетной (*épithète*), наречия – сирконстантной, тогда как глагол образует центр предложения. В дальнейшем функцию финитного глагола в предложении стали именовать термином "доминанта" [237].

Таким образом, категориальные значения, присущие основным частям речи, тесно коррелируют с их функциональными значениями, реализующимися только в составе предложения. Однако такая корреляция может наблюдаться также между категориальным значением слова и его семантикой. Действительно, категориальное значение предметности не совпадает с лексическим в словах типа бег, близна, веселье и т.д., но совпадает с ним в словах дом, человек, вода и т.д. Категориальное значение качественности не совпадает с семантической качественностью в словах типа второй, каменный, отцовский, ползучий и т.д., но совпадает с ней в словах белый, высокий, сильный и т.д.

Систему синтаксических отношений между такими категориально-семантическими значениями можно представить в виде графа, если учитывать обычные сочетаемостные признаки частей речи. При условии вершинности доминанты указанный граф (дерево) для предложения «Вчера счастливые школьники преподнесли артистам очень красивый букет» будет иметь следующий вид:

С х е м а 34

Примечание: В синтаксических графах мы будем использовать для обозначения отношений прямые линии. Стрелками показано направление от управляющих слов к зависимым.

Любая из использованных в этом графе категорий семантически релевантна. Это значит, что существительные, категориальным значением которых является предметность, соответствуют здесь подлинным

предметам (вещам); прилагательное, категориальным значением которого является качественность, выражает здесь подлинное качество и т.д. В то же время категории соответствуют определенным функциям. Таким образом, схема получается категориально-функционально-семантической. Это соответствие четко выражается в ее иерархическом строении. Действительно, на нулевом уровне расположен глагол-доминанта. Уровень 1 занимают существительные-актанты и приглагольные сирконстанты (обстоятельства), уровень 2 - атрибуты-прилагательные, а уровень 3 - приадективные сирконстанты. Эти уровни соответствуют известным рангам О.Еслерсена [88, 107-121]. Кано- низированное синтаксическое дерево, построенное на базе первичных функций синтаксических категорий, будет иметь следующий вид:

С х е м а 35

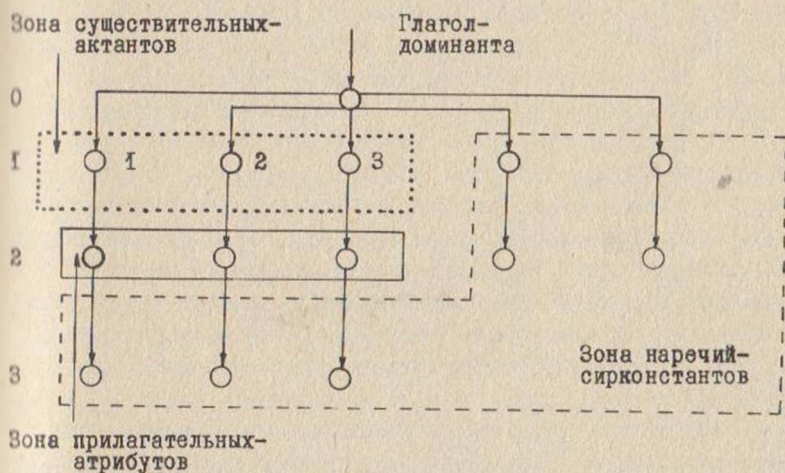

Схема канонического дерева не означает, что СемС соответствующего ему предложения будет иметь элементарный вид. Сложность СемС зависит от числа входящих в его состав предикатных семантем. Предикатными же являются в этой схеме все слова, кроме существительных. Следовательно, все основные зоны канонического дерева, кроме актантной, являются предикатными.

Отношения между СемС и каноническим синтаксическим деревом можно сформулировать в виде следующих правил:

1. Вещные аргументы выражаются существительными и занимают в синтаксическом дереве позицию актантов.

2. Предикат, определяющий отношения между вещными аргументами, выражается глаголом в функции сказуемого. Такому сказуемому в

современной теории синтаксиса приписывается доминантная позиция. Тот факт, что второй и третий актанты (прямое и косвенное дополнения) зависят от сказуемого, признавался лингвистами всегда. Однако подчиненное положение первого актанта (подлежащего) не казалось таким определенным. В лингвистической литературе по этому вопросу можно встретить три точки зрения: а) сказуемое подчинено подлежащему, б) сказуемое и подлежащее взаимно подчинены друг другу, т.е. находятся в отношении коллатеральности, в) подлежащее зависит от сказуемого.

Первая точка зрения широко представлена в традиционном синтаксисе (см. [9, 50, 52; 73, 370, 386; 185, 56; 246, 247]). Зависимый характер сказуемого от подлежащего усматривался в факте согласования первого со вторым. Однако такое согласование не всегда встречается в русском языке, не говоря уже об огромном числе других языков, где оно вообще не имеет места. Поэтому данный признак не доказывает зависимого характера сказуемого относительно подлежащего.

Вторая точка зрения представлена в трудах дескриптивистов (см. [41, 207]), — пражцев (см. [346, 42]) и некоторых советских лингвистов, например, А.М.Мухина (см. [171, 111]) и Т.П.Ломтева [147, 80-83]. Однако эта концепция коллатеральности получила резко отрицательную оценку со стороны А.А.Холодовича, который писал: "В пользу коллатеральности подлежащего и сказуемого вообще не могут быть приведены какие-либо лингвистические доводы. Коллатеральность так называемых главных членов предложения — наследие формальной логики" [237, 323]. Это суждение представляется нам верным.

Наконец, третья точка зрения в наиболее развернутом виде впервые была изложена Л.Теньером и в дальнейшем получила дополнительную аргументацию со стороны А.А.Холодовича и других лингвистов. По мнению Л.Теньера, не существует никакого различия в синтаксическом поведении подлежащего сравнительно с другими дополнениями (комплементами) [347, 103]. Сходные воззрения выражались и другими крупными лингвистами, например, К.Бейзеллом [266, 15], И.Эрбеном [286, 162], Г.Глинцем [292, 97], И.Криадо де Валем [277, 8].

Точка зрения о доминантном характере сказуемого хорошо обоснована в работе А.А.Холодовича, специально посвященной этому вопросу [237]. В качестве критериев, подтверждающих тождественность лингвистического статуса подлежащего и дополнений, А.А.Холодович

относится на оппозиции двух рангов. Оппозиция первого ранга заключается в тотальном противопоставлении обстоятельств совместно подлежащему и дополнениям. Эта оппозиция была впервые сформулирована Л.Теньером в терминах актантов и сирконстантов. Оппозиция второго ранга имеет место в пределах самих актантов. Членами этой оппозиции являются подлежащее (первый актант) и дополнения (прочие актанты). Эту оппозицию А.А.Холодович называет оппозицией инверсии. В ней трансформационными преобразованиями затрагиваются дополнения и подлежащее, но никогда не затрагиваются обстоятельства. С этой оппозицией связана, например, категория залога, суть которой, по А.А.Холодовичу, заключается в том, что она меняет актанты местами. Таким образом, подлежащее и дополнения как бы сопряжены друг с другом и вместе противопоставлены сказуемому. Именно на основании этих и некоторых других критериев А.А.Холодович делает вывод о том, что "доминантность сказуемого лингвистически доказуема, доминантность подлежащего - нет" [237, 328].

Важным доказательством доминантного характера сказуемого являются также признак репрезентации, сформулированный Е.Куриловичем [139]. Понятие репрезентации означает, что репрезентантом любой синтагмы (словосочетания) в составе предложения является определяемый, или управляющий, член, так как именно с помощью этого члена данная синтагма подключается к другой синтагме или к предложению. В случае атрибутивных, комплетивных и прочих синтагм это самоочевидно. В случае же предикативной синтагмы ее конституирующим элементом будет сказуемое, так как если предложение выступает в функции придаточного, то оно присоединяется к главному через сказуемое, которое обеспечивает внешние связи предложения [139, 55].

Приведенные здесь соображения со всей убедительностью подтверждают целесообразность того способа представления иерархической организации предложения, которое было принято выше. Этот способ представления имеет все основания считаться наиболее лингвистически оправданным.

Прочие отношения между СемС и ее синтаксическим представлением таковы:

3. Предикат, выражающий свойство любого из вещных аргументов, реализуется в каноническом дереве первичных функций в форме атрибута-прилагательного, которое занимает второй уровень иерархии предложения.

4. Предикат второго порядка, аргументом которого является предикат первого порядка (доминанта или атрибут), выражается кате-

гориально наречием, а функционально — сирконстантом.

Рассмотренные здесь правила соответствий по сути дела представляют собой трансформации СемС в СинС, производимые без использования аппарата транспозиции. Эти трансформации определяют выбор категории для аргумента или предиката, выбор функции и позиции в синтаксической иерархии. Может показаться, что категории типа основных частей речи являются свойством не СинС, а СемС. Именно так они и трактуются в некоторых порождающих моделях (например, у Н.Хомского). На самом деле обекткатегориальные значения являются принадлежностью только СинС и не имеют соответствующих аналогов в СемС.

Взгляды, близкие к формулируемой здесь точке зрения, высказывались и раньше. Например, Ф. де Соссюр по этому поводу писал: "Распределение слов на существительные, глаголы, прилагательные и т.д. не есть неопровержимая лингвистическая реальность" [216, 110]. Высказывание Ф. де Соссюра несколько необычно и может показаться крайностью, однако в нем, по-видимому, заложен тот рациональный смысл, что категории не являются фактом глубинной природы, а характеризуют скорее поверхностно-синтаксические объекты (см. также [254]).

Каноническое дерево (схема 35) в обобщенном виде отображает совокупность синтаксических единиц (узлы дерева, обозначенные кружками) и соединяющих их синтаксических связей подчинительного типа (ветви дерева, обозначенные линиями). Каждый узел в таком дереве отличается тем, что он имеет как верхние связи, соединяющие его с узлом вышестоящего уровня, так и нижние связи, которые соединяют его с узлом нижестоящего уровня. Исключение составляет только доминанта, не имеющая верхних связей, и конечные сирконстанты, не имеющие нижних связей. Общее правило подчинения может быть сформулировано так: Верхние связи каждого узла характеризуют его функциональную, нижние — его категориальную принадлежность. Иерархический анализ предложения, синтаксические единицы которого выражены семантически релевантными категориями, показывает, что четырем категориям в нем соответствуют четыре синтаксические функции. В рамках описываемой здесь синтаксической структуры только актаны имеют дополнительные функциональные различия, от которых зависит их порядковый номер, однако эти различия не обусловлены категориально.

В рассмотренном выше каноническом дереве категории использовались в своих первичных синтаксических функциях. Однако такое со-

ответствие существует далеко не всегда. Более того, в подавляющем большинстве предложений любого современного языка это соответствие не будет встречаться.

Имение использования категорий в не свойственных им, т.е. не в первичных функциях принято называть *т р а н с п о з и ц и е й*, или *т р а н с л я ц и е й*. Для понимания существа синтаксических процессов в таких осложненных случаях необходимо разобратся в нападении и функционировании механизма транспозиции.

§ 4. Механизм транспозиции

Имение транспозиции в широкой лингвистической перспективе впервые было описано Ш.Балли [34, 130-143]. Он же предложил и сам термин "транспозиция". Ш.Балли указывал, что часто слово одной категории (части речи) может под влиянием функциональных потребностей перейти в другую категорию, причем семантика данного слова может при этом не претерпевать каких-либо изменений. Такой вид перехода Ш.Балли называл "функциональной транспозицией" [34, 130]. Однако нередко значение транспонированного слова видоизменяется относительно исходного. Такую транспозицию он именовал "семантической".

Процессу транспозиции, по утверждению Ш.Балли, могут подвергаться и целые предложения. Этот процесс он считал "пределной формой транспозиции" [34, 135]. Ш.Балли рассмотрел и некоторые формальные средства выражения транспозиции, главным образом суффиксацию и в меньшей мере служебные слова.

Более детально проблема транспозиции была разработана Л.Теньером [347, 361-660]. Вместо термина "транспозиция" Л.Теньер пользуется термином "трансляция". Л.Теньер подробно анализирует формальные средства категориальной трансляции, различает живую трансляцию, обеспечиваемую служебными словами, и застывшую трансляцию, при которой используются аффиксы.

Второй важной особенностью, которую отмечает Л.Теньер, является разграничение трансляции первой и второй степени. К первой степени относится преобразование слов, ко второй — предложений.

При транспозиции необходимо прежде всего различать исходную и результирующую категории. Слово в исходной категории Ш.Балли называл "транспонандом" (*transponende* — ср. в математике "операнд"), а Л.Теньер — "трансферандом" (*transférénde*). Слово в результирующей категории Ш.Балли называл "транспозатом" (*transposé*), а Л.Теньер — "трансфератом" (*transféré*). Формальное средство, с помощью

которого осуществляется транспозиция, Ш.Балли именует термином "транспозитор" (transpositeur), Л.Теньер — термином "транслятив" (translatif). Таким образом, общую схему транспозиции можно представить в следующем виде:

С х е м а 36

Транспозиция характеризуется еще и направлением преобразования. Реально существуют 4 категории, и в принципе возможен перевод слова из любой категории в любую другую, кроме тождественной. При этом транспозиция может определяться по транспонанду и по транспозату. По транспонанду можно выделить десубстантивную, деадъективную, деадвербиальную, девербальную (отглагольную) транспозиции, по транспозату — субстантивную, адъективную, адвербиальную, вербальную (глагольную).

Всего существует 12 возможных направлений транспозиции, которые можно представить в виде следующей схемы:

С х е м а 37

Из 12 направлений транспозиции в грамматических описаниях различных языков рассматривается только субстантивация прилагательных [56; 209; 213, 282-283] и адъективация [213, 280-282]. Вопрос этот обычно обсуждается либо в морфологии, к которой транспозиция имеет косвенное отношение, либо в лексикологии [214] и стилистике [186]. Что касается синтаксиса, где транспозиция собственно и должна рассматриваться, то ее обычно обходят молчанием. Хорошим исключением, правда, является книга А.М.Пешковского, в которой

няя глава VII посвящена, по существу, транспозиции [185].

В синтаксической системе языка отглагольной транспозиции принадлежит ключевое место среди прочих видов транспозиции.² Это связано с тем, что глагол является предикатным словом и, следовательно, выступает как представитель всего предложения (ср. [139, 53]). При транспозиции глагол-доминанта переводится из матричной позиции во включенную, т.е. понижается в синтаксической иерархии. Такое понижение связано с преобразованием явного, несвернутого предиката в неявный предикат, обладающий различной степенью свернутости. А это, естественно, влечет за собой изменение матричного предложения с явно выраженной предикативностью во включенное предложение с редуцированной, или вторичной, предикативностью, причем эта редукция может иметь различную степень.

Транспозиция глагола может иметь различную направленность в зависимости от функциональных потребностей. Понижение глагола в иерархии означает, что глагол как бы движется по функционально-синтаксическому дереву сверху вниз. При понижении на одну ступень иерархии он транспонируется либо в существительное, либо в наречие, при понижении на две ступени — в прилагательное, на три — в наречие. Каждый результат отглагольной транспозиции (транспозат) имеет соответствующие формы языкового выражения.

Рассмотрим отдельные виды отглагольных транспозиций:

1. Транспозиция "глагол —> существительное".

Типичным результатом этой транспозиции являются отглагольное существительное и инфинитив во многих языках, герундий в английском языке, масдар в арабском языке, и др., но может быть и финитный глагол, вводимый союзом или союзным словом. Самым распространенным транспозитором является аффиксация, иногда в комбинации с предлогами. Указанные формы способны выполнять синтаксические функции всех актантов, однако эта способность у них различна.

В наибольшей степени эта способность присуща отглагольным существительным, которые встречаются в актантных позициях многих синтаксических структур. В наименьшей мере она свойственна инфинитиву, который встречается в актантных функциях в ограниченном числе конструкций. В связи с этим можно говорить о различной степени субстантивации глагола. Отглагольное существительное субстантивировано сильнее, нежели инфинитив. О степени субстантивации

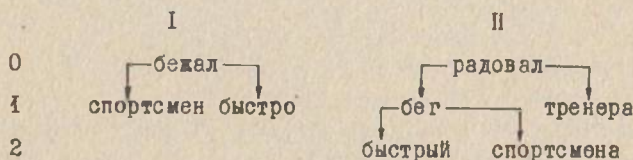
---

² Под "глаголом" здесь понимается финитная форма или ее эквивалент в тех языках, в которых финитных форм не существует.

можно судить по характеру перестройки нижних связей транспонированного глагола. Действительно, транспозиция перестраивает верхние и нижние связи транспонируемого слова. Верхние связи перестраиваются полностью. Нижние же связи могут перестраиваться как полностью, так и частично, причем в различной степени. В случае транспозиции глагола в отглагольное существительное нижние связи последнего перестраиваются в максимальной степени, приближаясь к нижним связям нетранспонированного существительного. Это хорошо видно при рассмотрении следующих двух предложений: а) «Спортсмен бежал быстро», б) «Быстрый бег спортсмена радовал тренера».

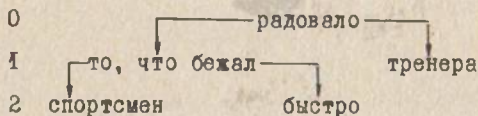
Слово бег в предложении (б) является результатом субстантивной транспозиции глагола бежал. Вследствие этого слово бег понижается в иерархии на один уровень, занимая актантную позицию, тогда как актант спортсмен и сирконстант быстро, находившиеся первоначально на первом уровне иерархии, переходят на второй уровень, где они должны быть оформлены как атрибуты-прилагательные, т.е., в свою очередь, подвергаются транспозиции. Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

С х е м а 38

Если транспозитом будет финитный глагол, а транспозитором - подчинительный союз со словом-коррелятом, то схема подчинения 39 будет такой же, как и схема 38, II, но нижние связи транспонированного слова останутся прежними, т.е. как в схеме 38, I.

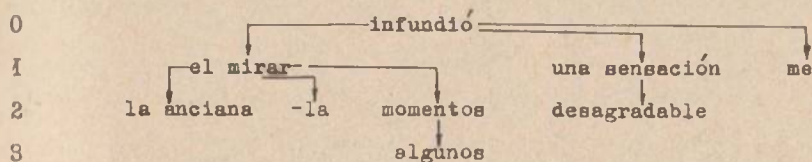
С х е м а 39

Перестройка нижних связей при транспозиции глагола в инфинитив значительно слабее, чем при субстантивации глагола. При инфинитиве обычно неизменными остаются его нижние связи по отношению ко второму и третьему актантам и ко всем его сирконстантам. Пре-

образованиям подвергается в ряде языков только первый актанта (подлежащее), который может либо вообще отсутствовать (так называемый субъектный инфинитив), либо может быть заменен формой непервого актанта (в случае объектного инфинитива). Однако в некоторых языках, например, в испанском, португальском и других, возможен первый актанта и при инфинитиве. Ср. исп. "El mirarla algunos momentos la anciana, me infundió una sensación desagradable". 'То, как несколько мгновений смотрела на нее старуха, произвело на меня неприятное впечатление'. Дерево этого предложения напоминает предыдущее.

С х е м а 40

Таким образом, инфинитивная субстантивация (или инфинитивизация) приводит в данном случае только к изменению верхней связи и к понижению в иерархии, но совершенно не затрагивает нижних связей, которые остаются такими же, как и у финитного глагола. Такую транспозицию можно назвать неполной.

2. Транспозиция "глагол —> наречие".

Самым распространенным транспозатом при этой транспозиции является деепричастие в русском языке, герундий в испанском, португальском и французском языках, сулин в латинском и старославянском, падаливис и пусдаливис в литовском языке. Что касается падежных форм финского и эстонского инфинитива, инфинитива в русском, английском и французском языках, герундия в английском языке и других форм, употребляемых в функции наречий-сирконстантов, то их следует рассматривать как результат двойной транспозиции глагола-сказуемого в существительное и существительного в наречие. Особенно очевиден двойной характер транспозиции в случае сочетания предлога с отглагольным существительным, которые выступают в функции сирконстантов.

Деепричастия и их аналоги в других языках являются результатом неполной транспозиции, поскольку их нижние связи сохраняют четко выраженный глагольный характер. Эта глагольность может быть настолько велика, что деепричастие (например, герундий в испанском языке) может иметь собственный первый актанта. Ср.: "Entonces,

baillándose el corazón de gozo, me senté a la mesa".³ 'Затем, с сердцем, которое плясало у меня от радости, я уселся за стол'.

3. Транспозиция "глагол — прилагательное".

Транспозитом данной транспозиции являются, например, причастия, широко представленные в различных языках мира и различающиеся по залогу, времени и другим грамматическим категориям.

Транспозитором обычно является аффиксация. Причастие есть результат неполной транспозиции, поскольку оно способно сохранять многие глагольные свойства, т.е. может иметь собственные актанты и сирконстанты.

Все виды отглагольных транспозиций являются неполными. Сюда относятся и придаточные определительные, вводимые союзами который, что и союзными словами.

Следует также обратить внимание на то, что во многих языках большинство отглагольных транспозитов имеет специальные морфологические формы.

Обратимся теперь к десубстантивной транспозиции.

4. Транспозиция "существительное — глагол".

Данная транспозиция связана с повышением единицы первого уровня иерархии на одну ступень, т.е. с переводом ее из зависимого положения в независимую, или матричную, позицию. Результатом этой транспозиции являются либо глагольные сказуемые в финитной или в эквивалентной ей форме, либо именные сказуемые со связкой быть, являться, представлять собой и полусвязочными глаголами казаться, становиться, делаться и др. в финитной или функционально эквивалентной ей форме. В качестве транспозитора выступает либо аффикс (в первом случае), либо служебное слово — связка и полусвязка (во втором случае).

При рассмотрении этой транспозиции мы учитываем только исходные (не транспонированные) существительные с вещным значением.

Функциональная транспозиция здесь граничит с семантической. Это особенно хорошо видно при сравнении двух примеров с одинаковым транспонандом. Так, предложение «Наш друг слесарничает в цехе» двусмысленно, так как оно может означать: а) Наш друг занят выполнением слесарных операций в цехе, хотя по специальности он не слесарь; б) Наш друг занят выполнением слесарных операций в цехе и является слесарем по профессии.

³ Пример заимствован из [61, 293].

Предложение же «Наш друг — слесарь в цехе» имеет только смысл (б), но отнюдь не (а). Ясно, что все такие семантические переходы необходимо иметь в виду при рассмотрении транспозиции. Это тем более очевидно в случаях зверь → звереть, пыль → пылить, бур → бурить и т.д., где транспозиция влечет за собой значительно более существенные семантические изменения.

5. Транспозиция "существительное — наречие".

Данная транспозиция не связана с понижением в иерархии, так как существительное и наречие занимают первый уровень синтаксической иерархии, выполняя функции актантов и сирконстантов. Эта транспозиция влечет за собой только перевод слова из актантной части дерева в его сирконстантную часть. В качестве транспозитора выступает обычно аффиксация и служебные слова, чаще всего предлоги. Транспозаты имеют либо косвенно-падежную форму, либо форму предложно-субстантивного сочетания, либо какую-нибудь иную подходящую форму. Вот некоторые примеры, иллюстрирующие рассматриваемую транспозицию: «На ветках липы чирикали воробьи» (М.Г. Трое), «Я волком бы выгрыз бюрократизм» (Маяк. Стихи о советском паспорте).

В синтаксическом дереве транспозаты могут занимать позицию различных сирконстантов: места, образа действия и др.

При данной транспозиции нижние связи транспозатов обычно не перестраиваются. Транспозаты могут иметь в качестве зависимых членов прилагательные-атрибуты, занимающие второй уровень иерархии.

6. Транспозиция "существительное — прилагательное".

Здесь происходит понижение слова в синтаксической иерархии, т.е. перевод его с первого уровня на второй. Транспозиторами являются аффиксы, чаще всего суффиксы и окончания, и служебные слова (предлоги). Функционально эта транспозиция переводит актанты в атрибуты. В зависимости от характера транспозиторов свойства транспозатов могут варьировать в весьма широких пределах. При суффиксальной транспозиции нижние связи подвержены более существенной перестройке, нежели при флективной или предложной. Ср. например: 1. а) «На берегу моря построили дом из камня»;⁴ б) «На берегу моря построили каменный дом; 2. а) «На берегу моря построили дом из белого камня»; б) «На берегу моря построили белокаменный дом».

Транспозат из камня, являющийся атрибутом по отношению к актанту дом, полностью сохраняет свои субстантивные свойства. Это

⁴ Эта интерпретация верна при условии сохранения синтаксической связи между дом и из камня. В случае предложения «На берегу моря из камня построили дом» интерпретация должна быть иной.

находит свое выражение в том, что такой транспозат может иметь в качестве зависимого члена собственный атрибут (ср. из белого камня). Суффиксальный же транспозат каменный является результатом более сильной адъективизации, так как не сохраняет синтаксических свойств существительного. По нижним связям он начинает вести себя как подлинное прилагательное. Так, он может иметь в качестве зависимого только наречие. Ср. белокаменный дом, где первая часть бело- является по своей синтаксической функции наречием-сирконстантом.

Суффиксальными транспозатами рассматриваемой транспозиции являются все относительные прилагательные отыменного образования, причем в качестве имен-транспонандов в данном случае выступают существительные с вещным значением. Семантика таких прилагательных весьма разнообразна и зависит как от значения транспонируемого существительного, так и от конкретного транспозитора. Например, от одушевленных существительных с помощью транспозиторов -ов, -ин, -нин, -ий образуются прилагательные – транспозаты с притяжательным значением. Ср.: Иваново детство, отцов дом, мамино платье, Ирина книга, кошкин дом, гагачий пух и др. В отдельных случаях, особенно в поэзии, данные транспозиторы используются и в сочетании с неодушевленными существительными. Ср.: «Слезы снега с флажых покрасневших век» (Маяк. Владимир Ильич Ленин).

В английском языке эквивалентом указанных выше русских транспозиторов является притяжательный аффикс -'s (-s'). Ср.: *Father's house, Dick's book, Forsytes' house* и т.д.

Помимо группы транспонированных прилагательных с притяжательным значением, существует большое количество группировок таких прилагательных с иной семантикой. В качестве транспозиторов в данном случае выступают другие суффиксы, например, -н-, -ан-, -анн-, -ск-, -ист-, -ат- и др.

В непосредственной связи с обсуждаемыми здесь вопросами находится так называемая проблема *stone wall* в английском языке. Одни авторы, например Г.Суйт [345], В.Н.Жигadlo, И.П.Иванова, Л.Л.Иофик [39, 206] и др., считают, что *stone* в этом сочетании изменяется только функционально, но не категориально, т.е. остается существительным в атрибутивной функции. В противоположность этому О.Есперсен [303], Л.Тенъер [347], И.В.Арнольд [30, 148-149] и др. полагают, что в данном случае меняется не только функциональный, но и категориальный статус таких слов. Эта точка зрения представляется нам более приемлемой, если учесть, что категориальные различия

Слова в языке существуют прежде всего для отражения многообразия функциональных различий. Однако такие слова, становясь прилагательными, в большей степени сохраняют субстантивные свойства, нежели слова типа каменный в русском языке, и приближаются по своим категориальным свойствам к предложно-субстантивным транспозатам типа из камня в сочетании стена из камня. Реально это находит свое выражение в том, что элементы, зависящие от слов типа *stone* в сочетаниях *stone wall* и аналогичных, имеют статус атрибутов-прилагательных, но не сирконстантов-наречий. Ср., например, *bright-stone wall* 'стена из яркого камня', но не **brightly-stone wall* 'яркокаменная стена'. Русские же относительные прилагательные не имеют в качестве зависимых других атрибутов-прилагательных. А это указывает на то, что русские отыменные относительные прилагательные являются продуктом более сильной транспозиции, нежели первые компоненты в английских сочетаниях типа *stone wall*.

Все рассмотренные выше десубстантивные транспозиции связаны с переходом слова из непредикатной в предикатную зону синтаксического дерева.

7. Транспозиция "прилагательное —> глагол".

Данная транспозиция связана с повышением слова в синтаксической иерархии на два уровня, однако этот переход осуществляется в предикатной зоне синтаксического дерева. Транспонандом является исходное прилагательное, а транспозатом — глагол, полученный с помощью таких транспозиторов, как аффиксы и служебные слова (связки и полусвязочные элементы). Транспозиция дает в результате глагольные или именные сказуемые, занимающие матричную позицию. Например: «Штукатур побелил потолок». «Она обузила платье». «Дом был высокий». В составе связочного транспозата в русском языке регулярно употребляется краткая форма прилагательного. Ср.: «Наша ветхая лачужка и печальна и темна» (Пушк. Зимний вечер).

Семантика транспозатов варьирует в широких пределах в зависимости как от семантики транспонанда, так и от типа и конкретного вида транспозитора.

8. Транспозиция "прилагательное —> существительное".

В отличие от предыдущей данная транспозиция приводит к повышению слова в синтаксической иерархии только на одну ступень, однако субстантивно-актантная зона в данном случае оказывается предикатной, так как отадективные существительные представляют собой включенные предикаты (имеются в виду имена качества).

Данная транспозиция осуществляется в два этапа: сначала прилагательное переводится в глагол и лишь затем глагол транспониру-

ется в существительное. Эта особенность была в свое время подмечена Е. Куриловичем, который писал: "Эти существительные [фр. *hauteur*, нем. *Höhe*, русск. высота — В.Б.] образованы не от прилагательных-определений, а от прилагательных в роли сказуемого... Это значит, что они основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным" [140, 64]. Таким образом, транспонандом для таких существительных является по существу глагол и, следовательно, эта транспозиция без промежуточного глагольного этапа невозможна.

В качестве транспозиторов здесь выступает либо аффиксация, либо нулевой транспозитор (использование синтаксической позиции). В обоих случаях транспозиция оказывается полной, так как вызывает полную перестройку нижних связей. Наиболее распространенными суффиксами, характеризующими функциональную транспозицию рассматриваемого вида, являются -ость, -ств-, -изн- и некоторые другие, представляющие собой субстантивные аналоги связки. Ср. важный → важность (из важный → был важным → бытие важным (= важность)); свежий → свежесть; убогий → убогость и убожество; волшебный → волшебство; белый → белизна; дешевый → дешевизна и т.д.

Когда речь идет о транспозиции "прилагательное → существительное", необходимо, чтобы в транспозате сохранялось основное качество прилагательного, а именно: быть свойством. По этой причине примеры вроде наглый → наглец, смелый → смелчак, ловкий → ловкач, светлый → светелка или светлица, крепкий → крепш и т.д. не относятся к транспозиции, так как производные слова в данном случае являются наименованием не свойств, а вещей, хотя и сохраняют в себе указание на свойства (см. об этом [116, 135]). Поэтому все такие примеры можно отнести к собственно словообразованию, а не транспозиции.

9. Транспозиция "прилагательное → наречие".

Данная транспозиция переводит слово в синтаксической иерархии на одну ступень выше (в случае приглагольных наречий) или на одну ступень ниже (в случае приатъективных наречий). Транспонанд — тот же, что и в двух предыдущих транспозициях. В качестве транспозитора используется обычно аффиксация (суффикс или комбинация суффикса с префиксом).

Чисто функциональная транспозиция имеет место тогда, когда транспозитором является суффикс -о (или -е). Ср. тихий → тихо, храбрый → храбро, искренний → искренне и т.д.

В остальных случаях транспозиция сопровождается тем или иным сдвигом семантики или стилистической окраски и, следовательно, но-

лит семантический характер, например, тихий —→ тишком, по-тихому, втихую, втихаря, потихоньку.

В заключение остается рассмотреть отнаренческие транспозиции.

10. Транспозиция "наречие —→ глагол".

Во всех случаях отнаренческих транспозиций во внимание принимаются только исконные, т.е. не транспонированные наречия.

Эта транспозиция является наименее распространенной и занимает периферийное положение в русском и других языках. Транспозитором в данном случае чаще всего выступает связка (быть в значении 'существовать' и 'находиться') или ее эквивалент. Например: «Платье было впору». «Дверь тамбура стоит настежь». "He was there". "Il est debout avant le jour".

Данная транспозиция влечет за собой повышение слова в синтаксической иерархии на один уровень и захватывает только предикатную зону дерева. Она является неполной.

11. Транспозиция "наречие —→ существительное".

В русском языке и, по-видимому, во многих других языках эта транспозиция в чистом виде, т.е. без промежуточной ступени, не встречается. В качестве промежуточной категории обычно выступает прилагательное, ср. зря —→ зряшний —→ зряшность, там —→ тамошний —→ тамошность, тогда —→ тогдашний —→ тогдашность. Интересно, что даже такая двухступенчатая транспозиция представлена в русском языке единичными примерами окказионализмов. Это свидетельствует о слабой деривационной способности наречий. Что касается примеров типа предок, потомок, завсегдатай, то они являются продуктом лексической деривации, а не транспозиции.

12. Транспозиция "наречие —→ прилагательное".

Данная транспозиция представлена в русском языке в основном случаями конверсии некоторых исконных наречий в прилагательные, когда в качестве транспозитора используется синтаксическая позиция, а также весьма редкими случаями аффиксальной транспозиции. Для иллюстрации можно привести следующие примеры конверсионной транспозиции указанного типа: поездка т у д а, п о ч т и дедушка, с о в с е м сирота, Ленинград в ч е р а и др. Выделенные разрядкой слова являются в структуре языка исходными наречиями; ср. «Он поехал туда». «Он работал почти целый день». «Делегация прибыла в Ленинград вчера» и т.д. В предложениях же типа «Поездка туда заняла целый день». «Ленинград вчера совсем не то, что Ленинград сегодня» подчеркнутые слова являются прилагательными, выполняющими атрибутивную функцию.

Второй тип отнаренных адъективных транспозатов представлен словами типа теперешний, здесь, тогдашний и т.п., в которых в качестве транспозитора выступает аффиксация.

13. Производные и многократные транспозиции.

Рассмотренные выше примеры показывают, что из 12 простых, т.е. одношаговых транспозиций, дающих транспозаты первой степени, в русском языке возможны только 10, так как транспозиции 8-я и 11-я без промежуточных ступеней не встречаются.

Однако в любом языке можно найти большое число слов, которые являются продуктом многократной транспозиции. Например, ряд злой → был злым → злоба → озлобил → озлобленный → озлобленно отражает многократную транспозицию прилагательное → глагол → существительное → глагол → прилагательное → наречие. Эта транспозиция в основном функциональна. Каждое последующее слово в ряду включает в себя результат предыдущей транспозиции в виде зафиксированного в нем транспозитора. В последнем транспозате озлобленно сведены воедино и синтезированы все транспозиторы, а именно: о - [зл] - обл - енн - о.

До сих пор рассматривался случай нескольких последовательных шагов транспозиции, причем в ходе их возможно возвращение к исходной категории (ср. злой → → → озлобленный). Разумеется, можно было бы привести большое число трех-, четырех-, пятишаговых транспозиций такого рода. Однако гораздо чаще серия транспозиций прерывается шагом чистого словообразования, за которым опять могут следовать транспозиции. Например: «Производственники провели совещание». Особый интерес для нас представляет здесь слово производственники. Деривационную структуру этого слова можно представить следующим образом: производил → производство → производственный → производственник. Первые два шага деривации соответствуют серийной транспозиции типа "глагол → существительное → прилагательное", отражающей последовательное движение семантемы вниз по синтаксическому дереву. Последний шаг деривации производственный → производственник не является транспонирующим, так как категориальный переход "прилагательное → существительное" сопровождается здесь семантическим переходом "признак → вещь", недопустимым при транспозиции.

Рассмотрение транспозиции даже в самых общих чертах показывает, какой степени достигает, по словам Ш.Балли, "та невероятная сложность, какую транспозиция вносит в механизм языка" [34, 143]. В то же время "как бы ни были сложны приемы транспозиции, именно

последняя подтверждает существование в языке категорий" [34, 143]. Действительно, именно благодаря транспозиции одна и та же семантика может свободно переходить с одного уровня синтаксической иерархии на другой, давая широкие возможности выражению мысли. Однако положение дел еще больше усложняется тем, что транспозиция самым тесным образом взаимодействует и переплетается со словообразованием.

§ 5. Транспозиция и словообразование

В лингвистических исследованиях транспозиция нередко рассматривается в составе словообразования, а иногда даже не выделяется в нем. Это имеет свои причины, поскольку транспозиционные и словообразовательные процессы в языке тесно переплетены друг с другом.

Устанавливая различие между функциональной и семантической транспозицией, Ш.Балли указывал, что первая относится "исключительно к грамматике", тогда как вторая "касается также и лексики" [34, 131]. Но что значит "относится к грамматике"? Это значит, что транспозиция представляет собой явление либо морфологического, либо синтаксического характера. Ш.Балли отмечал, что функциональная транспозиция синтаксична по своей природе и что смещение ее со словообразованием лишено оснований [34, 135].

Аналогичную мысль подчеркивал Л.Теньер. "Чтобы хорошо понять природу трансляции, — писал он, — важно не упускать из виду, что трансляция — это синтаксическое явление и что, следовательно, она выходит за пределы морфологических данных, с помощью которых мы имеем дурную привычку обсуждать синтаксические проблемы" [347, 365]. Л.Теньер постоянно указывал на отличие транспозиции от словообразования [347, 379], хотя и подчеркивал их связанность [347, 403].

Демаркационную линию между транспозицией и словообразованием проводит и Е.Курилович, называя первую "синтаксической деривацией", а вторую "лексической деривацией" [140, 57-70]. Соответственно этому он различает синтаксический и лексический дериваты. Синтаксический дериват, по Е.Куриловичу, это то же самое, что транспозант по Ш.Балли. Термину "транспозитор" соответствует у него термин "синтаксическая морфема". Что касается лексической деривации, то она, по словам Е.Куриловича, "предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции" [140, 62-63]. Иначе говоря, к этому виду деривации он относит при-

меры типа камень → каменщик, рукав → безрукавка, берег → по-бережье, звезда → созвездие, шея → ошейник, mountain → mountaineer, poet → poetess, king → kingdom и др.

Разграничение синтаксической деривации (транспозиции) и лексической деривации (собственно словообразования) наблюдается и в новейших лингвистических исследованиях, например в работе Е.А.Земской [97]. К сфере синтаксической деривации она относит "отглагольные существительные со значением отвлеченного действия" (типа переписывание, разборка, ходьба и др.), "отприлагательные существительные со значением отвлеченного признака" (типа веселость, доброта, белизна и др.) и "отсуществительные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой" (типа грязевой, автомобильный, лесной и пр.).

Е.А.Земская пользуется и термином "транспозиция", под которым она понимает переход одной части речи в другую. Этот переход может либо не сопровождаться изменением лексического значения, либо вызывать такое изменение. Первый случай распространяется на синтаксическую деривацию. "Вся сфера синтаксической деривации, — пишет Е.А.Земская, — относится к транспозиционным типам" [97, 192]. Что же касается лексической деривации, то здесь, по мнению Е.А.Земской, возможны два словообразовательных типа — транспозиционный и нетранспозиционный. Первый тип характеризует переход одной части речи в другую, сопровождающийся изменением лексического значения производного относительно производящего. Во втором случае производное остается в пределах той же части речи, что и производящее, но меняет лексическое значение.

Некоторые правила разграничения формообразования, словоизменения и словообразования приводит также Е.С.Кубрякова [134, 227-235]. Она относит транспозицию к словообразованию, поскольку здесь меняется значение основы, обычно в виде изменения категориальной характеристики; в остальных случаях словообразования меняется и лексическое значение основы [134, 234].

Поскольку транспозиция "работает" прежде всего на синтаксис, для которого важное значение имеют функции, правильной следует считать широкую интерпретацию транспозиции — такую, какая дана в работах Ш.Балли и Л.Тенъера. В этом случае транспозиция будет в себя включать: конверсию, т.е. транспозицию без фонетически выраженного транспозитора; транспозиционное формообразование, при котором в качестве транспозитора выступают служебные слова и флексии, и транс-

позиционное словообразование, использующее в качестве транспозиторов суффиксы, а в некоторых языках (например, в индонезийском) также и префиксы. Важно при этом отметить, что не всякое формообразование является транспозиционным по своей природе. Очень многие формы слов никакого отношения к транспозиции не имеют. Например, глагольные формы лица, числа, времени и т.д., многие падежные формы существительных в приглагольном употреблении не являются транспозиционными. Равным образом транспозиционным является не всякое словообразование, а только такое, при котором дериват переходит в другую часть речи и не отличается по значению от производящей основы. А это значит, что можно выделить, с одной стороны, собственно словообразование, при котором производное и производящее слова остаются в пределах той же части речи и оказываются неотжественными по значению, а с другой – смешанное, или гибридное, словообразование, при котором переход деривата в другую часть речи сопровождается изменением его значения относительно производящего слова. Таким образом, получаем следующую классификацию деривационных процессов: 1) транспозиция: а) конверсия, б) транспозиционное формообразование, в) транспозиционное словообразование; 2) словоизменение (нетранспозиционное формообразование); 3) собственно словообразование; 4) гибридное словообразование.

Среди этих процессов транспозиция занимает важнейшее место, поскольку именно она, в отличие от других процессов, самым тесным образом связана с синтаксисом. Возникает вопрос: что же конкретно дает транспозиция синтаксису? Транспозиция расширяет синтаксические возможности любого языка, придает им исключительную гибкость выражения. "Благодаря межкатегорийным заменам, – писал Ш.Балли, – мысль освобождается, и выражение обогащается и получает различные оттенки" [34, 143]. Реально вклад транспозиции заключается в следующем.

1) Транспозиция дает возможность неограниченно увеличивать глубину предложения,⁵ т.е. число имеющихся в нем ступеней иерархического подчинения. При использовании слов с семантически релевантными категориями эта глубина не могла превышать трех, максимум четырех уровней. Механизм транспозиции, особенно неполной, увеличивает число уровней до требуемой величины. А это, в свою очередь,

---

⁵ Эта глубина не имеет ничего общего с глубиной предложения в смысле В.Ингве (см. [108]).

позволяет строить предложения любой степени сложности (ср. [14]). Особенно важны предикатные слова, представляющие собой свернутые предложения. Не случайно поэтому отглагольные транспозиции во всех языках отличаются особой активностью.

2) Транспозиция объясняет существование категориальной, а не семантической предметности в языке, т.е. предметности существительных, обозначающих не вещи, а действия, свойства и отношения. Наличие таких существительных всецело обусловлено функционально-синтаксическими потребностями. Если некоторое слово должно выполнять функцию актанта, то в нем непременно должно содержаться нечто такое, что хоть отдаленно напоминало бы семантическую предметность вещных существительных. Так, в силу функциональных потребностей возникает фиктивная, чисто категориальная предметность природа которой в продолжение десятилетий была постоянной загадкой для грамматистов.

3) Введение понятия транспозиции снимает с повестки дня вечную проблему *stone wall* [30, 143-149], т.е. вопрос о том, является слово *stone* в приведенном сочетании существительным или прилагательным. В соответствии с принципом транспозиции, гласящим, что категории определяются функциями, слово *stone* в данном сочетании считается прилагательным, так как выполняет функцию атрибута.

4) Транспозиция вскрывает завуалированную связь между словообразованием и формообразованием. Она показывает, что словообразование, как и формообразование, в значительной своей части "работает" на синтаксис. Кроме того, становится очевидно, что транспонирующие аффиксы функционально эквивалентны предлогам, подчинительным союзам, глаголам-связкам, отчасти артиклям и другим служебным словам, имеющим то же назначение.

Несмотря на столь важную роль транспозиции для синтаксиса (и словообразования), она не всегда учитывается даже в новейших работах по синтаксису и дериватологии. В качестве примера можно назвать работы [13; 74; 103; 168] и др.

Между тем любое синтаксическое описание, в котором из рассмотрения исключен аппарат транспозиции, можно считать заведомо обедненным. Неучет транспозиции мешает адекватному выделению минимальной синтаксической единицы. Под такой единицей обычно понимают либо знаменательное слово, либо форму знаменательного слова. Когда речь идет о синтетических формах слова, то дискуссий обычно не возникает. Однако разногласия начинаются, когда разговор захо-

дит об аналитических формах слова, или аналитических комплексах. Считать ли формой слова на улице в предложении «Дети встретили учителя на улице»? Рассматривая аналогичные случаи, Е. Курилович писал: "Предложный оборот типа *sur la table* 'на столе' является одним словом, а не группой слов. Если бы он был словосочетанием, управляющее слово оборота должно было бы иметь то же синтаксическое употребление, что и все словосочетание. Однако *sur* не имеет такого синтаксического употребления. Предлог — это не слово, а морфема (а иногда "субморфема", образующая единство с падежным окончанием)" [140, 66]. Сходных взглядов придерживался и Л. Теньер, именовавший такие сочетания "ядрами" (*nucleus*). Так называемые аналитические формы слова в большинстве случаев представляют собой транспозаты, транспозиторами которых являются служебные слова. Таким образом, синтаксической единицей оказывается не транспонанд, а транспозат, поскольку именно он способен выполнять синтаксическую функцию и соответствовать узлу в дереве.

Транспозиция, отражающая межкатегориальные переходы семантемы, соответствует движению в иерархическом дереве по вертикали независимо от того, совершается переход снизу вверх или сверху вниз. Вообще говоря, движение сверху вниз по иерархии отличается большей активностью, нежели движение снизу вверх. По всей видимости, это связано с тем, что при движении сверху вниз происходит свертывание предикатов, приводящее к более сжатому, емкому и экономному способу выражения, тогда как при движении снизу вверх имеет место развертывание предикатов, при котором каждый из них должен выражаться самостоятельным предложением.

В этой связи возникает вопрос: возможно ли движение семантемы по горизонтали, т.е. без переходов с уровня на уровень, и если да, то каким механизмом такие переходы обеспечиваются? В настоящее время установлено, что движение семантемы по горизонтали, по крайней мере в актантной части дерева, обеспечивается механизмом диатез, переводящим один актант в другой чисто функционально, но не затрагивающим при этом категориальной принадлежности актантов (см. об этом [113; 227]). Внутри сирконстантной части синтаксического дерева (приглагольные сирконстанты) горизонтальное движение семантем (т.е. своего рода сирконстантные диатезы) невозможно, так как сирконстанты имеют семантический, а не функциональный характер, что следует и из их названий (образ действия, время, место, причина и т.д.). Однако транспозиция "существительное → наречие" обеспечивает активный переход семантем из актантной части в сирконстант-

ную. Обратный переход, по крайней мере в русском языке, практически закрыт. Транспозиционные и диатезные переходы и объясняют существование основной части грамматических трансформаций, имеющих-ся в различных языках и образующих базу их синтаксических систем.

§ 6. Линейная организация предложения

Транспозиции и диатезы приводят к структурным перестройкам ПВ и к его воплощению в самых разнообразных трансформациях, обеспечивающих широкое разнообразие предложений. Обычно среди этих трансформаций выделяют исходный, или ядерный, трансформ, в основе которого лежит матричный предикат. Благодаря этому ядерный трансформ реализуется в форме предложения. Производные трансформы формируются на базе свернутых или включенных предикатов, причем степень свернутости предиката может быть самой различной — от минимальной в случае предикатов, вводимых союзами и союзными словами, до максимальной в случае отглагольных существительных с опущенными аргументами. Дальнейшее разнообразие синтаксических структур создается благодаря семантическому варьированию, обеспечиваемому конкретной лексикой. Это варьирование практически бесконечно. Так, применительно к транспозиции существительного в прилагательное (относительное) Е.А.Земская перечисляет большое число отношений между транспозитом и определяемым им словом: отношение к материалу (асфальтовая дорога), к месту (лесная дорога), части к целому (банановая кожура), причинно-временные отношения (стартовая лихорадка) и т.д. "В принципе, — утверждает Е.А.Земская, — оно [число рассматриваемых отношений. — В.Б.] не поддается точному учету, так как в разных конкретных ситуациях отсубстантивные прилагательные могут выражать самые различные виды отношений к тому, что названо производящей основой" [97, 188]. Более того, даже одно и то же сочетание рассматриваемого транспозита с определяемым может иметь бесконечное многообразие значений. Так, по словам Е.А.Земской, сочетание автомобильные деньги может означать "деньги, накопленные на покупку автомобиля", "деньги, полученные за продажу автомобиля", "деньги, найденные в автомобиле", "деньги, забытые в автомобиле" и т.д. [97, 188].

Указанные здесь виды варьирования затрагивают только иерархическое дерево предложения и реализующуюся в его узлах конкретную семантику. Дальнейшее варьирование обеспечивается линейризацией структуры предложения.

Поскольку основой развиваемой здесь концепции является понятие ПВ, то в принципе как будто следовало бы говорить о линейной организации не предложения, а ПВ. Однако факты различных языков показывают, что свернутые, или включенные, ПВ, оформленные в виде словосочетаний (*phrases*) и включенных предложений (*clauses*), в редких случаях выступают как самостоятельные предложения и обычно находятся в составе общего предложения (*sentence*) на правах его частей. Поэтому имеются все основания проблему линейизации ПВ свести к проблеме линейной организации предложения и его частей.

Остановимся на особенностях линейной позиции доминанты, являющейся фактическим структурным центром предложения. Решающая роль доминанты для предложения маркируется в некоторых языках линейными средствами. В линейно развернутом предложении наибольшей значимостью обладают начальная и конечная позиции. Психологически они соответствуют моментам наибольшего ожидания или, если пользоваться терминами Карла Бооста, моментам максимального напряжения [270]. Линейная значимость начальной и конечной позиций линейризованного предложения приводит к тому, что они в некоторых языках регулярно занимают структурно наиболее важную единицу, каковой является доминанта. Например, доминанта занимает начальную позицию в арабском языке. Ср. «Катаба — т-талибу хазики-л — джумлата — л-кабйра». 'Студент написал это большое предложение' (букв. 'Написал студент это предложение большое'). «Йакра'у би-л-лугати-л-арабийя хасанан джиддан». 'Он очень хорошо читает по-арабски' (букв. 'Читает он на языке арабском хорошо очень').

В арабском языке возможны и другие позиции для доминанты, которые обычно используются для иных целей.

Что касается конечной позиции, то она регулярно занята доминантой в японском языке. Например: «Аната-ва майнити сүпу-о номи-мас». 'Вы ежедневно едите суп' (букв. 'Вы ежедневно суп пьете'). «Нихонго-ва тайхен мудзикасий дес». 'Японский язык очень трудный' (букв. 'Японский язык очень трудный есть'). «Ватакуси-ва томода-ти-ни соно эй-ва-но дзитен-о мисемасита». 'Я показал товарищу этот англо-японский словарь' (букв. 'Я товарищу этот англо-японский словарь показал').

Интересно, что в японском языке конечную позицию в составе придаточного предложения занимает также и субдоминанта (включенный предикат). Ср.: «Ватакуси-ва гэккō-э ику токи-ни, аната-но мусу-ко сан-ни аймасита». 'Когда я шел в школу, я встретил Вашего сына' (букв. 'Я в школу шел когда, Вашего сына встретил').

В некоторых языках доминанта занимает не начальную или конечную позицию, а какое-нибудь другое фиксированное положение. Например, в немецком языке за доминантой закреплено так называемое второе место. Это значит, что в линеаризованном повествовательном предложении перед доминантой может быть расположена только одна единица (узел) первого уровня иерархии вместе со своими зависимыми. В вопросительных предложениях типа общего вопроса доминанта занимает начальную позицию. То же справедливо и для субдоминанты некоторых бессоюзных придаточных, тогда как в союзных придаточных субдоминанта регулярно занимает конечную позицию. Таким образом, в немецком языке доминанта и субдоминанта способны занимать все основные позиции, что используется для различения типов предложений.

Наконец, возможна и такая ситуация, когда за доминантой не закрепляется специальная линейная позиция. Такая ситуация наблюдается, например, в русском языке. В этом случае существует минимальная зависимость линейных характеристик предложения от структурных.

В структурном отношении доминанта, занимающая нулевой уровень иерархии, находится, естественно, в тесной связи с синтаксическими единицами, непосредственно зависящими от нее и расположенными на первом уровне иерархии. Эта связь обнаруживается и в линейном плане. Действительно, если доминанта находится в начальной позиции, то все придоминантные члены вместе со своими зависимыми будут расположены справа, если в конечной позиции, то слева, а если в срединной позиции, то единицы первого уровня иерархии разместятся по обе стороны от доминанты.⁶ Однако особенность линейного оформления придоминантных членов (актантов и сирконстантов) заключается не только в этом достаточно самоочевидном факте. Эта связь оказывается более глубокой.

С точки зрения иерархического дерева каждый придоминантный узел (например, первый актанта) вместе со своими зависимыми образует куст. Своеобразие линейной организации предложения практически во всех языках мира состоит в том, что на линейной оси каждый куст образует целостную замкнутую и относительно автономную синтаксическую группу (см. [83]). Это выражается в том, что внутри синтаксической группы одного придоминантного (и присубдоминантного) узла, как правило, не может быть введена синтаксическая еди-

---

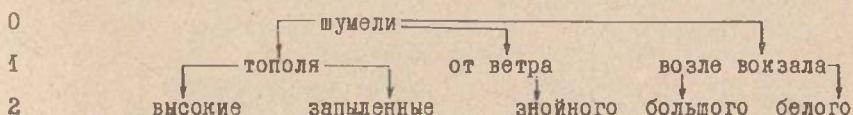
⁶ Если доминанта выражена аналитическим комплексом, то ситуация усложняется.

ница, принадлежащая группе другого доминантного узла. В другой формулировке эту мысль можно выразить следующим образом. Для получения правильной линейной организации предложения линеаризация его иерархического дерева должна вестись по кустам, висящим на доминантных узлах, причем линеаризация следующего куста не должна начинаться до завершения линейной развертки предыдущего куста.

Это положение можно проиллюстрировать на конкретном примере. Возьмем следующее предложение: «Высокие запыленные тополя шумели от знойного ветра возле большого белого вокзала» (Бун. Пыль).

Синтаксическое дерево этого предложения имеет следующий вид:

С х е м а 4I

Из схемы 4I видно, что данное предложение содержит три доминантных узла: один актантный и два сирконстантных, причем каждый из этих узлов имеет свои зависимые. А это значит, что на доминанте "висят" три куста.

Если сопоставить теперь иерархическую структуру предложения с его линейной организацией, то можно отметить, что доминанта на линейной оси занимает срединное положение, так что слева от нее расположена синтаксическая группа высокие запыленные тополя, соответствующая первоактантному кусту. Справа от нее линеаризована синтаксическая группа от знойного ветра, соответствующая сирконстантному кусту (сирконстант причины), и, наконец, группа возле большого белого вокзала, коррелирующая в структурном плане с другим сирконстантным кустом (сирконстант места).

Таким образом, кусты разворачиваются поочередно, причем это отнюдь не означает, что порядок следования кустов на линейной оси не может быть иным. В принципе допустим и иной порядок, если он необходим по условиям актуального членения или по каким-либо другим причинам. Например: «Возле большого белого вокзала шумели от знойного ветра высокие запыленные тополя». «От знойного ветра шумели возле большого белого вокзала высокие запыленные тополя» и т.д.

Однако во всех этих случаях целостность, ненарушимость и непроницаемость самих синтаксических групп, соответствующих придо-

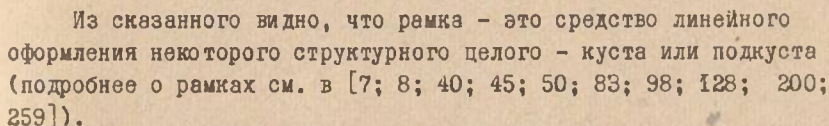
минантным узлам, сохраняется. Это означает, что внутри синтаксической группы не может быть введена синтаксическая единица, принадлежащая другой группе.

Целостный и автономный характер синтаксической группы иногда маркируется особыми средствами. В русском и других языках в функции линейных оформителей синтаксических групп широко используются предлоги и существительные. При этом предлог является левой границей группы, а существительное – правой границей. Тем самым предлог совмещает в себе несколько функций. В категориальном отношении он служит транспозитором. Например, в рассмотренном предложении предлоги от и возле являются адвербиализаторами, переводящими существительные ветер и вокзал в наречия соответственно от ветра и возле вокзала. Кроме того, предлоги, так сказать, "по совместительству" выполняют и функцию линейного оформления, являясь показателем левой границы синтаксической группы. Правой границей групп оказываются формы существительных ветра и вокзала, которые в данном предложении вне указанных адвербиализаторов не представляют собой конститутивных синтаксических единиц.

Регулярное отграничение синтаксической группы особыми маркерами справа и слева может быть названо рамочным оформлением. В некоторых языках, например в немецком, рамочное оформление самых различных синтаксических групп является нормой, причем рамка может быть использована и для оформления всего предложения в целом с помощью расщепленной аналитически выраженной доминанты. В качестве левого граничного маркера группы в немецком языке служат предлоги, детерминативы (артикли, указательные, притяжательные, определительные, неопределенные и прочие местоимения), подчинительные союзы и союзные слова, вспомогательные глаголы, т.е. те элементы, которые в категориально-функциональном отношении выполняют транспонирующую функцию (т.е. транспозиторы). В качестве правого граничного маркера используются неспрягаемые формы глаголов, существительные и отделяемые приставки, т.е. транспонанды (за исключением отделяемых приставок). Таким образом, оформителем синтаксической группы в большинстве случаев оказываются две части транспозата, а именно: транспозитор и транспонанд.

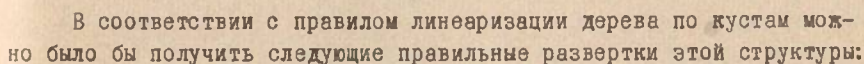
Вот типичный пример рамочного оформления различных синтаксических групп в немецком языке: "Die fortanschreitende gesellschaftliche Entwicklung hat in einem bisher nicht gekannten Ausmass dazu geführt, dass diese jahrhundertalte Überzeugungen als unwahr erkannt werden".

С х е м а 42

Сущность непроективности можно продемонстрировать на следующем примере: «Вещунья с похвал вскружилась голова» (Крыл. Воро-на и лисица).

С х е м а 43

179

«Вещунья голова вскружилась с похвал»; «С похвал вскружилась вещунья голова»; «Вскружилась вещунья голова с похвал» и т.д.

Такие предложения были бы проективными. Однако в линейном варианте, использованном И.А.Крыловым, содержится непроективность, обусловленная тем, что группа вещунья голова разорвана доминантой вскружилась и сирконстантом с похвал. Непроективность вызывается самыми различными причинами (см. [83; 110]).

Помимо развертки кустов существует линейаризация синтаксических единиц, образующих куст, или синтаксическую группу [83]. При этом возможна ситуация, когда зависимые слова (слуги) регулярно располагаются слева от управляющих (хозяев). Языки, в которых преобладает такой тип линейного развертывания, иногда называют центростремительными [347, 22]. Центростремительная тенденция может обнаруживаться не только между элементами группы, но и между группами в составе всего предложения. К числу языков с такой тенденцией относятся японский, венгерский, литовский и др.

Левое развертывание называют иногда левосторонним ветвлением [273], а конструкции с таким развертыванием нередко именуют регрессивными [96].

Вместе с тем в многочисленных языках мира широко распространена также правая линейаризация зависимых относительно управляющих как в составе синтаксической группы, так и внутри предложения. Языки с преобладанием такой линейной тенденции иногда называют центробежными [343, 22]. Правое развертывание именуют правосторонним ветвлением [271], а структуры, которые линейаризуются подобным образом, прогрессивными конструкциями [108]. Центробежная тенденция широко представлена в арабском языке.

Языки только с одним типом развертки практически не встречаются. Обычно речь может идти только о преобладающей центростремительной или центробежной тенденции. Но существуют языки с более или менее уравновешенными противоположными тенденциями. К ним, по всей видимости, относятся русский, английский, немецкий и некоторые другие языки.

Линейаризация синтаксического дерева представляет собой проекцию сочетательной синтагматики на линейную синтагматику. Сочетательная синтагматика предложения, репрезентируемая иерархической схемой и не данная говорящему и слушающему в непосредственном наблюдении, является фактом языка в сословном понимании. Линейная синтагматика, воспроизводящая реальное временное развертывание высказывания и данная говорящему и слушающему в непосредственном наблюдении, есть факт речи.

§ 7. Взаимодействие синтаксической структуры предложения с синтаксисом текста

До сих пор рассмотрение синтаксической проблематики концентрировалось преимущественно вокруг такой единицы, как изолированное предложение и его части. Все вышеизложенное содержание настоящей главы относится, таким образом, к микросинтаксису (см. § 2 гл.V).

Задачи синтаксиса, однако, не исчерпываются проблематикой изолированных предложений, а, вполне естественно, выходят за ее пределы. В синтаксисе должны изучаться и образования, состоящие из нескольких предложений, а именно: усложненные предложения, периоды, абзацы и более сложные образования вплоть до полного текста, а также способы включения отдельных предложений в текст. Эту область синтаксиса мы называли **макросинтаксисом**.

Четкой границы между микросинтаксисом и макросинтаксисом не существует. Это обусловлено тем, что единица, именуемая предложением, способна, с одной стороны, члениться на более мелкие, более или менее самостоятельные в интонационном и отчасти смысловом отношении единицы, а с другой – входить в качестве составной части в структуру более сложных образований и вообще в текст. Переходя к проблематике макросинтаксиса, необходимо прежде всего рассмотреть способы включения предложения в текст.

Включение предложения в текст должно обеспечиваться специальными средствами. Самым распространенным из них является повтор в предложении какой-либо части предшествующего текста. Повтор может быть полным, модифицированным или анафорическим. Анафорой может замещаться и целое предложение. Ср.: «Матвей прижался к мачехе, она доверчиво обняла его за плечи, и оба они смотрели, как дьячок настраивает гусли» (М.Г. Жизнь Матвея Кожемякина) – анафорическая замена слов. «Отец занимал в нашем губернском городе очень видный служебный пост, и это еще более испортило его» (Бун. Ворон) – анафорическая замена предложения.

Наличие повторяющихся слов обеспечивает связь предложения с предшествующим текстом. Эту связь обычно называют **анафорической** [135; 182; 347, 85]. Последовательное сцепление предложений, достигаемое посредством использования анафорических связей, иногда именуют термином «**наизывание**» [203, 29].

Однако предложение может быть связано и с последующим текстом. Эту связь принято называть **эпифорической**. Средствами ее выражения

являются слова и выражения типа следующий, нижеследующий, следующим образом, о чем речь пойдет ниже, как будет показано в дальнейшем и т.п.

Вторым важным средством связи предложений в тексте является сам порядок их линейного следования, отражающий логическую последовательность ситуаций. Например, два предложения «Дверь открылась». «Вошла старушка» формально связаны только порядком следования и при наличии такого порядка имеют определенный смысл. Если этот порядок изменить, то смысл данного "минитекста" существенно модифицируется. В ряде случаев изменение порядка может привести к бессмыслице.

Наряду с порядком следования и во взаимодействии с ним мощным средством смысловой организации текста является актуальное членение предложения (см. § II гл. IV).

Существуют, разумеется, и другие средства организации текста, подробно описанные в специальной литературе (см. [175; 176; 207; 280; 282; 283]).

Говоря о взаимодействии синтаксической структуры предложения с синтаксисом текста, важно еще раз подчеркнуть, что это взаимодействие всецело базируется на семантическом фундаменте. Это значит, что чисто в семантическом отношении простое, сложное, усложненное предложения, сверхфразовое единство и весь текст можно рассматривать как иерархически организованное целое, в котором каждое предложение как совокупность ПВ занимает определенную позицию. Взгляд на текст как на иерархию считается в настоящее время весьма плодотворным и детально разрабатывается в современной лингвистике (см. [144; 151; 215; 280; 283; 310]).

Говоря о связи и взаимодействии семантики и синтаксиса в составе коммуникативной единицы, важно отметить, что ПВ не всегда воплощается в элементарном предложении. Как правило, большое количество ПВ трансформируется в различного рода сочетания, обороты и прочие конструкции, семантически соответствующие включенным предикатам. Задача синтаксиса, собственно, и состоит в том, чтобы придать ПВ ту форму, которая необходима для отражения его роли в смысловой иерархии. Исходные ПВ, различающиеся предикатами и семантическими функциями аргументов, попадая в сферу синтаксиса, многократно преобразуются, благодаря чему человеческий язык и получает возможность выражать самые тонкие нюансы мысли и чувства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию смысловой организации предложения в статическом и динамическом аспектах. Лейтмотивом развиваемой здесь концепции является положение о том, что смысл любого предложения определяется системой взаимосвязанных и взаимодействующих предикатных выражений. ПВ является основной смысловой ячейкой предложения. Оно состоит из предикатного и непредикатных, а иногда только из предикатных знаков и реализуется в языке в виде элементарного предложения, оборота, словосочетания или отдельного слова. Смысл ПВ или любого их объединения именуется термином "семантическая структура". Компонентами СемС являются семантемы предикатных и непредикатных знаков.

В работе подробно проанализированы все основные характеристики непредикатных и предикатных знаков и показано, что непредикатный знак служит обозначением вещи, всегда занимает в ПВ позицию аргумента и выполняет в его составе ту или иную семантическую функцию. Предикатные знаки характеризуются числом аргументов и распределены по четырем категориям: действие, состояние, свойство и отношение. Отмечено, что многоместные предикаты нередко являются продуктом семантической деривации.

Особенно сложные предикатно-аргументные и межпредикатные отношения складываются в составе многопредикатных выражений, которые возникают вследствие того, что в любом языке существуют включающие и включенные предикаты. В книге подробно рассмотрены важнейшие типы таких предикатов, показана их семантическая и синтаксическая специфика, их роль в организации смысла предложения.

Структурная организация смысла отражает статический аспект семантики предложения. К динамическому аспекту относятся правила порождения СемС, принцип семантической деривации и действие механизма транспозиции.

Одно из важных положений описанной здесь концепции сводится к тому, что высокое синтаксическое единообразие довольно разнотипных ПВ обеспечивается механизмом транспозиции, который осуществляет категориальные перестройки в предложении под действием тех или иных функциональных потребностей.

Изложенная в настоящей книге концепция может найти практическое применение, например, в информатике. Основная задача информатики состоит в создании информационных языков, которые могли бы обеспечить эффективный поиск, а в лучшем случае и смысловую переработку информации.

Описанный в настоящей книге язык предикатных выражений, строго говоря, не является информационным, однако может быть использован для этих целей. В качестве основной информационной единицы такого языка может выступать ПВ. Это значит, что поисковый образ документа и поисковое предписание будет формулироваться не в терминах набора дескрипторов, как это имеет место в дескрипторных языках, а в терминах определенной совокупности ПВ, между которыми определены все необходимые отношения (ср. [47; 87]). Можно полагать, что такой информационный язык будет отличаться семантической силой, близкой к естественному языку, хотя его реализация в информационно-поисковых системах может оказаться достаточно сложным делом.

Синтаксическая часть предложенной здесь концепции может найти применение в практике обучения языку; имеется в виду обучение синтаксическому анализу предложения. Основой, на которой можно строить такой анализ, служит каноническая синтаксическая схема и аппарат транспозиции. Синтаксический анализ предложения сводится, по сути дела, к построению его дерева, причем наиболее существенной частью этого дерева являются элементы нулевого и первого уровня иерархии, где расположены соответственно доминанта и центры синтаксических групп ("мест", по немецкой грамматической терминологии). Что касается транспозиции, то она указывает на категориально-функциональные перестройки в анализируемом предложении и тем самым помогает понять его синтаксическую специфику.

Мы не касаемся здесь других возможных сфер практического применения рассмотренной концепции. Все эти сферы будут связаны с семантикой и синтаксисом, практические выходы которых в настоящее время непрерывно расширяются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. - Соч., т.23.М.,1960.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т.18. М., 1961.
3. Абрамян Л.А. Значение как категория семиотики. - "Вопросы философии", 1965, № 1, с.56-66.
4. Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. Ереван, 1968 223 с.
5. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. - "Rozprawy CSAR, Rada spolecenskych věd", roč.76, seš.15. Praha, 1966. 98 с.
6. Адамец П. Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы. - In: Papers on functional sentence perspective. Ed. F.Daneš. The Hague - Paris, 1974, p. 189-195.
7. Адмони В.Г. Проблема "замыкания" в немецком литературном языке. - "Иностранные языки в школе", 1949, № 1, с.34-45.
8. Адмони В.Г. К проблеме порядка слов (замыкание предложения в немецком языке). - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т.УШ, вып.4, с.373-381.
9. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. 392 с.
10. Адмони В.Г. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. - НДВШ, ФН, 1961, № 3, с.3-15.
11. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964. 105 с.
12. Адмони В.Г. Типология предложения. - В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с.232-291.
13. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973. 366 с.
14. Акимов Г.Н. Уровни синтаксической иерархии как принцип развертывания предложения. - "Slavica slovaca", 1974, roč.9, č.1, с.74-85.
15. Алиева Н.Ф. Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков. - В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с.129-134.
16. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М., Изд-во Московск. ун-та, 1971. 294 с.
17. Алпатов В.М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973. 110 с.
18. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967. 404 с.
19. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949. 496 с.
20. Андронов М.С. Грамматика тамильского языка. М., 1966. 272 с.
21. Антипенко Л.Г. Проблема физической реальности. М., 1973. 264 с.

22. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1963. М., 1963, с.102-150.
23. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. 252 с.
24. Апресян Ю.Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка. — ВЯ, 1968, № 5, с.34-49.
25. Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. — Изв. АН СССР, 1969, т.ХХУШ. Сер. лит. и яз., вып.1, с.11-23.
26. Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с.302-306.
27. Апресян Ю.Д. Об одном правиле сложения лексических значений. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с.439-458.
28. Апресян Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств речи. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с.279-325.
29. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 368 с.
30. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1959. 352 с.
31. Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч.Филлмора. — ВЯ, 1973, № 1, с.117-124.
32. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). Автореф. докт. дис. М., 1975. 47 с.
33. Ахманова О.С., Глушко М.М., Гюббенет И.В., Долгополова И.М., Лысенко В.С., Медникова Э.М., Михедова Л.Г., Тимпко Л.А. Основы компонентного анализа. Учебное пособие под ред. Э.М.Медниковой. Изд-во Московск. ун-та, 1969. 98 с.
34. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1966. 416 с.
35. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 396 с.
36. Белецкий А.А. Знаковая теория языка. — В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с.38-46.
37. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с.129-140.
38. Берка К. Функции глагола "быть" с точки зрения современной формальной логики. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961, с.160-180.
39. Бертагаев А. Бурятский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т.5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, с.13-33.
40. Блох М.Я. К понятию рамочной конструкции предложения (на материале немецкого и английского языков). — ВЯ, 1962, № 4, с.72-76.
41. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. 608 с.

42. Богданов В.В. Теоретические и практические аспекты тезаурусов. - В кн.: Инженерная лингвистика. Учен. зап. Лэн. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена, 1971, т.458, ч.П, с.204-224.
43. Богданов В.В. Единица и система в лексике. - В кн.: Вопросы прикладной лингвистики, вып.Ш. Днепропетровск, 1971, с.117-127.
44. Богданов В.В. Семантическое кодирование в естественном языке. - В кн.: Вопросы лексикологии и стилистики романо-германских языков, вып.1. Иркутск, 1972, с.3-11.
45. Богданов В.В. О порядке слов немецкого предложения. - В кн.: Структура предложения в немецком языке. Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с.5-12.
46. Богданов В.В. Глубинные структуры и семантика. - В кн.: Теория языка и инженерная лингвистика. М., 1973, с.134-145.
47. Богданов В.В. Отражение семантических отношений в ИПЯ. - В кн.: Лингвистическое обеспечение автоматизированных систем управления информационно-поисковых систем. Тюмень, 1974, с.39-40.
48. Богданов В.В. Природа включенных предикатов. - В кн.: Лингвистические исследования. Вып.1, Л., 1974, с.19-24.
49. Богданов В.В. Предпосылки формализации смысла предложения. - В кн.: Вопросы общей и прикладной лингвистики. Минск, 1975, с.28-48.
50. Боголюбов М.Д. О происхождении рамочной конструкции в немецком языке. - ВЯ, 1962, № 4, с.77-83.
51. Болинджер Д. Интонация как универсалия. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с.214-230.
52. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 116 с.
53. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. 240 с.
54. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967. 192 с.
55. Буторов В.Д. Семантическая интерпретация предикатно-актантных и кванторных конструкций средствами математической логики (на материале русских математических текстов). Автореф. канд. дис. Л., 1975. 18 с.
56. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Чапукевич В.В. Современный русский язык. М., 1971. 512 с.
57. Варга Д. Методика подготовки информационных тезаурусов. - В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики, № 17. М., 1970. 108 с.
58. Вардуть И.Ф. Основные понятия актуального синтаксиса. - В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967, с.20-30.
59. Вардуть И.Ф. О двух синтаксических уровнях языка. - В кн.: Исследования по японскому языку. М., 1967, с.5-19.
60. Васильев Л.М. Теория семантических полей (обзор). - ВЯ, 1971, № 5, с.105-113.

61. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1972. 344 с.
62. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. - В кн.: Новое в лингвистике, вып.У. М., 1970, с.163-249.
63. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. 264 с.
64. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. 616 с.
65. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 134 с.
66. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974. 224 с.
67. Волянская И.В. Опыт применения компонентного анализа (на материале существительных, обозначающих единицы времени в английском и русском языках). - В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им.М.Тореза, вып.65. М., 1972, с.88-109.
68. Габинский М.А. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972. 363 с.
69. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур). - В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с.77-85.
70. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с.367-395.
71. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык, ч.1. М., 1958. 406 с.
72. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1973. 320 с.
73. Грамматика русского языка, т.П. Синтаксис. Ч.1. М., Изд-во АН СССР, 1960. 704 с.
74. Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., Изд-во АН СССР, 1970. 768 с.
75. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972. 444 с.
76. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. 184 с.
77. Гухман М.М. Позиции подлежащего в языках разных типов. - В кн.: Члены предложения в языках разных типов ("Мещаниновские чтения"). Л., 1972, с.19-35.
78. Дешериев Ю.Д. Чеченский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с.190-209.
79. Дешериева Т.И. К проблеме определения категории глагольного вида. - ВЯ, 1976, № 1, с.73-81.
80. Долгих Н.Г. О способах выделения и методах анализа семантических полей. - В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им.М.Тореза, вып.65. М., 1972, с.31-43.
81. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии. НДВШ, ФН, 1973, № 1, с.89-98.
82. Долгинина И.Б. Лингвистический аспект проективности. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с.508-526.

83. Д о л и н и н а И.Б. Вопросы функционального и линейного синтаксиса. I-Y. - В кн.: Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русск. яз. АН СССР, вып.41, 44, 51, 58, 59. М., 1973-1974.
84. Д о р о ш е в с к и й В. Про тлумачення значень слів у словниках. - "Мовознавство", 1967, № 5, с.10-20.
85. Д о р о ш е в с к и й В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. 288 с.
86. Д љ а к о н о в И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. 492 с.
87. Е г о р о в а Н.А. Функционально-предикатный язык фактографических данных. - НТИ, 1975, № 2, сер.2, с.18-20.
88. Е с п е р с е н О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
89. Ж и г а д л о В.Н., И в а н о в а И.П., И о ф и к Л.Л. Современный английский язык. М., 1956. 350 с.
90. Ж о л к о в с к и й А.К. О глубинном и поверхностном синтаксисе (на материале языка сомали). - Изв. АН СССР, 1970, т.ХХІХ. Сер. лит. и яз., вып.5, с.427-439.
91. Ж о л к о в с к и й А.К. Модель "смысл $\longleftrightarrow$ текст". - В кн.: Энциклопедия кибернетики, т.П. Киев, 1974, с.46-48.
92. З а в а д о в с к и й Ю.Н. Берберский язык. М., 1967. 80 с.
93. З а л и з н я к А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. 372 с.
94. З в е г и н ц е в В.А. Семасиология. М., 1957. 324 с.
95. З в е г и н ц е в В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. 336 с.
96. З в е г и н ц е в В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973. 248 с.
97. З е м с к а я Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. 304 с.
98. З и н д е р Л.Р., С т р о е в а Т.В. Современный немецкий язык. Изд.3-е. М., 1957. 420 с.
99. З и н о в ъ е в А.А. Об основах абстрактной теории знаков. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1963. М., 1963, с.9-22.
100. З и н о в ъ е в А.А. Основы логической теории научных знаний. М., 1967. 261 с.
101. З и ф ф П. Несинонимичность активных и пассивных предложений. - В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики, № 16. М., 1970, с.66-72.
102. З о г р а ф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М., 1976. 368 с.
103. З о л о т о в а Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 352 с.
104. И в а н о в а И.П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961. 200 с.
105. И л ь и н Г.М., Л е й к и н а Б.М., Н и к и т и н а Т.Н., О т к у п щ и к о в а М.И., Ф и т и а л о в С.Я. Модель семантики текста и система "Запрос-Ответ" (к постановке задачи). - НТИ, сер.2, 1969, № 1, с.10-14.

106. И л ь и н Г.М., Л е й к и н а Б.М., Н и к и т и н а Т.Н., О т к у п щ и к о в а М.И., Ф и т и а л о в С.Я. Лингвистический подход к задаче построения информационной системы. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.2. М., 1971, с.4-13.
107. И л ь и н Г.М., Л е й к и н а Б.М., О т к у п щ и к о в а М.И., Ф и т и а л о в С.Я., Н и к и т и н а Т.Н. О двух типах внутреннего представления текста. - В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып.2. Л., 1974, с.48-58.
108. И н г в е В. Гипотеза глубины. - В кн.: Новое в лингвистике, вып.19. М., 1965, с.126-138.
109. И н ф о р м а ц и о н н ы е вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.2. М., 1971. 112 с.
110. И о р д а н с к а я Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск, 1967. 231 с.
111. К а з с к А.Х. Эстонский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с.35-60.
112. К а р а у л о в Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. - НДВШ, ФН, 1972, № 1, с.57-68.
113. К а т е г о р и я залога. Материалы конференции. Л., 1970. 64 с.
114. К а т ц Дж., М а р т и н Э. Синонимичность активных и пассивных конструкций. - В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. № 16. М., 1970, с.73-85.
115. К а ц н е л ь с о н С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965. 110 с.
116. К а ц н е л ь с о н С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.
117. К а ц н е л ь с о н С.Д. О категории субъекта предложения. - В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974, с.104-124.
118. К л а у с Г. Сила слова. М., 1967. 216 с.
119. К л и н и С. Математическая логика. М., 1973. 480 с.
120. К о д у х о в В.И. Общее языкознание. М., 1974. 304 с.
121. К о з л о в а М.С. Концепция знания в философии Л.Витгенштейна. Автореф. канд. дис. Л., 1965. 18 с.
122. К о з л о в а М.С. Философия и язык. М., 1972. 254 с.
123. К о м л е в Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд-во Московск. ун-та, 1969. 192 с.
124. К о м р и Б. Синтаксис и семантика в трансформационной генеративной грамматике. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с.543-554.
125. К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, с.68-87.
126. К о р е л ь с к а я Т.Д., П а д у ч е в а Е.В. О возвратных, личных и указательных местоимениях в русском языке. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.1. М., 1971, с.46-66.

127. К о с п а р т о в а М. Семантичен анализ на качествените наречия. - Изв. на института на български език, 1972, кн. XXI, с. 151-175.
128. К р а ш е н и н н и к о в а Е.А. Новое в немецкой грамматике, вып. 2. М., 1961, с. 86-92.
129. К р е й д л и н Г.Е., П а д у ч е в а Е.В. Значение и синтаксические свойства союза а. - НТИ, 1974, № 9, сер. 2, с. 31-37.
130. К р и в ч е н к о Е.Л. К понятию "семантическое поле" и методике его изучения. - НДВШ, ФН, 1973, № 1, с. 99-102.
131. К р у ш е л ь н и ц к а я К.Г. Смысловая функция порядка слов в немецком языке (сравнительно с русским). - Учен. зап. Военного института иностранных языков, 1948, № 5, с. 21-36.
132. К р у ш е л ь н и ц к а я К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения. - ВЯ, 1956, № 5, с. 55-67.
133. К р ю к о в М.В. Система родства китайцев. М., 1972. 328 с.
134. К у б р я к о в а Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974. 320 с.
135. К у в а л д и н а Л.Н. Анафорические связи в русском языке. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып. 2. М., 1971, с. 47-54.
136. К у з н е ц о в А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике. - В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971, с. 257-268.
137. К у з н е ц о в А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков. - В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971, с. 269-277.
138. К у з н е ц о в а А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963. 59 с.
139. К у р и л о в и ч Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение. - В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 48-56.
140. К у р и л о в и ч Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. - В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57-70.
141. Л е й к и н а Б.М. К проблеме семантической правильности. - НТИ, 1971, № 7, сер. 2, с. 24-28.
142. Л е о н т ь е в а Н.Н. Создание информационного языка на базе семантического анализа текста. - НТИ, 1971, № 8, сер. 2, с. 8-15.
143. Л е с е р ф И. Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу естественных языков. - НТИ, 1965, № 10, с. 48-50.
144. Л и н г в и с т и к а текста. Материалы научной конференции. М., 1974. Ч. I. 230 с.; ч. П. 212 с.
145. Л и н г в и с т и ч е с к и е проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып. 1. Л., 1973; вып. 2, 1974.
146. Л о м а т и д з е К.В. Абхазский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 101-122.

147. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958. 166 с.
148. Ломтев Т.П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов. - Тезисы докладов к симпозиуму "Методы исследования семантики лингвистических единиц". М., 1967, с.3-13.
149. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 200 с.
150. Мазур Ю.Н. Корейский язык. М., 1960. 118 с.
151. Мартеньянов Ю.С. Связный текст - изложение расчлененного смысла. - В кн.: Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике, вып.40. М., 1973. 59 с.
152. Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956. 292 с.
153. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. - В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с.7-32.
154. Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л., 1963. 183 с.
155. Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - В кн.: Вопросы общего языкознания. Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, с.53-80.
156. Маслов Ю.С. Знаковая теория языка. - В кн.: Вопросы общего языкознания. Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания. Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1961, т.354, с.109-126.
157. Маслов Ю.С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? - В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с.284-294.
158. Маслов Ю.С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. - "Советское славяноведение", 1973, № 4, с.73-83.
159. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975. 328 с.
160. Мастерман М. Тезаурус в синтаксисе и семантике. - В кн.: Математическая лингвистика. М., 1964, с.160-176.
161. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с.239-245.
162. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и паlearиатские языки. Л., 1968, с.366-385.
163. Микущ Р.Ф. Структуральный синтаксис Л.Теньера и синтагматический структурализм. - ВЯ, 1960, № 5, с.125-140.
164. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиларов -ский Р.С. Основы информатики. М., 1968, с.413-505.
165. Михедова Л.Г. Опыт компонентного анализа лексики. - "Вестн. Моск. ун-та", 1969, № 1, с.81-88.
166. Морев Л.Н. Основы синтаксиса тайского языка. М., 1964. 124 с.
167. Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970. 72 с.

168. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974. 156 с.
169. Муравьев В.Л. О лексических лакунах. - "Иностранные языки в школе", 1971. № 1, с.31-40.
170. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974. 170 с.
171. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Л., 1968. 230 с.
172. Мячина Е.Н. Язык суахили. М., 1960. 56 с.
173. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 222 с.
174. Никитина Т.Н., Старченко Л.А. Некоторые вопросы соотношения внешней и внутренней структуры текста. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.2. М., 1971, с.20-24.
175. Новичкая И.М. О двух типах структур связного текста. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.2. М., 1971, с.61-67.
176. Новичкая И.М. Целые предложения в функции средств межфразовой связи. - В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып.1. Изд-во Ленингр. ун-та, 1973, с.124-131.
177. Норман Б.Ю. Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972. 132 с.
178. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. 566 с.
179. Откупщикова М.И. Роль местоимений в сокращении структуры связного текста. - В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып.2.М., 1971, с.68-77.
180. Охотина Н.В. Язык зулу. М., 1961. 71 с.
181. Падучева Е.В. О логическом анализе русских кванторных прилагательных. - НТИ, 1972, № 2, сер.2, с.20-27.
182. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974. 292 с.
183. Панфилов В.З. Нивхский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, с.408-434.
184. Паркер-Рудс А.Ф. О последних работах в области машинного перевода методом тезауруса и языка-посредника. - В кн.: Математическая лингвистика. М., 1964, с.229-245.
185. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935. 452 с.
186. Пиотровский Р.Г. Очерки по стилистике французского языка. Л., 1960. 224 с.
187. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. Л., 1975. 328 с.
188. Пичушков В.В. Критический анализ философии языка Л.Витгенштейна. Автореф. канд. дис. Л., 1968. 12 с.

189. П о п а К. Логический и гносеологический аспекты остенсивных определений. - "Вопросы философии", 1969, № 12, с.62-72.
190. П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике, т.IV. М., 1941. 318 с.
191. П о ч е п ц о в Г.Г. Три уровня семантической структуры предложения. - В кн.: Математическая лингвистика, № 1, Киев, 1973, с.66-73.
192. П р о б л е м а знака и значения. Под ред.И.С.Нарского. Изд-во Московск. ун-та, 1969. 171 с.
193. П я л л ь Э. Учебник эстонского языка. Таллин, 1955. 310 с.
194. Р а с п о п о в И.П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961. 163 с.
195. Р а с с е л Б. Введение. - В кн.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 134 с.
196. Р е в з и н а О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. Изд-во Московск. ун-та, 1958. 154 с.
197. Р е ф о р м а т с к и й А.А. Введение в языковедение. М., 1967. 542 с.
198. Р е ф о р м а т с к и й А.А. Термин как член лексической системы языка. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1967. М., 1968, с.103-125.
199. Р е ф о р м а т с к и й А.А. Лексические мерисмы и семантическая редукция. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с.268-278.
200. Р и з е л ь Э.Г. Новое в синтаксисе немецкого литературного языка. - "Иностранные языки в школе", 1948, № 1, с.32-43.
201. С а у с в о р с Ф. Одна модель семантической структуры. - В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики, № 16. М., 1970, с.16-39.
202. С а ф и н Р.А. К вопросу о применении теории поля при изучении терминологии науки. - В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им.М.Тореза, вып.65. М., 1972, с.44-68.
203. С е в б о И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969. 136 с.
204. С е л и в е р с т о в а О.Н. Опыт семантического анализа слов типа "все" и типа "что-нибудь". - ВЯ, 1964, № 4, с.80-90.
205. С е л и в е р с т о в а О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу. - НДВШ, ФН, 1967, № 5, с.125-132.
206. С и л ь н и ц к и й Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с.373-391.
207. С к о р о х о д ь к о Э.Ф. Семантические связи в лексике и текстах. - В кн.: Вопросы информационной теории и практики, № 23. М., 1974, с.6-116.
208. С л ю с а р е в а Н.А. Теория Ф.де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975. 112 с.
209. С м и р н и ц к и й А.И. Лексикология английского языка. М., 1956. 260 с.

210. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. 440 с.
211. Смирнов Ю.А. Язык ленди. М., 1970. 195 с.
212. Соболева П.А. Моделирование словообразования. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с.165-212.
213. Современный русский язык. Под ред.Д.Э.Розенталя, Изд-во Моск. ун-та, 1971. 636 с.
214. Соколова Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных. Пособие по лексикологии французского языка. М., 1973. 175 с.
215. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973. 214 с.
216. Соссиер Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1938. 272 с.
217. Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи. - В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Изд-во Ленингр. ун-та, 1974, с.19-34.
218. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971. 168 с.
219. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975. 272 с.
220. Стоколова Н.А. О тенденциях в области разработки информационно-поисковых языков. - В кн.: Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М., 1972, с.160-199.
221. Сунник О.П. Общая теория частей речи. М.-Л., 1966. 132 с.
222. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 366 с.
223. Сусов И.П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). Тула, 1973. 142 с.
224. Тезаурус научно-технических терминов. Под общей ред. Ю.И.Шемакина. М., 1972. 672 с.
225. Теселкин А.С., Алиева Н.Ф. Индонезийский язык. М., 1960. 60 с.
226. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. 311 с.
227. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. 383 с.
228. Турбович Л.Т. Информационно-семантическая модель обучения. Л., 1970. 177 с.
229. Убин И.И. Выражение параметра Magn в русском языке. - В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып.11. М., 1969, с.60-105.
230. Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. 184 с.
231. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962. 287 с.
232. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.

233. У ф и м ц е в а А.А. Понятие языкового знака. - В кн.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с.96-139.
234. У ф и м ц е в а А.А. Типы словесных знаков. М., 1974. 206 с.
235. Ф и т и а л о в С.Я. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962, с.100-114.
236. Ф о р т у н а т о в Ф.Ф. О залогах русского глагола. - Изв. отд. русск. яз. и словесности Имп. Академии наук, 1899, т.IV, кн.4, с.1153-1158.
237. Х о л о д о в и ч А.А. К вопросу о доминанте предложения. - In: *Studies in general and oriental linguistics*. Tokyo, 1970, p.318-323.
238. Х о л о д о в и ч А.А. Залог. - В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970, с.2-26.
239. Х о м с к и й Н. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. Изд-во Московск. ун-та, 1972. 259 с.
240. Х р а к о в с к и й В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973. 289 с.
241. Ч е й ф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с.
242. Ч ё р ч А. Введение в математическую логику, т.I. М., 1960. 484 с.
243. Ч е с н о к о в П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. 192 с.
244. Ч и к о б а в а А.С. Грузинский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с.22-61.
245. Ш а й к е в и ч А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей. - "Иностранные языки в школе", 1963, вып.П, с.14-26.
246. Ш а х м а т о в А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941. 620 с.
247. Ш е м а к и н Ю.И. Тезаурус в автоматизированных системах управления и обработки информации. М., 1974. 188 с.
248. Ш р е й д е р Ю.А. Свойство проективности языка. - НТИ, 1964, № 8, с.38-41.
249. Ш р е й д е р Ю.А. Об одной модели семантической теории информации. - В кн.: Проблемы кибернетики, вып.13. М., 1965, с.233-240.
250. Ш р е й д е р Ю.А. О семантических аспектах теории информации. - В кн.: Теоретические проблемы информации. МФД, 435. М., 1968, с.152-178.
251. Щ е р б а Л.В. О частях речи в русском языке. - В кн.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с.63-84.
252. Щ у р Г.С. Об основных теориях поля в языкознании. - В кн.: Вопросы филологии. Омск, 1971, с.81-126.
253. Щ у р Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 255 с.
254. Ы й м Х. О лексических категориях в глубинной структуре. - В кн.: Проблемы моделирования языка. З.З. Тарту, 1969, с.197-208.

255. Я з ы к и народов СССР, т.1-5. М., 1966-1968.
256. Я з ы к и народов Азии и Африки. Под общей ред. Г.П. Сердюченко. М., 1959-1975.
257. Я к о б с о н Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с.95-113.
258. Я х о н т о в С.Е. Формальное определение залога. - В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974, с.46-53.
259. A d m o n i W.G. Über die Wortstellung im Deutschen. - "Zwei Welten", 1934, N 6, S.77-79.
260. A d m o n i W.G. Der deutsche Sprachbau. Leningrad, 1972. 312 S.
261. A n d e r s s o n L a r s - G u n n a r. Presuppositional structures in temporal clauses. - "Logical Grammar Reports", 1973, N 4, Preprint. 20 p.
262. A n t a l L. Questions of meaning. Mouton - The Hague, 1963. 95 p.
263. A n t a l L. Content, meaning, and understanding. Mouton - The Hague, 1964. 63 p.
264. B a c h E. "Have" and "Be" in English syntax. - "Language", 1967, vol.43, p.462-485.
265. B a l d i n g e r K. Structures et systèmes linguistiques. - "Travaux de linguistique et de littérature", 1967, vol.1, p.122-139.
266. B a z e l l C.E. The fundamental syntactic relations. - "Časopis pro moderní filologii", 1949, ročník XXXIII, číslo 1, s.9-15.
267. B e n d i x E.H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese. - "International Journal of American Linguistics", 1966, vol.32, N 2, part II. 190 p.
268. B o e d e r W. Zur Tiefenstruktur von Präpositionalphrasen. - "Folia Linguisticae Europae", 1973, t.VI, Teil 1/2, p.89-106.
269. B o l l i n g e r D. The atomization of meaning. - "Language", 1965, vol.41, p.555-574.
270. B o o s t K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1955. 88 S.
271. C a s a r e s J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1951. 1124 p.
272. C h a f e W.L. Meaning and the structure of language. Chicago and London, 1970. 360 p.
273. C h o m s k y N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass., 1965. 251 p.
274. C h o m s k y N. Studies on semantics in generative grammar. The Hague - Paris, 1972. 207 p.
275. C o o p e r D.E. Presupposition. - In: "Janua Linguarum", Series Minor, N 203. The Hague - Paris, 1974. 130 p.

276. C o s e r i u E. Zur Vorgeschichte der strukturellen Semantik. Heyeses Analyse des Wortfeldes "Schall". - In: To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday, vol.I. The Hague - Paris, 1967, S.489-498.
277. C r i a d o d e V a l M. Sintaxis del verbo español moderno. Parte I. Metodología. Vol.I, Parte II. Los tiempos pasados del indicativo. Madrid, 1948. 190 p.
278. D a n e š F. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů. - "Slovo a slovesnost", 1971, roč.XXXII, č.3, s.193-207.
279. D a n e š F. Functional sentence perspective and the organization of the text. - In: Papers on functional sentence perspective. Ed. by F.Daneš. The Hague - Paris, 1974, p.106-128.
280. D i j k T. van. Some aspects of text grammar. A study in theoretical linguistics and poetics. The Hague - Paris, 1972. 375 p.
281. D o r n s e i f f F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1965. 922 S.
282. D r e s s l e r W. Textsyntax. - "Lingua e stile", 1970, N 2, p.191-213.
283. D r e s s l e r W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972. 135 S.
284. D u b o i s J. Grammaire structurale du français. Le verbe. Paris, 1967. 218 p.
285. E c c o U. A componential analysis of the architectural sign (column). - "Semiotica", 1972, vol.V, N 2, p.97-117.
286. E r b e n J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1959. 208 S.
287. E r b e n J. Prinzipielles zur Syntaxforschung, mit dem besonderen Blick auf Grundfragen der deutschen Syntax. - In: Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. Darmstadt, 1962, S.505-526.
288. F i l l m o r e Ch. J. The case for case. - In: Universals in linguistic theory. Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. - London - Toronto, 1968, p.1-88.
289. F i l l m o r e Ch.J. Subjects, speakers, and roles. - "Synthese", 1970, vol.21, Nos 3/4, p.251-274.
290. F r i e s Ch. The structure of English. N.Y., 1952. 304 p.
291. G e c k e l e r H. Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. München, 1971. 255 S.
292. G l i n z H. Die innere Form des Deutschen. Bern, 1952. 504 S.
293. G o o d e n o u g h W.H. Componential analysis and the study of meaning. - "Language", 1956, vol.32, N 1, p.195-216.
294. G r e i m a s A.J. Sémantique structurale: recherche de méthode. Paris, 1966. 262 p.
295. G r o d z i ŋ s k i E. Zarys ogólnej teorii imion własnych. Warszawa, 1973. 311 S.
296. H a a s W. Rivalry among deep structures. - "Language", 1973, vol.49, N 2, p.282-293.

297. H a l l i d a y M.A.K. The place of "functional sentence perspective" in the system of linguistic description. - In: Papers on Functional Sentence Perspective. The Hague-Paris. 1974, p. 43-53.
298. H a r m a n G. Deep structure as logical form. - "Synthese", 1970, vol. 21, Nos 3/4, p. 275-297.
299. H e y s e K. System der Sprachwissenschaft. Berlin, 1856. 500 S.
300. H u t c h i n s W.J. Semantics in three formal models of language. - "Lingua", 1971, vol. 28, N 3, p. 201-236.
301. H u t c h i n s W.J. The generation of syntactic structures from a semantic base. London, 1971. 197 p.
302. J a c k e n d o f f R.S. Quantifiers in English. - "Language", 1968, vol. 4, N 4, p. 422-442.
303. J e s p e r s e n O. A modern English grammar on historical principles. Part II, vol. I. London - Copenhagen, 1954. 512 p.
304. K a r t t u n e n L. The projection problem for presuppositions: plugs, holes and filters. - In: Proceedings of the second meeting of the North Eastern linguistic society. Ed. by D. Lightfoot. Montréal, 1972, p. 51-64.
305. K a s t o v s k y D. Causatives. - "Foundations of language", 1973, vol. 10, N 2, p. 255-315.
306. K a t z J.J. Interpretative semantics vs. generative semantics. - "Foundations of language", 1970, vol. 6, N 2, p. 220-259.
307. K a t z J.J., F o d o r J.A. The structure of a semantic theory. - "Language", 1963, vol. 39, N 2, pt. I, p. 170-210.
308. K a t z J.J., P o s t a l P.M. An integrated theory of linguistic descriptions. - Cambridge, Mass., 1965. 178 p.
309. K e e n a n E. Two kinds of presupposition in natural language. - In: Studies in linguistic semantics, ed. by Ch. Fillmore and D. Langendoen. N.Y., 1971, p. 45-52.
310. K o c h W.A. Problems in the hierarchization of text structures. - "Orbis", 1968, N 2, p. 309-342.
311. L a k o f f G. On the nature of syntactic irregularity. - Report No NSF-16, Mathematical linguistics and automatic translation to the National science foundation. The computational laboratory. Harvard University. Cambridge, Mass., 1965. 150 p.
312. L a k o f f G. Linguistics and natural logic. - "Synthese", 1970, vol. 22, Nos 1/2, p. 151-271.
313. L a k o f f R. If's, and's, and but's about conjunction. - In: Studies in linguistic semantics. Ed. by Ch. Fillmore and D. Langendoen. N.Y., Chicago, S. Francisco, 1971, p. 115-149.
314. L a k o f f R. The pragmatics of modality. Preprint. University of Michigan and Center for advanced study in the behavioral sciences. - "OSUGO", 1972. 18 p.
315. L a n g e n d o e n D.T. The projection problem for presupposition. - In: Studies in linguistic semantics. Ed. by Ch. Fillmore and D. Langendoen. N.Y., 1971, p. 55-60.
316. L e e c h G.N. Towards a semantic description of English. Bloomington and London, 1970. 277 p.

317. L e e m a n D. La paraphrase. - "Langages", 1973, 29 mars, 8-ème année. 117 p.
318. L e e s R.B. The grammar of English nominalizations. - "International Journal of American linguistics", 1960, vol.26, N 3, pt.II. 205 p.
319. L e h r e r A. Semantic cuisine. - "Journal of Linguistics", 1969, vol.5, N 1, p.39-55.
320. L ê - v ă n - L ý. Le parler vietnamien. Essai d'une grammaire vietnamienne. Paris, 1948. 236 p.
321. L i g h t f o o t D. Les présuppositions dans la grammaire transformationnelle. - In: Problèmes de sémantique, Cahier linguistique, N 2. Montreal, 1973, p.179-200.
322. L o c k w o o d D.G. Introduction to stratificational linguistics. N.Y., 1972. 365 p.
323. L o u n s b u r y F.G. The structural analysis of kinship semantics. - In: Proceedings of the Ninth International Congress of linguists. The Hague, 1964, p.112-146.
324. L y o n s J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968. 519 p.
325. M c C a w l e y J.D. The role of semantics in a grammar. - In: Universals in linguistic theory. N.Y., 1968, p.124-169.
326. M c C a w l e y J.D. English as VSO language. - "Language". 1970, vol.46, N 2, pt.I, p.286-299.
327. M a q u e t M.Ch. Dictionnaire analogique. Répertoire moderne des mots par les idées, des idées par les mots. Paris. 1936. 592 p.
328. M a r t i n e t A. Cas ou fonctions? A propos de l'article "The case for case" de Ch. J. Fillmore. - "Linguistique", 1972/1, N 8, p.5-24.
329. M i l l e r J. Towards a generative semantic account of aspect in Russian. - "Journal of Linguistics", 1972, vol.8, N 2, p.217-236.
330. M o r r i s Ch. Signification and significance. A study of the relations of signs and values. Cambridge, Mass., 1964. 99 p.
331. M o u n i n G. Introduction à la sémiologie. Paris, 1970. 249 p.
332. M u l d e r J. and H e r v e y S. Theory of the linguistic sign. - In: Janua Linguarum, Ser. Minor, N 136. The Hague - Paris, 1972. 70 p.
333. O g d e n C., R i c h a r d s I. The meaning of meaning. London, 1946. 363 p.
334. P a n e v o v á J., S g a l l P. Slovesný vid v explicitním popisu jazyka. - Slovo z slovesnost, 1972, roč.XXXIII, č.4, s.294-303.
335. R e i c h e n b a c h H. Elements of symbolic logic. 3-rd printing. N.Y., 1951. 444 p.
336. R o g e t P. Thesaurus of English words and phrases. N.Y., 1964. 1405 p.

337. R o u a i x P. Dictionnaire-manuel-illustré des idées suggérées par les mots. 2 éd. Paris, 1901. 539 p.
338. R u s s e l B. An inquiry into meaning and truth. London, 1963. 333 p.
339. S c h a n k R. "Semantics" in conceptual analysis. - "Lingua", 1972, 30, Nos 3-4, p.101-140.
340. S c h l e s s i n g A. Deutscher Wortschatz oder der passende Ausdruck. Stuttgart, 1892. 456 S.
341. S g a l l P. Generativní popis jazyka a česká deklinace. Praha, 1967. 238 s.
342. S g a l l P. Functional sentence perspective in a generative description. - "Prague Studies in Mathematical Linguistics", 1967, N 2, p.203-225.
343. S g a l l P. Fillmore's mysteries and topic vs. comment. - "Journal of Linguistics", 1972, vol.8, N 2, p.283-288.
344. S t u d i e s in linguistic semantics. Ed. by Ch.Fillmore and D.Langendoen. N.Y., 1971. 239 p.
345. S w e e t H. A new English grammar, pt.I. Oxford, 1940. 500 p.
346. Š m i l a u e r V. Novočeská skladba. Praha, 1947. 474 s.
347. T e s n i è r e L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959. 672 p.
348. T r i e r J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931. 347 S.
349. U h l í ř o v á L. Aktuální členění větné v současné generativní teorii. - "Slovo a slovensnost", 1972, roč.XXXIII, č.1, s.37-43.
350. V e r h a a r J.M. The verb "Be" and its synonyms. Pt.1-4. Dordrecht - Holland, 1967. 100 p.
351. W e i n r e i c h U. Explorations in semantic theory. - In: Current Trends in Linguistics, vol.III, Theoretical Foundations. The Hague - Paris, 1966, p.395-477.
352. W e i s g e r b e r L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962. 431 S.
353. W i e r z b i c k a A. Dociekania semantyczne. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1969. 202 s.

Список сокращений имен

Ф.Абр.	- Ф.А.Абрамов	H.Böll	- Heinrich Böll
Ю.Бонд.	- Ю.В.Бондарев	C.Br.	- Charlotte Brontë
Бун.	- И.А.Бунин	A.D.	- Alphonse Daudet
Гайд.	- А.П.Гайдар	C.Dick.	- Charles Dickens
Герц.	- А.И.Герцен	Th.D.	- Theodore Dreiser
Гог.	- Н.В.Гоголь	G.Fl.	- Gustave Flaubert
Гонч.	- И.А.Гончаров	A.Fr.	- Anatole France
М.Г.	- А.М.Горький	J.G.	- John Galsworthy
Д.Гр.	- Д.А.Гранин	I.G.	- Johann Wolfgang Goethe
Грин.	- А.С.Грин	E.Hem.	- Ernest Hemingway
Дост.	- Ф.М.Достоевский	V.H.	- Victor Hugo
Евтуш.	- Е.А.Евтушенко	R.K.	- Rudyard Kipling
Есен.	- С.А.Есенин	H.Long.	- Henry Longfellow
Корол.	- В.Г.Короленко	K.M.	- Katherine Mansfield
Купр.	- А.И.Куприн	G. de M.	- Guy de Maupassant
Крыл.	- И.А.Крылов	F.M.	- François Mauriac
Маяк.	- В.В.Маяковский	O.Hen.	- O. Henry
Б.П.	- Б.Л.Пастернак	A. de S.-Ex.	- Antoine de Saint-Exupéry
Б.Пол.	- Б.Н.Полевой	F.Sch.	- Friedrich Schiller
Пушк.	- А.С.Пушкин	A.S.	- Anna Seghers
Симон.	- К.М.Симонов	G.S.	- George Simenon
С.С.	- С.С.Смирнов	Sten.	- Stendhal
В.Сол.	- В.А.Солоухин	H.T.	- Henri Troyat
Твард.	- А.Т.Твардовский	M.Tw.	- Mark Twain
Л.Толст.	- Л.Н.Толстой		
Фад.	- А.А.Фадеев		
А.Чак.	- А.Б.Чаковский		
Чех.	- А.П.Чехов		
Шолох.	- М.А.Шолохов		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Природа языкового знака и структура значения.....	5
§ 1. Знак: его план выражения и план содержания.....	-
§ 2. Структура значения и его аспекты.....	10
§ 3. Парадигматика в семантике.....	13
§ 4. Компонентная организация значения.....	19
§ 5. Комбинаторика значений.....	23
Глава II. Семантическая структура непредикатных знаков.....	26
§ 1. Различие между предикатными и непредикатными знаками.....	-
§ 2. Семантические особенности непредикатных знаков...	29
§ 3. Соотношение категориальных и семантических характеристик в непредикатном языковом знаке.....	31
§ 4. Роль непредикатных знаков в формировании предложения.....	35
Глава III. Семантика предикатных знаков.....	39
§ 1. Предикатный знак как центр предикатного выражения	-
§ 2. Семантическая структура и ее интерпретация в различных лингвистических теориях.....	40
§ 3. Проблема реальности семантических структур.....	50
§ 4. Общая организация семантической структуры.....	51
§ 5. Принципы формирования инвентаря семантических функций.....	66
§ 6. Структура словаря.....	70
Глава IV. Взаимодействие включающих и включенных предикатов.	77
§ 1. Семантические особенности включающих предикатов...	-
§ 2. Фазисные, модальные и каузативные предикаты.....	78
§ 3. Кванторы.....	83
§ 4. Пропозициональные связки.....	85
§ 5. Наречия-сирконстанты как включающие предикаты.....	92
§ 6. Включенные предикаты.....	98
§ 7. Нематричные предикаты.....	103
§ 8. Свертка предикатов и скрытые предикаты.....	104
§ 9. Предикатная функция непредикатных слов.....	107

§ 10. Семантические корреляты грамматических категорий	108
а) Грамматические категории существительных.....	109
б) Грамматические категории глаголов.....	118
§ 11. Актуальное членение и пресуппозиция.....	133
Глава У. Синтаксическое оформление предикатных выражений.	143
§ 1. Трансформации предикатных выражений в синтаксические структуры.....	-
§ 2. Синтаксические планы, или аспекты.....	145
§ 3. Категории и функции в синтаксисе.....	148
§ 4. Механизм транспозиции.....	157
§ 5. Транспозиция и словообразование.....	169
§ 6. Линейная организация предложения.....	174
§ 7. Взаимодействие синтаксической структуры предложения с синтаксисом текста.....	181
Заключение.....	183
Литература.....	185
Список сокращений имен.....	202

Валентин Васильевич Богданов

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Редактор Л.А.Карпова

Техн. редактор Л.А.Топорина

Корректоры И.А.Богданова,

Г.Н.Евченко

М-32733

Подписано к печати 30 ХП 1976 г.

Формат бумаги 60х90 1/16 Бум.тип. №3

Печ.л. 13

Уч.-изд.л. 13,44

Тираж 3155 экз.

Заказ №12.

Цена 97 коп.

Издательство ЛРУ имени А.А.Иданова

199164. Ленинград, Университетская наб., 7/9

Тульская типография Совэполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
г.Тула, пр. Ленина, 109

Издательство Ленинградского университета готовит к выпуску в 1978 г. Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. IV. Отв. ред. М.И.Откупщикова.

4-й выпуск сборника (вып. 1-3 вышли в 1973-1976 гг.) содержит исследования как конкретных лингвистических проблем точными методами, так и самих методов описания языка. Большая часть работ ставит задачей описание отдельных элементов семантической структуры в рамках построения информационно-логической системы "запрос - ответ". Кроме того, рассматриваются вопросы синтаксического анализа, существенные для автоматической обработки текста и программированного обучения, формальные характеристики патологической речи и соотнесение языковых знаний с неязыковыми реалиями в связи с проблемами искусственного интеллекта.

Сборник рассчитан на специалистов в области математической, прикладной и структурной лингвистики, на студентов этих специальностей, а также на лингвистов широкого профиля.

Заявки присылайте по адресу: 197140, Ленинград, Петрозаводская ул., д.7, магазин "Книга - почтой" Северо-западного отделения "Академкниги". Жители Ленинграда могут заказать эту книгу в университетском магазине (Университетская наб., 7/9) и в магазинах "Академкниги" на Литейном пр. д. 57 и на Менделеевской линии д.1.

Издательство Ленинградского университета готовит к выпуску в 1978 г. Структурная и прикладная лингвистика. Отв. ред. А.С.Герд.

Статьи, включенные в сборник, охватывают широкий круг проблем современной теоретической и прикладной лингвистики. В них на материале русского, английского и немецкого языков рассматриваются актуальные вопросы семантики предложения, теории синтаксиса, проблемы изучения связного текста. Ряд статей посвящен применению математических методов в языкознании, исследованию статистических закономерностей как современных, так и древних текстов. Значительное место занимают в сборнике статьи по проблемам лингвистического обеспечения автоматизированных информационных систем и систем управления, по вопросам научно-технической лексикографии.

Сборник рассчитан на филологов, специалистов по общему языкознанию, прикладной лингвистике и информатике.

Заявки присылайте по адресу: 197110, Ленинград, Петрозаводская ул., д.7, магазин "Книга - почтой" Северо-западного отделения "Академкниги". Жители Ленинграда могут заказать эту книгу в университетском магазине (Университетская наб., 7/9) и в магазинах "Академкниги" на Литейном пр. д. 57 и на Менделеевской линии д.1.